

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА АДМИНИСТРАЦИИ
Дж. БАЙДЕНА
- АМЕРИКАНСКИЕ МАСС-МЕДИА В БОРЬБЕ
ЗА ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО
- ОПЫТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В США
И ЕГО ВОЗМОЖНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ В РОССИИ
- СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА
В ОТНОШЕНИИ КОНФЛИКТА В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ
- ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРГ И США В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ВОЕННОЙ СФЕРАХ
- КРУПНЕЙШИЕ КИНОКОМПАНИИ В США
И САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ В МИРЕ ФИЛЬМЫ



2 • 2023

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*



США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2023

№ 2 (638)

Февраль

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*



Главный редактор
А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2023
© Институт США и Канады РАН, 2023
© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2023

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2023

No. 2 (638)

February

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2023

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2023

Содержание

2023, № 2 (638)

Лебедева Л.Ф. Вызовы и риски социальной защищенности населения США в третьем десятилетии XXI века.....	5
Неренц Д.В. Роль американских СМИ в информационной войне XXI века.....	18
Кравченко Е.И. Опыт функционирования системы стратегического планирования в США и возможности его использования в России.....	33

Геополитика

Гегелашвили Н.А. Политика Вашингтона в Закавказье на фоне новых геополитических реалий.....	49
Трунов Ф.О. Отношения ФРГ и США в 2022 г. в политической и военной сферах: кооперация или конкуренция?	65

Размышляя над прочитанным

Сургуладзе В.Ш. Актуализируя Роберта Джервиса.....	83
---	----

Культура

Белова Е.Д. Самые популярные в мире фильмы: есть ли альтернатива Голливуду?.....	101
---	-----

Справки

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Конференция «80 лет российско-канадских дипломатических отношений, 1942–2022».....	122
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2023, No. 2 (638)

Lebedeva, L.F. Challenges and Risks of Social Security in the US at the Beginning of the 2020s.....	5
Nerentz, D.V. The Role of the American Mass Media in the Information Warfare of the 21st Century.....	18
Kravchenko, E.I. Strategic Planning System Experience in the United States and its Possible Applications in Russia.....	33

Geopolitics

Gegelashvili, N.A. Washington's Policy Amidst the New Geopolitical Realities in the Transcaucasus.....	49
Trunov, Ph.O. The U.S. – German Relations in Political and Military Spheres in 2022: Cooperation or Competition?.....	65

Readers' Deliberations

Surguladze V.Sh. Actualizing Robert Jervis.....	83
---	----

Culture

Belova, E.D. Global Top Films: Is There an Alternative to Hollywood?.....	101
---	-----

Background Information

Akimov, Yu.G., Minkova, K.V. Conference "80 years of Russia–Canada Relations, 1942–2022".....	122
--	-----

УДК 364.05, 364.1

JEL: F00

DOI: 10.31857/S2686673023020013

EDN: PADSPW

Вызовы и риски социальной защищенности населения США в третьем десятилетии XXI века

Л.Ф. Лебедева

*Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Scopus Author ID: 56808936800 РИНЦ ID: 625626

ORCID: 0000-0002-4464-2916 e-mail: l.lebedeva@iskran.ru

Резюме: В начале третьего десятилетия XXI века президентская администрация Джоозефа Байдена оказалась перед новыми вызовами и рисками выполнения социальных обещаний в условиях глобальных и внутренних трансформаций. Последствия пандемии, бюджетных дефицитов, скачка инфляции в сочетании с нестабильной экономической ситуацией усугубляются накопившимися проблемами функционирования системы социального обеспечения на фоне политического раскола в принятии мер по их решению.

Ключевые слова: социальная политика, федеральный бюджет, общественное мнение, США

Для цитирования: Лебедева Л.Ф. Вызовы и риски социальной защищенности населения США в третьем десятилетии. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (2): 5–17. DOI: 10.31857/S2686673023020013 EDN: PADSPW

Challenges and Risks of Social Security in the US at the Beginning of the 2020s

Liudmila F. Lebedeva

Arbatov U.S. and Canada Institute Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 56808936800 РИНЦ ID: 625626

ORCID: 0000-0002-4464-2916 e-mail: l.lebedeva@iskran.ru

Abstract: Protecting the social security of the American households has been in the process of transformation, meeting more and more long-term challenges like demographic, financial; and facing new threats for well-being, like inflation. Though inflation doesn't dominate Americans' worries as the most important problem facing the country, Polls show the growing part of householders having problems with paying the bills; worrying a great deal about inflation, the availability and affordability of energy etc. The proposed Budget of the U.S. Government for Fiscal Year 2023 contains a wide-ranging list of government social spending initiatives, but the worries of Americans about the government regulation and social issues remain.

Keywords: social policy, public opinion, Budget of the U.S. Government

For citation: Lebedeva L.F. Challenges and Risks of Social Security in the US at the Beginning of the 2020s. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2023; 53(2): 5-17.

DOI: 10.31857/S2686673023020013

EDN: PADSPW

ВВЕДЕНИЕ

Новые вызовы рубежа второго – третьего десятилетий XXI века, связанные с эпидемиологической ситуацией, с увеличением востребованности государственной поддержки американских домохозяйств на фоне резко возросшего дефицита американского бюджета усиливаются инфляционной динамикой, остающейся высокой волатильностью доходов, неопределённостью реализации социальных планов действующей администрации.

Первые два года президентства Джозефа Байдена не приблизили страну к решению стратегически значимых социальных задач в новых финансово-экономических, геополитических условиях. Ноябрьские выборы в Конгресс 2022 г., когда республиканцам удалось получить в Палате представителей 222 места против 213 у демократов; а в Сенате демократы получили 51 место (из 100), подтвердили глубокий политический раскол, при котором законодательное утверждение мер социального характера остаётся проблематичным, впрочем, как и обеспечение их устойчивой общественной поддержки. Неопределённость в направлениях и скорости изменений в системе социальной поддержки населения сама по себе стала риском для стабильного обеспечения миллионов американских домохозяйств.

ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

В течение второй половины прошлого столетия гарантии поддержки населения, основанные на действующем законодательстве, носили в Соединённых Штатах предсказуемый характер. На разных этапах развития американского общества под влиянием социально-демографических тенденций, финансово-экономической ситуации ставился вопрос о необходимости реформирования государственной системы поддержки населения, основы которой были заложены в эпоху Ф. Рузвельта. В последующий период предпринимались попытки их пересмотра, в том числе в годы республиканской администрации Р. Рейгана, как в направлении оптимизации полномочий между разными уровнями власти, так и условий предоставления государственной помощи нуждающимся. А в период демократической администрации У. Клинтона был принят закон «О личной ответственности и возможностях трудоустройства» (1996 г.), который ограничил её получение для трудоспособных лиц. В этом же русле происходили изменения социальных функций государства в период президентства Д. Трампа; нацеленные на постепенный отход от спонсорства из бюджетных средств, пересмотр

приоритетов их распределения на фоне расширения использования рыночных механизмов в социальной сфере.

Нарастающие демографические изменения, последствия глобального кризиса конца первого десятилетия текущего века, проблемы доступности для ряда групп работников социальных планов работодателей, безусловно, усилили обеспокоенность американцев вопросами государственных выплат на страховой и бюджетной основе.

Продолжение ставших привычными и ожидаемыми – по истечении первых двух лет борьбы с волнообразным распространением коронавирусной инфекции – массовых выплат из бюджетных средств, отсрочки налоговых платежей, иных мер помощи, носивших чрезвычайный характер, стало проблематичным. После масштабных бюджетных расходов на эти цели в условиях пандемии и её последствий в 2020 г., общая сумма государственных трансфертов населению в 2021–2022 гг. постепенно снижалась с 5,9 млрд долл. (в годовом измерении) в I квартале 2021 г. до 3,9 млрд долл. в IV квартале 2021 г. и 3,88 млрд долл. в I квартале 2022 г. [1]. В представленном президентом Джоозефом Байденом бюджете правительства США на 2023 фин. г. [2] содержатся предложения по общей сумме расходов в объёме 5,8 трлн долл.

В то же время в 2021–2022 гг. американцам пришлось столкнуться с почти забытыми для них темпами инфляции, при том, что молодые поколения разве что слышали о таких её значениях от старших.

Скачкообразные колебания в динамике реальных потребительских расходов американцев наблюдаются с 2020 г. и по товарам, и по услугам, отражая многовекторное затяжное влияние внешних и внутренних трансформаций на жизнедеятельность домохозяйств, их решения, приоритеты, потребительские ориентиры.

Поквартальная динамика реальных потребительских расходов американцев на рубеже второго-третьего десятилетий показывает широкий диапазон их колебаний, которые зафиксированы и после ослабления пандемии в период президентской администрации Дж. Байдена в 2021–2022 гг. (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика реальных потребительских расходов:
процент изменения к предыдущему периоду**

Период	Реальные потреби- тельские расходы, товары, %	Реальные потреби- тельские расходы, услуги, %	Реальные потреби- тельские расходы, всего, %
2019, I квартал	1,3	0,3	0,6
2019, II квартал	7,0	2,0	3,6
2019, III квартал	4,9	2,4	3,2

2019, IV квартал	1,8	1,7	1,7
2020, I квартал	0,3	-10,0	-6,9
2020, II квартал	-10,0	-42,4	-33,4
2020, III квартал	49,5	37,5	41,4
2020, IV квартал	-0,3	5,3	3,4
2021, I квартал	27,4	3,9	11,4
2021, II квартал	13,0	11,5	12,0
2021, III квартал	-8,8	8,2	2,0
2021, IV квартал	1,1	3,3	2,5
2022, I квартал	-0,3	3,0	1,8
2022, II квартал	-2,6	4,6	2,0
2022, III квартал	-1,2	2,8	1,4

Percent Change From Preceding Period in Real Personal Consumption Expenditures by Major Type of Product. BEA 2022. Available at: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=2#reqid=19&step=2&isuri=1&1922=survey> (accessed 10.12.2022).

С 2021 г. «пандемические» осложнения на потребительском рынке усугубляются инфляцией: по данным на январь 2022 г. рост цен на продовольствие составил 6,3%, на бензин – 49,6% [3]. Однако и при снижении инфляции в повестке остаются отложенные последствия «инфляционного шока», которые усиливаются нестабильностью на мировых рынках продовольствия, энергоносителей, сырья; нарушением функционирования производственных цепочек.

В начале 2022 г. в Соединённых Штатах инфляция составила 8,5%, в сравнении с соседними Канадой (5,7%) и Мексикой (7,5%) [4]. Проблемы инфляции, обещания постепенного замедления роста цен постоянно присутствовали в выступлениях Дж. Байдена [5]. Инфляционный эффект может иметь нарастающий характер по своему влиянию на потребительское поведение, учитывая сохраняющуюся неопределённость экономической ситуации в стране и на мировых рынках.

Особо стоит учитывать восприятие американцами возвращения инфляции в силу их энергоёмкого потребления, когда рост цен на бензин, отопление, другие виды энергии беспокоит их не в меньшей степени, чем подорожание продуктов. В начале 2022 г., согласно опросам, около половины респондентов (47%) «в значительной степени» были обеспокоены стоимостью, доступностью энергии. [6]. Это существенно превышает аналогичный показатель 2021 года (37%) и более чем вдвое превышает его значение в 2020 году.

Современная геополитическая ситуация, рост цен на энергоресурсы и их нестабильность актуализирует «расширенный подход к понятию общественных благ, в соответствии с которым энергетическая безопасность рассматривается как их разновидность» [Клинова М.В. 2022: 110]. Ситуация с реальным и ожидаемым ростом цен на энергоресурсы, их волатильностью имеет особое значение для американцев в силу сложившихся элементов их потребления, жизнедеятельности. Даже если бы в американских домохозяйствах захотели снизить потребление энергии, отказавшись от высокомоощных холодильников, кондиционеров, иных бытовых приборов; на приобретение и установку новых, менее энергоёмких, необходимы дополнительные средства. Кроме того, определённые трудности при подобной замене, могут возникнуть в многоквартирных домах с централизованными установками кондиционеров, стирально-сушильных машин и т.п.

Увеличение цен на энергоносители в конечном счёте ведёт к повышению затрат на производство, транспортировку, установку, обслуживание, хранение продукции. Для оценки влияния прогрессирующей и ожидаемой инфляции на американские домохозяйства важно иметь также в виду различия её эффектов по доходным, возрастным, иным группам населения [7]. Как показано в ряде исследований, в том числе Бюро трудовой статистики (*Bureau of Labor Statistics*), низкодоходные домохозяйства в наибольшей степени подвержены негативному влиянию инфляции; их потребительские корзины испытывают более значительное её воздействие, чем в среднем.

Различия в эффектах инфляции выявляются свыше полувека. Ещё в конце 60-х годов прошлого столетия отмечалось, что остаётся мало сомнений – именно «малоимущие в наибольшей степени страдают от инфляции» [8]. Уровень инфляции имеет особое значение для низко- и среднедоходных групп населения в силу струк-

турных особенностей их потребления; когда на первоочередные нужды у этих групп приходится более значительная часть потребительских расходов, чем у высокодоходных домохозяйств. Низкодоходные домохозяйства тратят на первоочередные нужды 77% доходов – более чем в 2 раза больше, чем высокодоходные домохозяйства (31%). Соответственно, у них остаётся меньше возможностей для замены продуктов и услуг на менее дорогие; для изменения потребительского поведения с учётом ценовой динамики. Близкое по значениям распределение было выявлено и в результате опросов населения относительно расходования государственной помощи в период пандемии [9], когда у 70% американцев с годовым уровнем дохода, почти в 3 раза превышающем черту бедности, полученные государственные выплаты предполагалось использовать на оплату первоочередных нужд.

В период второго года президентства Дж. Байдена снижение инфляции стало для его администрации одной из наиболее важных задач [10]. Уже в январе 2022 г. был зафиксирован самый высокий за последние 40 лет уровень инфляции [11], с опережающим ростом цен на продовольствие, электричество, жилье. В марте 2022 г. инфляция в годовом измерении достигла в США 8,5% – максимального значения с декабря 1981 года [12]; на продукты питания – 8,8%, максимального значения с мая 1981 года. В июле инфляция в США достигла 9,1%, а в начале августа в Сенате начались обсуждения мер по сокращению инфляции, которые предусматривали дополнительные расходы, а также повышение налогов для крупных корпораций, поддерживаемое демократами.

Фактором усиления новых вызовов социальной защищённости населения стало также снижение доступности социальных планов (работодателей) для работников в условиях меняющейся ситуации на рынке труда, при том, что участие в таких планах и ранее было крайне неравномерным. Снижение безработицы в 2021–2022 гг., безусловно, способствовало ослаблению рисков неблагополучия домохозяйств. Вместе с тем наблюдается длительное сокращение доли экономически активного населения [13], что объясняется не только влиянием пандемии со всеми её последствиями; но также долгосрочными трендами, связанными со структурными особенностями демографической динамики, воздействием научно-технологических сдвигов, процессами цифровизации, и автоматически снижает участие населения в государственных и частных социальных планах [14]. Важное значение указанной тенденции в контексте социальной защищённости населения обусловлено тем, что трудовая активность, помимо текущего дохода, обеспечивает доступ к различным видам государственного и частного социального страхования.

Особое значение для обеспечения доходов домохозяйств с середины прошлого века приобрела система государственного пенсионного страхования, в рамках которой в 2022 г. пенсии получали 64,9 млн американцев (около пятой части населения страны) [15], включая как самих застрахованных работников, вышедших на пенсию, так и их иждивенцев; а также потерявших кормильца, инвалидов.

В течение десятилетий гарантии поддержки доходов населения достигались в Соединённых Штатах не только прямыми финансовыми выплатами из государственного бюджета, но и созданием системы государственного социального страхования; укреплением правовой среды, стимулирующей личную ответственность граждан за своё благополучие. Вплоть до начала текущего столетия доля государственных выплат из федерального бюджета (включая программы страхования) в доходах американских домохозяйств не превышала 12%. Заметный рост данного показателя (до 18%) был отмечен в период глобального кризиса конца первого десятилетия и в период пандемии [16]. При этом основную часть государственных выплат (за исключением периода чрезвычайной помощи в борьбе с пандемией 2020–2021 гг.) составляют трансферты в рамках страховых программ.

Выплаты по государственной пенсионной программе стали значимым фактором снижения бедности, сглаживания наиболее острых форм неравенства, расширения доступности первоочередных товаров и услуг – не только для лиц пенсионного возраста, но также для представителей более молодых поколений, в том числе тех, кто потерял кормильца, утратил трудоспособность.

Реализация государственной программы пенсионного страхования стала ключевым фактором длительного и устойчивого сокращения бедности в стране. К началу третьего десятилетия доля лиц с доходом ниже черты бедности среди лиц 65 лет и старше составляла 9,0% (2020 г.); без государственных пенсий этот показатель составил бы 37,8% (табл. 2).

Таблица № 2

Влияние государственной программы пенсионного обеспечения на уровень бедности в начале третьего десятилетия

Возрастная группа	Доля лиц с доходом ниже черты бедности, без учёта государственной программы пенсионного обеспечения, %	Доля лиц с доходом ниже черты бедности, с учётом государственной программы пенсионного обеспечения, %	Число лиц, увеличивших доходы выше черты бедности за счёт выплат по государственной пенсионной программе, тыс. человек
Все возрастные группы	18,3	11,4	22 457
До 18 лет	17,4	16,1	977
18-64 года	13,2	10,4	5 383
65 лет и более	37,8	9,0	16 097

Social Security Lifts More People above the Poverty Line than Any Other Program, cbpp, April 19, 2022.

Таким образом, в отсутствие государственных страховых пенсий число лиц 65 лет и старше, имеющих право на дополнительный гарантированный доход из бюджетных средств, иные виды поддержки, увеличилось бы на 16 097 тыс. человек, что создало бы существенную дополнительную нагрузку на расходную часть федерального бюджета Соединённых Штатов. Выплаты в рамках рассматриваемой программы – в силу её условий получают и взрослые лица до пенсионного возраста, и дети. В результате получения государственных пенсий 22,5 млн человек (по всем возрастным категориям) имеют доход выше черты бедности. Однако финансовая устойчивость данной программы – в зоне риска истощения ресурсов; с 2018 г. поступления превышают выплаты.

БЮДЖЕТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ НА 2023 фин. г.

Как было показано ранее, «осуществление социальной повестки президентства Дж. Байдена сталкивается с бюджетными ограничениями, с проблематичностью законодательного утверждения предложений действующей администрации в силу политического раскола; усиливающего непредсказуемость принятия долгосрочных решений, в том числе в социальной сфере» [Лебедева Л.Ф. 2022: 34].

В представленном президентом Дж. Байденом бюджете правительства США на 2023 фин. г. содержатся предложения по расходам в объёме 5,8 трлн долл. (табл. 3).

Таблица 3

Динамика доходов и расходов федерального бюджета США

Финансовые годы	Доходы, млн долл.	Расходы, млн долл.	Профицит/ Дефицит, млн долл.
2000	2 025 191	1 788 950	236 241
2010	2 162 706	3 457 079	-1 294 373
2015	3 249 890	3 691 850	- 441 960
2016	3 267 965	3 852 615	- 584 650
2017	3 316 184	3 981 630	- 665 446
2018	3 329 907	4 109 045	- 779 138
2019	3 463 364	4 446 956	- 983 592
2020	3 421 164	6 553 603	-3 132 439
2021	4 047 112	6 822 449	-2 775 337

2022 оценка	4 436 626	5 851 576	-1 414 950
2023 оценка	4 638 192	5 792 048	-1 153 856
2024 оценка	4 874 415	6 075 220	-1 200 805
2025 оценка	5 076 327	6 406 034	-1 329 707

Budget of the United States Government, Fiscal Year 2023. Wash., 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/omb/budget/> (accessed 06.12.2022).

По представленным в проекте федерального бюджета на 2023 фин. г. оценкам основным фактором снижения бюджетного дефицита на 2 трлн долл. в сравнении с 2020 фин. г. и более чем на 200 млрд долл. в сравнении с 2022 фин. г., должно стать сокращение расходов. В год следующих президентских выборов (2024) дефицит федерального бюджета по прогнозу должен быть примерно в 2,5 раза меньше, чем в 2020 фин. г. [17]. При этом расходы на человеческие ресурсы планируются в объёме 4 166 млрд долл., что почти на 150 млрд долл. меньше, чем в 2022 фин. г. и более чем на 500 млрд долл. меньше, чем в 2021 фин. году.

Указанные бюджетные параметры были обозначены на фоне снижения реального ВВП (в % к предыдущему периоду) после увеличения в 2021 г. на 6,3% в I квартале, на 6,7% во II квартале, на 2,3% в III и на 6,9% в IV кварталах; в 2022 г. наблюдалось сокращение в I квартале на 1,6%, во II квартале на 0,9% [18].

В условиях неопределённости долгосрочных перспектив системы социальной защиты, охватывающей страховые программы и помощь из бюджетных средств, в начале августа (8 августа) Сенат Соединённых Штатов проголосовал за принятие законопроекта «О снижении инфляции» с объёмом расходов 430 млрд долл. (51 голос за и 50 против, с учётом решающего голоса вице-президента). Уже спустя неделю, 16 августа, закон был подписан президентом США Джоозефом Байденом. Согласно данному закону средства должны быть направлены на развитие «зелёной» энергетики и здравоохранение.

ВОСПРИЯТИЕ АМЕРИКАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ НАИБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ

Риски финансовой стабильности государственного социального страхования и, соответственно, сохранения условий выплат; снижение (или прекращение получения по истечении их срока) ставших ожидаемыми разовых пособий в борьбе с пандемией и её последствиями; неопределённость выполнения социальных обещаний демократической администрации на фоне «забытых» темпов инфляции в полной мере нашли отражение в динамике общественного восприятия принимаемых мер в Соединённых Штатах, используемых регуляторов.

В меняющихся глобальных политической и экономической системах удовлетворённость американцев правительственным регулированием упала в начале 2022 г. до 28% (с 36% в 2021 г. и 41% в 2020 г.) [19], став самой низкой с 2016 года.

В течение первых трёх месяцев 2022 г. доля респондентов, считающих важными проблемами в стране инфляцию, возросла более чем в 2 раза, состояние экономики – почти в 2 раза (табл. 4).

Таблица 4

Наиболее важные проблемы в стране, | квартал 2022 г., % респондентов

Проблемы	Январь	Февраль	Март
Инфляция	8	10	17
Состояние экономики	6	11	11
Разрыв между богатством и бедностью	1	2	2
Недостаток денежных средств	2	1	1
Политика правительства	23	20	22
Расово-этнические отношения	5	4	5
Иммиграция	4	8	5
Коронавирус	20	13	3

Inflation dominates Americans economic concerns. March 1-18 Gallup survey. Available at: <https://news.gallup.com/poll/391220/inflation-dominates-americans-economic-concerns-march.aspx> (accessed 20.12.2022).

Обеспокоенность «в высокой степени» возродившейся инфляцией затронула даже высокодоходные группы населения (58% респондентов). В исследовании Института Гэллапа (*Gallup*) 2022 года доминирующим беспокойством среди американцев выявлена инфляция: 83% респондентов обеспокоены инфляцией, в том числе 59% «в значительной степени»; 83% – проблемами недоедания, бездомности, в том числе 52% «в значительной степени». Близкие значения обеспокоенности отмечены относительно состояния экономики – 87% (58% «в значительной степени»); доступности энергосбережения – 77% (47% «в значительной степени») [20]. Опросы 2022 г. подтверждают также возросшую обеспокоенность американцев состоянием личных финансов – по тем же опросам 40% респондентов были обеспокоены нехваткой средств на оплату обычных текущих счетов (в 2021 г. – 32%); 52% – возможностью поддерживать привычный образ жизни (45% в 2021 г.); 63% – недостатком средств для жизни на пенсии (58% в 2021 г.) [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ожидаемое с начала президентства Дж. Байдена принятие решений по модернизации национальной социально-экономической модели остаётся преимущественно в неопределённом состоянии, а обозначенная действующей демократической администрацией траектория развития социальных планов, реализация ключевых социальных инициатив, рассчитанных на перспективу, «желаемой». Сложившиеся в начале третьего десятилетия для жизнедеятельности американских домохозяйств реалии актуализировали переосмысление всей системы государственной защиты населения, включая как бюджетные выплаты, различные виды поддержки малоимущих, обеспечение их жизненно значимыми услугами; так и доступность социального страхования. Возрастающая, судя по опросам, обеспокоенность американцев возможностью поддерживать привычный образ жизни, а для значительной части и нехваткой средств на оплату текущих счетов, требует принятия назревших решений. Но модернизация основ социальной модели Соединённых Штатов в условиях новых технологических, эпидемиологических, экономических вызовов, её приближение к новым общественным потребностям остаётся задачей на предстоящие десятилетия.

ИСТОЧНИКИ

1. Government Current Receipts and Expenditures. Available at: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=3&isuri=1&1921=survey&1903=86> (accessed 10.12.2022).

2. Budget of the United States Government, Fiscal Year 2023. Wash., 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/omb/budget/> (accessed 10.12.2022).

3. Consumer Price Index – December 2021. U.S. Bureau of Labor Statistics, 12.01.2022.

4. Inflation-rate. Available at: <https://take-profit.org/en/statistics/inflation-rate/united-states/> (accessed 12.12.2022).

5. Inflation jumps. Available at: <https://sputniknews.com/20220210/us-inflation-jumps-75-percent-hitting-40-year-high--1092914534.html> (accessed 20.11.2022).

6. Americans energy worries. Available at: <https://news.gallup.com/poll/391319/americans-energy-worries-surge.aspx> (accessed 20.11.2022).

7. Variation in the Inflation Experiences of Households. Federal Reserve, April 05, 2022. Available at: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/brainard20220405a.htm> (accessed 28.11.2022).

8. Ibidem.

9. Half in U.S. Plan to Spend Relief Money on Bills, Essentials (2020). Gallup. Available at: <https://news.gallup.com/poll/308177/half-plan-spend-relief-money-bills-essentials.aspx> (accessed 20.11.2022).

10. The Federal Reserve and Inflation. March 21, 2022. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11868> (accessed 20.11.2022).

11. US inflation reached highest level. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2022/feb/10/us-inflation-reached-highest-level-40-years-january> (accessed 20.11.2022).

12. United States inflation. Available at: <https://tradingeconomics.com/united-states/inflation-cpi> (accessed 24.11.2022).

13. Employment Situation. December 2021. U.S. Bureau of Labor Statistics. 07.01.2022. 43 p.

14. Social Security Administration. Fast facts. Available at: https://www.ssa.gov/policy/docs/chartbooks/fast_facts/index.html (accessed 12.12.2022).

15. Social Security Administration. Fast facts. Available at: https://www.ssa.gov/policy/docs/chartbooks/fast_facts/index.html (accessed 10.12.2022).

16. National Income and Product Accounts Summary. BEA 2021. Available at: <https://apps.bea.gov/scb/2020/02-selected-nipa-tables.pdf> (accessed 10.12.2022).

17. Budget of the United States Government, Fiscal Year 2023. Wash., 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/omb/budget/> (accessed 10.12.2022).

18. Real GDP. Available at: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=2#reqid=19&step=2&isuri=1&1922=survey> (accessed 12.12.2022).

19. Low Satisfaction With U.S. Gov't Regulation of Businesses. Available at: <https://news.gallup.com/poll/389519/low-satisfaction-gov-regulation-businesses.aspx> (accessed 10.12.2022).

20. Inflation Dominates Americans' Economic Concerns .2022. Available at: <https://news.gallup.com/poll/391220/inflation-dominates-americans-economic-concerns-march.aspx> (accessed 06.12.2022).

21. American financial worries. Available at: <https://news.gallup.com/poll/392432/americans-financial-worries-tick-past-year.aspx> (accessed 06.12.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Клинова М.В. 2022. Государство и энергетическая безопасность в мире и Европе как общественное благо. *Вопросы экономики*. № 6. С. 110-125. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-6-110-125

Лебедева Л.Ф. 2022. Социальная повестка Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура*. №2. С. 24-35. DOI: 10.31857/S268667302202002X

REFERENCES

Klinova, M.V. 2022. Gosudarstvo i jenergeticheskaja bezopasnost' v mire i Evrope kak obshhestvennoe blago [The state and energy security in the world and Europe as a public good] (In Russ.). *Voprosy Ekonomiki*, № 6, pp. 110-125. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-6-110-125

Lebedeva, L.F. 2022. Social'naja povestka Bajdena [The Biden Administration's Social Agenda] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*, No. 2, pp. 24-35 (In Russ.). DOI: 10.31857/S268667302202002X

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕБЕДЕВА Людмила Фёдоровна, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069
Москва, Хлебный пер.2/3.

Liudmila F. LEBEDEVA, Doctor of Sciences (Economics), Professor, honored scientist of the Russian Federation, Chief researcher, Arbatov U.S. and Canada Institute Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 12.12.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 25.12.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 27.12.2022.

УДК 316.77

DOI: 10.31857/S2686673023020025

EDN: PAFBYK

Роль американских СМИ в информационной войне XXI века

Д.В. Неренц

Институт массмедиа и рекламы РГГУ.

Российская Федерация, Москва 125993, Миусская пл., 6.

РИНЦ ID: 653484

ORCID: 0000-0002-6370-0157

e-mail: ya.newlevel@yandex.ru

Резюме: Активное распространение информационно-коммуникационных технологий в XXI веке привело к небывалой открытости информационного пространства. Средства массовой информации получили возможность оказывать воздействие не только на внутреннюю аудиторию, но и на внешних потребителей медиаконтента. Такое воздействие стало проявляться во многих аспектах: в рекламе благодаря транснациональным компаниям (ТНК), в киноиндустрии благодаря экспансии голливудской продукции, в книгоиздательстве из-за массового спроса на зарубежную литературу, а также в формировании информационной картины мира благодаря «международному» статусу ряда американских СМИ – «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», Си-эн-эн. Такое широкое влияние американских массмедиа на восприятие информации мировым сообществом позволило им перейти на новый уровень медиавоздействия и принять активное участие в информационной войне, которая в XXI веке вышла на новый уровень. В статье изучаются приёмы массмедиа США в борьбе за информационное превосходство на внешнем уровне, а также проводится анализ борьбы американских изданий за общественное мнение.

Ключевые слова: информационная война, СМИ, США, дезинформация, фейк, пропаганда, медиавоздействие

Для цитирования: Неренц Д.В. Роль американских СМИ в информационной войне XXI века. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(2):18-32.

DOI: 10.31857/S2686673023020025

EDN: PAFBYK

The Role of the American Mass Media in the Information Warfare of the 21st Century

Darya V. Nerentz

Institute of Massmedia and Advertising of Russian State University for the Humanities.

6, Myusskay sq., Moscow 125993, Russian Federation.

РИНЦ ID: 653484

ORCID: 0000 - 0002 - 6370 - 0157

e-mail: ya.newlevel@yandex.ru

Abstract: The active spread of information and communication technologies in the 21st century has led to an unprecedented openness of the information space. Mass media got the opportunity to influence not only the internal audience, but also external consumers of media content. Such an impact began to manifest itself in many aspects: in advertising thanks to

transnational companies (TNCs), in the film industry thanks to the expansion of Hollywood products, in book publishing due to the massive demand for foreign literature, and also in the formation of an information picture of the world thanks to the “international” status of a several American media (The New York Times, The Washington Post, CNN). Such a scaling of the influence of the American mass media on the perception of information by the world community allowed them to reach a new level of media influence and take an active part in the information warfare, which reached a new level in the 21st century. The article examines the methods of the US mass media in the struggle for informational superiority and also analyzes the struggle of American publications for public opinion.

Keywords: information war, mass media, USA, disinformation, fake, propaganda, media exposure

For citation: Nerentz, D.V. The Role of the American Mass Media in the Information Warfare of the 21st Century. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(2):18-32. DOI: 10.31857/S2686673023020025 EDN: PAFBYK

ВВЕДЕНИЕ

Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали не только эффективным средством в преодолении культурных, языковых, образовательных барьеров, но и серьёзным оружием в борьбе за управление восприятием реальности аудитории. Таким образом, можно отметить, что информационная война с развитием ИКТ с начала 2010-х годов вступила в новую фазу. Теперь информационное оружие всё чаще становится направленным не только на борьбу с внешним врагом, но и на уничтожение внутренних конкурентов. И в этой войне ключевую роль играют средства массовой информации.

Исследователи отмечают, что впервые об информационной войне заговорил в 1976 г. американский учёный-физик, работавший в компании «Боинг» в Сиэтле Т. Рона, упомянув данное понятие в отчёте для Министерства обороны США [Барабаш В.В., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю., 2019: 80]. В нём он делает акцент на характерные для современной информационной войны манипуляции: значительное увеличение объёма производимой информации, затруднение доступа к правдивой информации для противника, размещение на медиаресурсах противника фейков, недостоверных, но кажущихся правдивыми сведений [Rona T.P., 1976: 23].

Информационная война родилась в среде военных и всегда преследует одну цель – дискредитировать противника, одержать победу без применения физических инструментов воздействия. Управляя сознанием общества в информационно-коммуникационном пространстве, стало возможным разжигать массовые беспорядки, народные демонстрации, даже гражданские войны без личного присутствия страны-агрессора и войск соперника.

В 1990-х годах и по настоящее время влияние информационной войны не ограничено наличием у человека радиоприёмника или телевизора. Манипуля-

ции можно осуществлять благодаря интернету, оказывать максимальное воздействие, затрагивая сознание не только группы людей, а каждого человека в отдельности. Новые медиа, социальные сети, блоги и форумы стали площадкой для непрерывного потока информации, в котором манипулировать сознанием людей стало гораздо проще. Ведь одним из методов информационной войны является передача различных сведений так, чтобы аудитория не могла осознать и осмысливать получаемые данные.

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЕ В СМИ

Понятие «информационная война» впервые стало упоминаться в текстах американских газет в 1991 г. в связи с операцией «Буря в пустыне», где новые информационные технологии были использованы в качестве оружия против Ирака. Операции «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» вызвали широкое распространение спекуляций о новой «революции в военном деле» и наступлении войны в информационную эпоху [Johnson R.D., 2004: 53-78]. И гражданские, и военные лидеры были особенно недовольны передачами известного американского журналиста П. Арнетта на телеканале Си-эн-эн из Ирака и обвинили его в том, что он является проводником иракской дезинформации. Изображения «шоссе смерти» в газетах и на экранах телевизоров сыграли ключевую роль в решении президента Дж. Буша прекратить боевые действия всего через 100 часов после начала.

Официально же термин «информационная война» впервые возник в директиве Министерства обороны США только в 1992 г. (№ TS DODD 3600.1). В 1993 г. появилось Полевое руководство 100-5 (FM 100-5), а спустя три года восприятие новой эры войны привело к тому, что было принято Полевое руководство 100-6 «Информационные операции» (FM 100-6) [1]. Это была первая попытка армии рассматривать информационную войну целостно и в доктрине, и, как часто бывает в первых изданиях полевых руководств, остаётся наиболее полным военным трактованием этой темы. Согласно данному руководству, информационная война рассматривалась как действия, предпринимаемые для достижения информационного превосходства путём воздействия на информацию противника, информационные процессы, информационные системы и компьютерные сети при защите собственной информации, информационных процессов, информационных систем и компьютерных сетей. Уже к 1997 г. информационная война была описана в Национальной военной стратегии США в качестве потенциальной угрозы всему государству [2].

Нынешняя миссия киберкомандования армии США, по-видимому, возвращается к всеобъемлющему видению информационной войны из Полевого руководства 100-6, многие положения которого были просто скопированы в Полевом

руководстве 3-0 2008 г. (FM 3-0) [3]. Этот документ определяет информационные операции следующим образом: комплексное использование основных возможностей радиоэлектронной борьбы, компьютерных сетевых операций, психологических операций, операций военного характера в сочетании с определёнными дополнительными возможностями для воздействия, подрыва или узурпации соперника и автоматизированного принятия решений по защите собственных информационных систем.

Это подтверждает и Стратегия национальной безопасности США. Согласно документам, с 2000-х годов основной упор делается на защите информационно-технического пространства. В 2001 г. президент Дж. Буш, перечисляя главные угрозы национальной безопасности США, после терроризма назвал информационную войну [Пашков В., 2010: 6-9]. В Стратегии 2021 г. указано, что США должны стать силой, способной одержать победу над цифровым авторитаризмом и успешно противостоять дезинформации со стороны недружественных стран [4]. Информационная безопасность и шаги по её развитию в тексте не отображены вообще, хотя отмечено, что США ориентированы на оптимизацию процесса разработки, тестирования, приобретения новых технологий и обеспечение их безопасности. Россия и Китай, как и в предыдущих двух версиях Стратегии, названы странами-агрессорами с авторитарным режимом, которые ставят под угрозу существование демократических принципов и используют киберпространство для достижения своих целей.

В современном мире, когда без информационных технологий не обходится ни один процесс, вопросы безопасности занимают главенствующее место в любом государстве, в том числе и в США. В качестве угроз информационной безопасности американское правительство называет информационные войны и кибершпионаж. Однако в более широком смысле идея американской информационной войны отличается отсутствием общего системного контроля над информационными операциями внутри страны и за её пределами. Нет единого документа о контроле информационной безопасности. В основе пристального внимания атаки – защита и всесторонняя поддержка информационных систем государства, что оставляет в стороне концепцию психологической войны, которая изначально рассматривалась как отдельное направление военных действий, но потом стала относиться к концепции информационной войны (появилось понятие «информационно-психологическая война»).

География применения информационного оружия расширяется непрерывно, выходя за рамки военных конфликтов и столкновений. Несмотря на то что вся мощь приёмов информационного воздействия в последние два десятилетия демонстрируется во время государственных переворотов (украинский переворот 2014 г., операции в Ливии и Сирии, грузино-осетинский конфликт 2008 года, специальная военная операция на Украине 2022 г.), разрушающее воздей-

стве пропаганды и дезинформации проявляется и во время предвыборного периода и выборов, экономических кризисов, экологических коллапсов, всемирных проблем (пандемия, эпидемии). Судя по американской Стратегии национальной безопасности 2022 г., основные инструменты информационной войны направлены и будут направлены в ближайшем будущем на Россию и Китай как страны, стремящиеся к разрушению однополярного мира и ставящие под сомнение превосходство США.

ПРИЁМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В СМИ США

Политолог и писатель М. Паренти в статье о монополии СМИ описывает модель освещения событий в мейнстримных СМИ в США, которая приводит к частичной утрате всей существующей информации. Он указывает, что, в то время как мейнстримные массмедиа претендуют на независимость, открытость и объективность, их различные методы, преднамеренные или непреднамеренные, приводят к систематическим противоречиям этим заявлениям [5]. Такие методы, применимые к СМИ других стран, а также США, включают: бездействие/замалчивание, быструю атаку для уничтожения цели, навешивание ярлыков, упреждение, передачу номинальной стоимости (отсутствие критического осмысления действий и высказываний политиков), пренебрежение содержанием (отсутствие контекста или деталей в истории), ложную балансировку (неравномерность представленных точек зрения), избегание «неприятных» тем, фрейминг (*framing*).

В американских СМИ наблюдается сознательный уход от историй, которые могли бы стать сенсационными, в пользу тех, которые не имеют для общества никакой ценности. Кроме того, использование положительных или отрицательных ярлыков позволяет массмедиа уклониться от обращения к фактическим подробностям, которые могут привести аудиторию к другому выводу. Один из распространенных в американских СМИ ярлыков – «жесткая линия» (*hard-line*). Например, ярлык «жесткая линия» применяется ведущими изданиями в отношении описания политики Китая (материал «Нью-Йорк Таймс» «Жесткая политика Китая ставит под угрозу экономику» [6] и России (в «Ньюсуик» материал «Трамп хвастается жесткой позицией в отношении России» [7]).

Зачастую массмедиа США принимают как данность ту политическую позицию, которая нуждается в критическом рассмотрении. Это и есть тот классический узкий диапазон дискурса или параметров дебатов. В основе данной концепции – передача всего, что говорят чиновники, как есть, без критики и анализа. В то же время оглашение официальной точки зрения без её критического осмысления со стороны СМИ приводит к отсутствию альтернативных точек зрения, а, значит, фактически означает автоматическую поддержку всех государственных решений.

Эта концепция также включает в себя повторение правительственной линии без комментариев, тем самым позволяя журналистам претендовать на нейтралитет в качестве простых каналов подачи информации. Но нет никакой нейтральности в повторении линии правительства с одновременным игнорированием критиков этой линии. Также необъективно включать мягкую критику, игнорируя более радикальную, но, возможно, столь же рациональную критику из-за её неодобрения государственно-корпоративным сектором. Так, концентрация внимания на информации исключительно официального характера без альтернативных вариантов, оказывает сильное влияние на мнение людей.

В исследовании, проведённом Фондом за независимость журналистики и Центром за честность в обществе, было подсчитано количество ложных заявлений по иракской теме, сделанных Белым домом в 2001–2003 гг. Их число составило 935 (в проанализированных 532 документах) [8]. Представленные данные в полной мере позволяют говорить о недопустимости такого подхода к передаче информации со стороны СМИ и искажении реальной картины мира у аудитории, особенно связанных военными, политическими и экономическими новостями.

Частое отсутствие контекста или дополнительных подробностей вызывают у читателей или зрителей затруднения в понимании причинно-следственных связей. В качестве примера можно привести освещение протестного движения «Жизни чёрных имеют значение» (*Black Lives Matter - BLM*), которое сводилось к конфронтации полиции и чернокожего населения. И телевизионные СМИ, и интернет-издания, и пресса зачастую описывали в качестве отправной точки конфликта убийство белым полицейским чернокожего Д. Флойда, не упоминая, что само движение появилось задолго до этого, и основное возмущение было направлено не на превышение полномочий полицейскими, а на нарушение прав чернокожих и проявление расизма. Так, в американских массмедиа умело опускались важные детали о нарушении демократических принципов и делался акцент на столкновениях полицейских с протестующими.

Ориентация на экспертные мнения ангажированных политиков и представителей государственной власти и намеренная минимизация высказываний альтернативных точек зрения также свойственна американским СМИ. Исследование, проведённое некоммерческой организацией «Справедливость и точность в освещении событий», доказало, что представители истеблишмента в подавляющем большинстве обращались за разбором причин восстаний после убийства Дж. Флойда к обозревателям, экспертам и правительственным чиновникам, а не к активистам, столкнувшимся с полицией на улицах. В результате протестующие были лишены возможности изложить требования своими словами, а голоса тех, кто больше всего пострадал от жестокости полиции, остались за кадром [9]. В качестве итога авторы заключают, что американские средства массовой ин-

формации не дают протестующим возможности выразить своё видение проблемы в течение хотя бы двух минут без комментариев или прерываний.

Ведущие американские СМИ быстро меняют тему или прерываются на рекламу, столкнувшись с оппозиционной или нежелательной точкой зрения выступающего. Это может быть сделано сознательно или без осознания важности определённого аспекта. Одним из ярких примеров было прерывание речи президента США Д. Трампа на Эм-эс-эн-би-си, Эй-би-си, Си-би-эс, Си-эн-би-си и Эн-би-си после его заявления о своей победе на выборах, при этом отмечалась ложность его высказываний [10].

Одним из самых эффективных способов является фрейминг. Искажая истину с помощью расстановки акцентов и других вспомогательных элементов корректировки действительности, коммуникаторы могут создать желаемое впечатление, не прибегая к явной пропаганде и не отходя слишком далеко от видимости объективной картины. Данный эффект достигается тем, как поданы новости: объём материала, размещение (первая новость или последняя), тон преподнесения информации (сочувствующий или пренебрежительный), заголовки и фотографии и, в случае аудиовизуальных средств массовой информации, сопутствующие зрительные и слуховые эффекты.

Американские телеканалы активно используют приём смещения акцентов, намеренно избегая определённых тем или, наоборот, делая их ключевыми (на республиканском телеканале «Фокс ньюс» обыску у Д. Трампа в Мар-а-Лаго посвящено 97 материалов с акцентом на незаконности данного решения и уверенности, что это не помешает Трампу одержать победу на следующих выборах; у демократического Си-эн-эн – 312 материалов с акцентом на том, что Д. Трамп унёс с собой секретные документы, может шантажировать правительство и представляет опасность для нынешних представителей Белого дома). На телеканале Си-эн-эн часто встречается приём навешивания ярлыков («фальшивый избиратель Д. Трампа», «уловки Д. Трампа», «ложные заявления Д. Трампа» – подобные словосочетания создают ощущение нечестной политики бывшего президента), однако на телеканале «Фокс ньюс» также можно встретить негативные характеристики Дж. Байдена (Байден недееспособен, «умственное ухудшение» Байдена и т.п.). По-разному на телеканалах представлена и внешнеэкономическая ситуация. С одной стороны, Си-эн-эн с заголовком: «Война Путина» (*Putin's war*) и акцентом на украинском положении на линии фронта, с другой – «Фокс ньюс» с частой критикой политики Дж. Байдена, вследствие которой происходит резкое ухудшение финансового положения американцев. Портрет президента Украины В.А. Зеленского также представлен по-разному: человек, готовый идти до конца за интересы украинцев, на Си-эн-эн и иностранец, требующий и требующий финансовой и военной помощи в ущерб благополучию простых граждан США, на «Фокс ньюс».

В 2022 г. американские СМИ активно применяют технологию «спин-терапии» (можно трактовать как пиар-кампанию или манипулятивные обращения в целях навязывания своей позиции) для создания имиджа демократического реформатора, для оправдания поддержки украинских беспорядков, для раскрутки стратегии «управляемого хаоса», для разжигания русофобии. И в целом американская технология «Холодная война 2.0» представляет собой не что иное, как квинтэссенцию накопленного политтехнологами успешного опыта в Грузии, Ливии, Ираке, Сирии, и основана на создании образа России как захватчика, стремящегося к агрессивному присоединению территорий другой страны.

Довольно часто информационная война направлена на усиление поляризации общества. События зимы 2020 – весны 2021 г. в США (митинги, шествия, протестные движения, массовые беспорядки) показали, что в обществе наблюдается серьёзный раскол по таким проблемам, как локдауны и ограничения из-за коронавируса (временное явление), контроль над оружием, иммиграция, религия, раса, социальное неравенство (долговременные проблемы). Негативные сообщения, освещение проблем всегда вызывают более живую реакцию и привлекают внимание аудитории гораздо быстрее. Поляризация ведёт, например, к распространению фейков о республиканцах со стороны сторонников демократов и наоборот.

Сообщения о фейках в американских СМИ и использование этими же СМИ недостоверной информации для проведения своей политической линии становятся не исключением, а нормой. В марте 2021 г. издание «Вашингтон пост» признало, что опубликовало слова Трампа, которые он никогда не произносил [11]. В качестве цитат Д. Трампа в данной публикации использовались выдержки из телефонного разговора президента с главой следственной группы, которая занималась расследованием подтасовок и неверных подсчётов голосов во время выборов в штате Джорджия. В материале отмечалось, что Д. Трамп якобы требовал от следователя найти нарушения, а эксперты, комментировавшие цитаты, признали, что здесь может идти речь о вмешательстве в расследование, что является в США уголовным преступлением. Другими словами, избиратели получили возможность убедиться, что Д. Трамп может ради победы на выборах поступиться законами, что также повлияло на исход выборов 2020 г. Только спустя два месяца газета признала фейк и внесла исправление в данный текст (ведь теперь это мало на что может повлиять).

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ

В основе любой дезинформации существенную долю сообщения занимают ложные данные, умело включённые в контекст, или фейк [12]. Данное понятие широко используется в медийном дискурсе для обозначения информационных подлогов и мистификаций. К ним относятся информационные сообщения, ак-

каунты в социальных сетях, которые ведутся от имени медийного лица, но не им, фотографии, видео- и аудиозаписи, «клоны» официальных сайтов, намеренно созданные «ненастоящие» личности в роли экспертов, полностью или частично искаженная информация о событиях и явлениях.

На протяжении последних лет многие медиаисследователи в своих работах всё чаще обращаются к термину «фейк-ньюс», который получил исключительный резонанс в 2017 г. благодаря президенту США Д. Трампу, открыто критикующему мейнстримные американские СМИ и называющего их фейковыми, или лживыми. В эпоху «информационной перегрузки» и борьбы за аудиторию оперативность в подаче новостей стала мощным оружием СМИ. В результате ежедневно читатели и зрители вынуждены сталкиваться с непроверенной или искажённой информацией, которая приводит к недоразумениям, а иногда и к серьёзным конфликтам.

Очевидно, что современная аудитория отдаёт предпочтение видеоконтенту: телевизионные новости на федеральных телеканалах по-прежнему собирают до 90% населения страны, а видеоролики на *Youtube* стали самым востребованным контентом в социальных медиа в 2022 г. (по данным на январь, число американских пользователей достигло 247 млн человек) [13]. По-прежнему востребована социальная сеть *TikTok*, которая предлагает пользователям максимально короткие видеозаписи на любую тему. Исходя из этого, можно отметить увеличение числа фейковых сообщений и пропагандистских материалов в видеоформате, что позволяет сохранять контроль над сознанием аудитории и не даёт ей переключиться на альтернативные каналы воздействия.

Сегодня «фейковые» видео становятся не исключением, а нормой не только в интернете, но и на телеэкранах. Зрители видят кадры с места событий, на самом деле снятые несколько лет назад или демонстрирующие события в другой стране, а также видео из компьютерных игр, социальных сетей или художественных фильмов. Фейковые новости часто принимают форму пропагандистского развлечения (компромата), которое представляет собой сочетание скандальных материалов, обвинений и разоблачений, драматической музыки и вводящих в заблуждение изображений, вырванных из контекста.

На телевидении США, равно как и в социальных медиа, нередко можно увидеть обращение к фейкам и зачастую они относятся к действиям или поведению политических лиц. В мае 2020 г. Ч. Тодд, ведущий программы «Встреча с прессой» на телеканале Эн-би-си, был публично обвинён другими СМИ и телезрителями в создании фейка [14]. В частности, в том, что вырвал из контекста и сильно исказил смысл высказывания политика У. Барра в интервью телеканалу Си-би-эс-ньюс [14]. В результате поднявшейся волны возмущений телеканал признал ошибку спустя несколько часов, но при этом на телеканале «Фокс» от-

метили, что сам телеведущий в эфире не принёс публичных извинений (сделал это исключительно в своём Твиттер-аккаунте).

Или, например, вызвавший серьёзный общественный резонанс в 2019 г. видеоролик с Нэнси Пелоси, якобы находящейся в состоянии алкогольного опьянения, мгновенно стал вирусным на Фейсбуке (запрещён на территории РФ), однако видеоролик был вскоре удалён. В 2020 г. ситуация повторилась, и благодаря этой же технологии – замедления видео – Н. Пелоси казалась нетрезвой [15].

Последний пример демонстрирует, что эффективной площадкой для распространения фейков стали социальные сети. Каждый пользователь Фейсбука (запрещён на территории РФ) может создать свою собственную правду или то, что он считает правдой. Если раньше модель получения информации выглядела как авторитетный источник (ограниченное количество) – информация, то теперь модель эта трансформировалась в источник (неограниченное количество) – информация. В социальных медиа источников настолько много, что и «правд» теперь тоже неограниченное количество, поскольку создателем «правды» может быть любой пользователь любого возраста.

Фейки, появляющиеся в СМИ, не стихийные, а продуманные и целенаправленные. Автором является группа людей, стремящаяся создать у аудитории необходимое ей представление о произошедшем. Именно пропагандистские и дезинформирующие материалы СМИ в большей степени способствуют формированию маркеров, определяющих «правильное» восприятие реальности и не позволяющих аудитории выходить за пределы проектируемого восприятия.

Одним из важнейших средств борьбы с фейками в самих редакциях СМИ является фактчекинг (*fact checking*). В США механизм проверки фактов как отдельная редакционная практика вне авторской работы существует в стране уже более 25 лет, с начала 1990-х годов. Толчком к началу подобной деятельности послужил анализ телевизионных рекламных блоков. Новый импульс фактчекинг приобрёл с появлением в 2007 г. специализированного интернет-ресурса «ПолитиФакт» (*PolitiFact*), чья деятельность сосредоточена на проверке высказываний политиков (приведённые выше примеры показывают, что неправильная интерпретация цитат политических деятелей, равно как и фразы, вырванные из контекста, могут создать совершенно неправильное понимание ситуации и привести к серьёзным последствиям).

Данный ресурс был создан редакторами и журналистами из независимого издания «Тэмпа бей таймс» (*Tampa bay times*), которое принадлежит некоммерческому исследовательскому центру Института Пойнтера по изучению медиа. На официальном сайте «ПолитиФакт» есть информация о том, что сотрудники данной организации занимаются оценкой точности заявлений избранных должностных лиц и лиц, имеющих отношение к американской политике. Ещё одним ресурсом издания «Тэмпа бей таймс» является «ПандитФакт» (*PanditFact*), созданный для

проверки сведений, которые сообщают обозреватели, блогеры, эксперты, ведущие и гости ток-шоу, политические аналитики и другие представители СМИ.

Перед началом фактчекинга сотрудники данных ресурсов делают выводы о том, действительно ли возможна проверка (довольно часто заявление является отражением личного мнения человека); может ли данное заявление повлиять на общественное мнение и ввести аудиторию в заблуждение (иными словами, стоит ли информацию проверять); насколько важно данное заявление (нередко ошибки могут быть следствием оговорок или неудачно выбранного стиля изложения, который привёл к двусмысленности произнесённой фразы); могут ли это заявление процитировать СМИ и другие организации.

Основным методом сбора информации является огромное количество всевозможных интервью, которые проводят сотрудники «ПолитиФакт» и «ПандитФакт». После анализа публикуется список источников с отмеченным итогом по шкале «правда-метра».

Помимо специализированных организаций в крупных американских редакциях существуют свои специализированные отделы по проверке информации. Один из таких – рубрика «Фактчекер» издания «Вашингтон пост». Впервые появившись в рамках анализа президентской предвыборной кампании в 2007 г., она стала постоянной в 2011 г. [16].

В качестве основных принципов сотрудники «Вашингтон пост» отмечают: исследование только фактов, поддающихся проверке (это не проверка мнений или личных оценок политиков); акцентирование внимания на вопросах первоочередной важности для читателей (не осуществляется проверка каждого слова, поскольку все имеют право на ошибку или оговорку); стремление к беспристрастной оценке независимо от политической партии; осуществление оценки исключительно заявлений политика, независимо от его связей, интересов и личных предубеждений; в соответствии с политикой «Вашингтон пост», никто, работающий над фактчекингом, не может заниматься партийной политической деятельностью или вносить вклад в кампанию кандидатов или пропагандистские организации; стремление к прозрачности в отношении источников информации (читатели должны иметь доступ к исходным данным); максимально тесная работа с читателями, которые всегда могут прислать запрос на проверку каких-то заявлений политических деятелей [16]. Помимо крупных СМИ в США существуют небольшие редакции, такие как «Мама Джонс» или «Проект Маршалла», которые также имеют свои отделы фактчекинга.

По данным Лаборатории исследователей Университета Дьюка, на 16 октября 2022 г. в мире действует 379 организаций, занимающихся проверкой фактов. И это число растёт, равно как и способы распространения ложных новостей [17]. В 2016 г. таких организаций было 161. Увеличение на 218 организаций за пять лет говорит о востребованности подобной деятельности в медиасообществе. Результаты

исследования представлены в виде интерактивной карты с отметками о местонахождении таких организаций. В США указано 79 центров по фактчекингу.

В США активно применяют все способы проверки данных, а наличие фактчекера в редакции является заметной тенденцией, поскольку привлечение подобных специалистов к работе и максимальная прозрачность всех источников становятся там скорее нормой, нежели исключением.

Что касается проверки не внутри редакции, а самих редакционных материалов, то крайне затруднительно определить степень объективности представленной информации, если СМИ в США считаются неангажированными, поскольку в демократической стране нет видимых причин для фальсификаций и пристрастной подачи информации. Однако приведённые примеры говорят о мнимости свободы прессы, которая в США стала уже стереотипной. В то же время устойчивое восприятие аудиторией сообщений американских СМИ как достоверных и априори объективных, позволяет осуществлять манипуляции с максимальным эффектом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сложившаяся в США ситуация, приведшая к расколу в обществе, увеличению разрыва между богатыми и бедными, к массовым беспорядкам и превращению выборов в США сначала в развлекательное телешоу (как было в 2016 г.), затем в трагедию в 2020 г. (штурм Белого дома и последующие за этим события), способствовала смещению вектора информационной войны с внешнего врага на внутреннего. Очевидно, что критические материалы во всех мейнстримных массмедиа относительно России и Китая продолжают и не исчезнут, однако на период конца осени 2020 – весны 2021 г. они отошли на второй план, уступив место противостоянию демократических СМИ (а их абсолютное большинство в США) с Д. Трампом, последствия которого – приход к власти демократа Дж. Байдена. Далее, с февраля 2022 г. вектор противостояния снова сместился с внутреннего врага на внешнего, поскольку кардинально изменилась политическая повестка. В этом ключе важно отметить, что, несмотря на возрастающую силу и роль социальных сетей, блогов и альтернативных точек зрения в Интернете, традиционные медиа по-прежнему являются ключевым участником информационных войн, главные задачи которого – донесение необходимой до аудитории информации, формирование общественного мнения и отношения к действительности, управление настроением масс и убеждение аудитории в правильности решений поддерживаемого ими лица.

В информационной войне XXI века на арене мировой геополитики происходит идеологическое соперничество, ведущее к информационной аномии. В условиях политических, социальных и экономических противоречий американские массмедиа освещают не столько конфликты или столкновения соци-

альных интересов (слоёв), сколько столкновение личных интересов геополитических акторов (поддерживая их линию поведения и точку зрения). Сложившаяся ситуация приводит к «информационному хаосу», который порождает негативизм в отношении представителей других стран и культур, делает невозможным свободный обмен мнениями и солидаризацию как тактику диалога. Подобный подход приводит к «информационной перегрузке», которую предсказывал Э. Тоффлер, и концентрируется не только на внешней, но и на внутренней (собственной) аудитории.

ИСТОЧНИКИ

1. FM 100-6. Information Operations. *Headquarters Department of the Army*. Washington, DC, 1996. Available at: <https://www.bits.de/NRANEU/others/amd-us-archiv/fm100-6%2896%29.pdf> (accessed: 12.07.2022).

2. National Military Strategy "Shape, Respond, Prepare Now – A Military Strategy for a New Era". *Washington, D.C.: The Joint Chiefs of Staff*. 1997. Available at: http://www.disam.dsca.mil/pubs/Indexes/Vol%2020_2/Joint%20Chiefs%20of%20Staff.pdf (accessed: 15.06.2022).

3. FM 3-0. Operations. *Headquarters Department of the Army*. Washington, DC, 2008. Available at: <https://people.uwplatt.edu/~hood/FM3-0.pdf> (accessed: 12.07.2022).

4. Interim National Security Strategic Guidance. *The White House*. 2021. March. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 10.07.2022).

5. Parenti M., 2001. Monopoly Media Manipulation. *Official Site of Michel Parenti*. Available at: <http://www.michaelparenti.org/MonopolyMedia.html> (accessed: 19.06.2022).

6. Perlez J., Stevenson A., 2019. In Trade War, China's Hard-Line Stance Risks Economy. *The New York Times*. 06 Aug. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/08/06/world/asia/china-xi-jingping-trade.html> (accessed: 23.06.2022).

7. Porter T., 2019. Trump Boasts of Hardline Russia Stance and Insults "Total Sleaze" Comey After FBI Investigation Reports. *Newsweek*. 11 Jan. Available at: <https://www.newsweek.com/trump-boasts-hardline-russia-stance-and-insults-comey-after-report-claims-he-1289046> (accessed: 06.04.2022).

8. Соврали 935 раз. Посчитаны ложные заявления Буша и его ближайших соратников об Ираке. *Lenta.ru*. Available at: <https://lenta.ru/articles/2008/01/23/lie/> (accessed 10.03.2022).

9. Graseffo L., 2020. Activist Voices Missing From Corporate Coverage of Uprisings. *FAIR*. Available at: <https://fair.org/home/activist-voices-missing-from-corporate-coverage-of-uprisings/> (accessed: 19.06.2022).

10. Adewale S., 2020. US Election: TV networks block Trump's live address over unproven election fraud claims US Election: TV networks block Trump's live address over unproven election fraud claims. *Newsflash* 247. Available at: <https://newsflashuk.com/us-election-tv-networks-block-trumps-live-address-over-unproven-election-fraud-claims/> (accessed: 16.06.2022).

11. The Washington Post признала, что приписала Трампу слова, которые он не говорил. ТАСС. 16 марта. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10910247> (accessed 17.04.2022).

12. Barthel M., Mitchell A., Holcomb J. Many Americans Believe Fake News Is Sowing Confusion. *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewresearch.org/journalism/2016/12/15/many-americans-believe-fake-news-is-sowing-confusion/> (accessed: 13.10.2022).

13. Kemp S. Digital 2022: The United States of America. *Datareportal*. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-united-states-of-america> (accessed: 12.10.2022).

14. Fake News: NBC Admits Barr Remarks On Flynn Were Deceptively Edited. *American Patriot News*. Available at: <https://www.americanpatriotnewsletter.com/fake-news-nbc-admits-barr-remarks-on-flynn-were-deceptively-edited/> (accessed: 14.05.2022).

15. Holmes A., 2020. A doctored video that makes Nancy Pelosi appear drunk went viral on Facebook – again. *Business Insider*. Available at: <https://www.businessinsider.com/nancy-pelosi-facebook-declines-to-remove-doctored-viral-video-2020-8> (accessed: 12.06.2022).

16. Kessler G. About The Fact Checker. *The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/01/07/about-fact-checker/> (accessed: 09.05.2022).

17. Fact Checking. *Duke Reporter's Lab*. Available at: <https://reporterslab.org/fact-checking/> (accessed: 16.10.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барабаш В.В., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю., 2019. Информационная война: к генезису термина. *Знак. Проблемное поле медиаобразования*. № 3 (33). С. 76-89.

Пашков В., 2010. Информационная безопасность США. *Военное обозрение*. №10. С. 3-13.

REFERENCES

Barabash V.V., Kotelenec E.A., Lavrent'eva M.Yu., 2019. Informacionnaya vojna: k genezisu termina [Information Warfare: Studying the Genesis of the Terminology] (In Russ.). *Znak. Problemnoe pole mediaobrazovaniya*. No. 3 (33). P. 76-89.

Johnson R.D., 2004. *Seeds of Victory: Psychological Warfare and Propaganda* (Schiffer Military History Book). NY: Schiffer Publishing, Ltd. 288 p.

Pashkov V., 2010. *Informacionnaya bezopasnost' SSHA. Voennoe obozrenie*. No. 10. P. 3-13. (In Russ).

Rona T.P., 1973. *Weapon Systems and Information War*. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA. 34 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НЕРЕНЦ Дарья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Института массмедиа и рекламы РГГУ.

Российская Федерация, Москва 125993, Миусская пл., 6.

Darya V. NERENTZ, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Institute of Mass Media and Advertising of Russian State University for the Humanities.

6, Myusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 01.11.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 14.11.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 15.11.2022.

JEL: N42, O20, O21, O51, P11, H83

УДК: 332.14, 338.2, 339.97

DOI: 10.31857/S2686673023020037

EDN: PAHFPP

Опыт функционирования системы стратегического планирования в США и возможности его использования в России

Е.И. Кравченко

*ФГБНУ НИИ мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова
РАН (ИМЭМО РАН)*

Российская Федерация, 117997, Москва, улица Профсоюзная, дом 23

Researcher ID: 42253 РИНЦ ID: 1010569

ORCID: 0000-0001-5484-5322 e-mail: edenhazard@yandex.ru

Резюме: В современном мире всё большее внимание уделяется вопросам стратегического планирования как на корпоративном, так и на государственном уровне. Устойчивое социально-экономическое развитие государства, повышение качества жизни граждан и обеспечение безопасности зависят, наряду с другими факторами, от эффективности стратегического планирования. Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. установлены правовые основы для разработки, построения и функционирования комплексной системы стратегического планирования в области социально-экономического развития и национальной безопасности России. На сегодняшний день подход к стратегическому планированию в России характеризуется и системными недостатками, и проблемами практической реализации. Особую актуальность теме придаёт непростая экономическая и геополитическая ситуация, в которой недостаточно эффективная организация планирования увеличивает риски многократно. Вследствие этого крайне важно обратиться к мировому опыту государственного стратегического планирования. В статье рассматривается система планирования, сложившаяся в США. Комплексность подхода, гибкость, эффективность, гармонизация целей различных уровней, плотная взаимосвязь всех элементов системы стратегического планирования (планирование, прогнозирование, бюджетирование, управление), строгий мониторинг и контроль ключевых показателей эффективности делают её возможной основой для совершенствования системы, существующей в нашей стране.

Ключевые слова: планирование, стратегическое планирование, стратегическое планирование в США, российская система стратегического планирования, стратегия национальной безопасности США, GPRA, GPRAMA, Федеральный закон № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г.

Для цитирования: Кравченко Е.И. Опыт функционирования системы стратегического планирования в США и возможности его использования в России. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(2): 33-48.

DOI: 10.31857/S2686673023020037 EDN: PAHFPP

Strategic Planning System Experience in the United States and its Possible Applications in Russia

Evgeny I. Kravchenko

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

Researcher ID: 42253 ПИНЦ ID: 1010569

ORCID: 0000-0001-5484-5322 e-mail: edenhazard@yandex.ru

Abstract: In the modern world, more and more attention is paid to the issues of strategic planning both at corporate and state levels. Sustainable socio-economic development of the state, improving quality of life of citizens and ensuring security depend, along with other factors, on effectiveness of strategic planning. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation» establishes the legal framework for the building and development of an integrated system of strategic planning in the field of socio-economic development and national security of Russia. Today, the approach to strategic planning in Russia is characterized by both systemic shortcomings and practical implementation problems. Of particular relevance to the topic is current difficult economic and geopolitical situation, in which inefficient organization of planning increases the risks many times over. As a consequence, it is extremely important to consider the world experience of state strategic planning. The article is focused on the planning system that has developed in the United States. The complexity of the approach, its flexibility, efficiency, harmonization of goals at various levels, tight integration of all elements of the strategic planning system (planning, forecasting, budgeting, management), strict monitoring and control of key performance indicators make it a possible basis for improving the system that exists in our country.

Keywords: planning, strategic planning, US strategic planning, Russian strategic planning system, US national security strategy, GPRA, GPRAMA, Federal Law №172-FZ

For citation: Kravchenko, E.I. Strategic Planning System Experience in the United States and its Possible Applications in Russia. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(2):33-48. DOI: 10.31857/S2686673023020037 EDN: PAHFPP

ВВЕДЕНИЕ

Каждый субъект экономической системы в целях поступательного развития должен производить перманентный анализ и оценку собственной деятельности. На основании такого анализа корректируются дальнейшие направления действий, которые следует предпринять для наилучшего продвижения вперед. Требуется тщательное планирование конкретных мер, то есть распределение ресурсов и процессов во времени, отвечающее определенным целям и задачам. Данный процесс, несомненно, является крайне важным для любого субъекта хозяйствования. При этом применяются различные типы планирования, в зависимости от направления приложения усилий, сроков и поля деятельности, и наиболее важным и всеобъемлющим является такая разновидность планирования, как стратегическое. Любопытно, что сам термин «стратегия» означает «ис-

кусство полководца» [Blackerby P., 1994], и лишь со временем полномочия стратегов стали расширяться и включать не только военную сферу, но и гражданскую [Schendel D., Ansoff I., Channon D., 1980].

В XX веке понятие стратегии стало одним из элементов экономической науки. Один из классиков стратегического планирования, А. Чандлер, дал ему следующую дефиницию: «определение основных долгосрочных целей и задач предприятия и утверждение курса действий, распределение ресурсов, необходимых для достижения этих целей». Стратегическое планирование обычно также включает в себя указание исполнителей намеченных процессов и временные рамки достижения запланированных целей.

Наиболее важным для экономической системы в целом является стратегическое планирование на государственном уровне, так как все процессы, происходящие в экономике, испытывают на себе влияние общегосударственных факторов. Каждое внесённое в законодательные акты изменение, каждое перенаправление ресурсов из одних отраслей в другие вызывает значимые изменения в функционировании экономических субъектов более низких уровней. Тщательно разработанные и эффективные в реализации стратегические планы государства являются залогом развития экономики страны в целом. В связи с этим фокус данной работы был сделан именно на стратегическом планировании уровня государств. При этом мировой опыт подобной деятельности чрезмерно широк для осуществления его сколько бы то ни было репрезентативного анализа. Поэтому приводится опыт стратегического планирования страны, которая является по многим параметрам мировым экономическим лидером – Соединённых Штатов Америки. Кроме того, что США имеют богатый опыт прогнозирования и планирования на различных уровнях и являются родоначальниками многих научных теорий в данном поле экономической науки, современная система стратегического планирования здесь выстроена весьма эффективно и нередко выступает в качестве ориентира для других государств. В связи с этим представляется весьма актуальным рассмотреть систему стратегического планирования в США с целью понимания, что из опыта данной страны может быть полезным для совершенствования аналогичной системы в Российской Федерации.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИИ

Наша страна имеет давнюю историю стратегического планирования – с начала существования СССР. Это и план электрификации ГОЭЛРО, который называют первым стратегическим планом в мировой истории (1920 г.), и знаменитые «пятилетки». Советский подход, несмотря на положительные моменты, изобилует проблемами, во многом связанными с абсолютно директивным подходом и отсутствием гибкости [Диденко Д.В., 2019].

После распада СССР новое государство остро нуждалось в определении ориентиров своего развития, особенно в турбулентных постперестроечных условиях. Однако достижение поставленных целей зачастую было затруднено ввиду наличия проблем различного рода, не в последнюю очередь связанных с переходом к новой экономической системе.

Организация стратегического планирования на общегосударственном уровне требовала законодательной фиксации, и наконец был принят соответствующий нормативный акт. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3] установил правовые основы для разработки, построения и функционирования системы стратегического планирования в сфере социально-экономического развития и национальной безопасности. Естественно, данный шаг не решил всех накопившихся проблем. Как показала реальная практика стратегического планирования, в этой сфере имеются серьёзные трудности и недостатки [Ленчук Е.Б., Войтоловский Ф.Г., Кувалин Д.Б., 2020]. Можно сказать, что одной из наиболее серьёзных проблем является обилие разрозненных ведомственных, отраслевых, региональных, муниципальных стратегий и программ, зачастую не связанных друг с другом, а иногда и вступающих в противоречие по целям, задачам, срокам, целевым показателям эффективности [Варнавский В.Г., 2021]. Отсюда можно сделать вывод о том, что координация планов различных уровней государственного устройства является достаточно затруднённой, полноценный обмен и увязка данных между государственными институтами так и не возникли – этим и объясняется отсутствие согласованности и гармонизации планов. Данная ситуация не может вести к эффективному развитию экономики государства: предпринимаемые усилия должны идти в одном направлении и уж тем более не мешать друг другу. В связи с этим в Указе Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 [2] прямо отмечается, что система стратегического планирования нуждается в совершенствовании и требует принятия мер правового и организационного характера, направленных на повышение её эффективности [2]. Без подобной активности достижение общегосударственных целей, например, достаточно подробно раскрытых в документе «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» [1], будет крайне затруднено. Важным шагом стало принятие в 2021 г. документа «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования». Исходной посылкой его подготовки стало намерение восполнить очевидные пробелы и неясности, изначально обозначившиеся в №172-ФЗ [Бухвальд Е.М., 2022] Однако таких усилий, по мнению автора, недостаточно, преодоление и решение проблем данной системы должно осуществляться с использованием имеющегося зарубежного опыта, и не в последнюю очередь с учётом опыта США.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В США

США имеют весьма богатый опыт в области стратегического планирования. Современные его основы зародились в этой стране в корпоративном секторе и были во многом связаны с разработанной в Гарвардской школе бизнеса стратегической моделью, ставшей одной из первых методик стратегического планирования.

Осознание необходимости стратегического планирования происходило в 1950-е годы, а основные теоретические положения были разработаны в 1960-е, и весьма скоро оно стало стандартным инструментом управления практически в каждой компании из списка *Fortune Global 500*.

При этом вплоть до середины 1980-х годов стратегическое планирование оставалось в основном уделом коммерческих организаций. Государственный и частный сектор оставались непересекающимися областями, и столь эффективная практика составления важнейших программ-планов оставалась вне поля зрения государственных органов. Так, местные органы составляли комплексные планы, которые касались эффективности землепользования и услуг, федеральные органы исполнительной власти полагались на планы, обычно ограниченные узкими цепочками полномочий в организационной структуре [Candy V., Gordon J., 2011].

Лишь в 1980-х годах с появлением концепции «Новое государственное управление» (*New Public Management, NPM*) инструменты стратегического менеджмента стали активно применяться в государственном управлении. Произошло это в связи с тем, что прежние методы планирования перестали быть эффективными в борьбе с растущими проблемами, связанными с финансированием, эффективностью, кадрами, коррупцией и сбором налогов.

Вице-президент и в дальнейшем президент корпорации «Форд» (*Ford Motor Corporation*) Роберт Макнамара сумел провести эффективное реформирование компании с помощью современных систем планирования, организации и управления. Вскоре после этого (в 1961 г.) он стал министром обороны США и одним из пионеров внедрения бизнес-практик в государственном секторе, связав мероприятия по планированию с бюджетом через систему планирования, программирования и бюджетирования (*PPBS*). Благодаря использованию систематического анализа потребностей в обороне удавалось составить долгосрочный программно-ориентированный оборонный бюджет и пятилетний план обороны [James Van Ravensway, Roger E. Hamlin, 2015], которые были одобрительно встречены многими экспертами.

Позднее на высшем уровне президент США Джимми Картер представил федеральному правительству новый метод бюджетного планирования – бюджетирование с нулевой базой (*ZBB*), применяемое в то время корпорациями «Ксерокс» (*Xerox Corporation*) и «Тэксас инструментс» (*Texas Instruments Incorporated*) [9].

Одним из наиболее ярких примеров применения методов стратегического планирования на региональном уровне стали штаты Орегон и Техас. Так, в Орегоне был разработан «Контрольный план штата Орегон» (*Oregon Benchmarks*) – документ, описывающий долгосрочные цели штата, такие как, например, «Сокращение подростковой беременности» и «Улучшение системы образования к 2000 году». Несомненно верным и без преувеличения прорывным шагом стало создание рабочей группы, состоявшей из госслужащих, представителей частного сектора, некоммерческих организаций и экспертов из научных кругов. Стратегический план штата составили четыре элемента: ключевые цели, формулировка миссии, контрольные показатели и показатели эффективности [Gerald R. Kissler, Karmen N. Fore, Willow S. Jacobson, William P. Kittredge, Scott L. Stewart, 1998]. Следующим шагом стала привязка стратегического плана к бюджетному процессу.

Такая практика со временем распространилась за пределы Техаса и Орегона, и система стратегического планирования была в итоге утверждена на федеральном уровне в США. Позднее этот опыт переняли и другие страны.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В США

Что касается законодательных основ стратегического планирования в США, основополагающим нормативным актом здесь является изданный в целях повышения эффективности работы федеральных ведомств в 1993 году закон «О результатах деятельности правительства» (*GPR*) [5] – комплексный документ, регулирующий все необходимые вопросы разработки и применения стратегических планов. Показав свою высокую эффективность, законодательный акт оставался без изменений в течение семнадцати лет, затем в 2010 году вышел новый закон, вносящий изменения в прежний – «Об обновлённых результатах деятельности правительства» (*GPR Modernization Act, GPRAMA*) [6], который действует до текущего момента.

Данные нормативные акты не просто дают возможность, а напрямую обязывают федеральные ведомства заниматься стратегическим планированием. Вообще и закон «О результатах деятельности правительства», и закон «Об обновлённых результатах деятельности правительства» были инициированы членами Конгресса США, которые основывались на убеждении, что стратегическое планирование могло бы привести к повышению продуктивности функционирования государственных институтов. Критиками данного закона отмечаются и другие предпосылки его принятия, например, политические мотивы, которые заключаются в стремлении усилить контроль политических лидеров над государственными институтами и их кадрами, повысив внешнюю легитимность их взаимодействия благодаря общим целям, указанным в стратегии [John M. Bryson, Lauren Hamilton Edwards, David M. Van Slyke, 2017].

При этом нормы акта 2010 года внесли в закон существенные изменения, установив более чёткую систему оценки результатов деятельности, определив структуру управления и улучшив взаимосвязь между планами ведомств, конкретными программами и информацией о последующих результатах деятельности. Новый закон требует более частой отчётности и проверок (ежеквартально, а не ежегодно), направленных на расширение использования информации о результатах деятельности при принятии программных решений.

В соответствии с нормами закона в настоящее время федеральные агентства (департаменты) должны разрабатывать стратегический план не реже одного раза в три года на следующий пятилетний период. Сроки подготовки отчётности по актуализации стратегических планов изменились в целях оптимизации, так как нет смысла требовать обновления стратегического плана незадолго до начала работы новой администрации: смена политического руководства зачастую приводит к появлению новых целей, и может сложиться такая ситуация, когда существующие планы окажутся неактуальными. Такой принцип иллюстрирует практический и гибкий подход к стратегическому планированию на государственном уровне: нелогично выполнять лишнюю работу и затем менять приоритеты, более разумным будет просто подождать некоторое время с разработкой новых стратегических планов.

Каждое ведомство, готовящее стратегический план, проводит ряд консультаций с представителями Конгресса США с целью учёта мнений и предложений его представителей, а также согласования целей и задач. Такой подход позволяет избежать разногласий между государственными органами, делая Конгресс не просто консультационным органом, но и основным координатором стратегического планирования в стране вследствие того, что сюда стекаются все данные по планам различных государственных институтов и предоставляется возможность их гармонизации. Нормы нового закона требуют от ведомств чёткого описания целей и ресурсов, которых они намерены придерживаться и использовать для реализации своих планов. Ведомство должно ясно формулировать цели, обозначать этапы их реализации, устанавливать список должностных лиц, ответственных за достижение каждой цели, а также указывать мероприятия, необходимые для этого процесса, применимые нормативные правовые акты, стратегии и другие виды деятельности, обеспечивающие достижение каждой цели. Таким образом, каждый государственный орган, осуществляющий стратегическое планирование, ставится в определённые достаточно жёсткие рамки, что, безусловно, делает его деятельность по планированию более структурированной и соответствующей действительно насущным и важным задачам, стоящим перед ним.

В этом законе также был введён новый процесс проверки эффективности деятельности федеральных ведомств. При этом контроль над эффективностью и использованием федерального финансирования осуществляет Административно-бюджетное управление США (*The Office of Management and Budget*), отвечающее в первую очередь за подготовку и исполнение федерального бюджета. Это ещё

одна сильная сторона системы стратегического планирования США: контрольные функции переданы органу, ответственному за основной бюджет страны, что позволяет как осуществлять контрольные функции более эффективно и в увязке с основной задачей Управления, так и упростить сбор статистических данных.

В свою очередь, функции прогнозирования социально-экономических показателей и анализа фискальных и экономических процессов ещё с 1975 г. возложены на Управление Конгресса США по бюджету. Работа этого федерального ведомства, в частности, позволяет оценить нагрузку на бюджет в результате принятия законов, на основании чего вырабатываются адаптивные, более эффективные и менее затратные экономические решения. Именно Конгресс США снова выступает в данном случае в роли координатора и целеуказателя всего процесса стратегического планирования в стране – это облегчает исполнение вышеназванных задач и делает их выявление и разработку более простыми ввиду наличия всей необходимой информации.

Крайне важным моментом является то, что в нормах нового закона прописан чёткий алгоритм, которому необходимо следовать в случае невозможности достижения поставленных целей. При этом алгоритм различается в зависимости от периодичности недостижения показателей эффективности на один, два, три года подряд. С нашей точки зрения, подобная ясно прописанная мера в РФ могла бы помочь максимальному снижению негативных последствий в случае невозможности достижения поставленных целей в текущем периоде, сделала бы действия разработчиков стратегических планов более рациональными, продуманными и лишенными желания во что бы то ни стало наверстать упущенное: на практике нередки случаи, когда при отсутствии планируемого результата в следующем периоде берутся повышенные обязательства вместо детального анализа причин невыполнения плана.

Соответственно, хотя в США и осуществляется достаточно строгий мониторинг исполнения поставленных целей и исполнения ключевых показателей эффективности, как итоговых, так и промежуточных, но система стратегического планирования является довольно гибкой в связи с имеющейся возможностью внесения корректировок в ключевые показатели эффективности при отклонении фактически достигнутых результатов от запланированных.

Отдельного упоминания заслуживает факт того, что закон усиливает требования к плану работы федерального правительства, закрепляет необходимость разработки его приоритетных целей и в то же время отдельно требует от ведомств иметь собственные приоритетные цели, которые должны быть связаны с общенациональными. Это принципиальный момент, который делает все элементы системы стратегического планирования действительно связанными друг с другом. В законе кроме требования к проведению ежеквартальных обзоров хода исполнения планов также прописана обязательная публикация отчётности на официальных ресурсах сети Интернет в свободном доступе, что повышает

транспарентность данной деятельности и усиливает в том числе и общественный контроль планирования.

Данные меры, во-первых, ведут к росту эффективности планирования отдельных ведомств, усилению контроля над данным процессом, повышению гибкости и адаптивности планирования, а также содействуют созданию полноценного и устойчивого общеведомственного процесса стратегического планирования, а во-вторых, могут быть использованы в России.

СТРУКТУРА И СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В США

Стратегический план федерального уровня принимается на период каждого четырёхлетнего президентского цикла – Стратегия национальной безопасности США. Современное понимание стратегий связано с принятием в 1986 г. закона «О реорганизации Министерства обороны США» (закон Голдуотера – Николса). После этого Стратегия принималась ежегодно, но с 2002 г произошёл переход именно к четырёхлетней системе. Стратегия задаёт вектор развития всей страны по наиболее значимым внутригосударственным и внешним направлениям, играющим ключевую роль в развитии общества и государства, и учитывает основные интересы общества [Беляев В.П., Беляева Г.С., Бидова Б.Б., 2019]. Представляется весьма разумным подход привязки стратегии планирования к исполнению своих обязанностей каждым отдельным президентом страны, а соответственно, и отдельной администрацией со своей особенной политикой и взглядами на различные вопросы, связанные с функционированием государства. Это позволяет не только избежать ситуаций, когда действующий документ-план противоречит взглядам нового руководства страны (это, в свою очередь, обычно приводит к затратам времени и ресурсов на адаптацию и сворачивание старых инициатив), но и также повышает возможности учёта и оценки конкретных достижений каждой очередной Стратегии. В связи с этим, если так можно выразиться, косвенным полезным эффектом становится рост эффективности действий президента и правительства: многие ошибки и недостаточность усилий нет возможности «списать» на предыдущую администрацию.

Действующая на октябрь 2022 года Стратегия национальной безопасности США включает в себя следующие блоки: защита территорий, их граждан, американских ценностей и образа жизни; содействие благосостоянию и процветанию нации; поддержание стабильности и безопасности посредством силы; распространение влияния США за рубежом [8].

На основании приоритетов Стратегии национальной безопасности США происходит формирование взаимосвязанных стратегических документов, разработанных с использованием методов нормативного прогнозирования.

На федеральном уровне в США принимается большое количество документов стратегического планирования, которые подразделяются по общим тематическим блокам (национальная безопасность, здравоохранение, энергетика и т. д.).

Целостность системы стратегического планирования в США обеспечивается комплексным подходом и широким охватом актуальной проблематики в различных отраслях [7]. При этом список документов не является ограниченным или строго фиксированным: по мере возникновения новых проблем и вызовов, требующих выработки полноценной стратегии и взаимодействия различных государственных институтов, вводятся дополнительные стратегии (как было, например, в случае с *COVID-19*), а по мере достижения эффективных решений другие документы могут быть исключены из списка при отсутствии необходимости их продления. Что характерно, в большинстве документов стратегического планирования США прослеживается идея глобального лидерства страны во всех сферах жизни мирового сообщества.

Стратегическое планирование в США, как и в других странах, осуществляется на долгосрочный, среднесрочный и краткосрочные периоды. Особенностью системы является акцент на краткосрочном планировании (один год), большая часть документов принимается именно для этого периода. Таким образом достигается гибкий и хорошо контролируемый характер системы: результаты годовых планов легче анализировать, требуется меньше времени на корректировку действий. Сбор статистических данных по годовому интервалу осуществляется также более оперативно. В этом снова можно увидеть влияние политических традиций: в четырёхлетнем цикле каждого президентства гораздо проще ориентироваться и демонстрировать результаты по итогам выполнения годовых планов [Сильвестров С.Н., Бауэр В.П., Еремин В.В., 2019].

Система стратегического планирования в США является четырёхуровневой и включает в себя федеральный уровень, уровень федеральных ведомств, уровень штатов, уровень муниципалитетов.

Как и во многих других вопросах в принципе, отдельные регионы (штаты) в США имеют довольно широкие полномочия в вопросах реализации пространственного и экономического планирования на своём уровне. При этом для достижения собственных целей штаты нередко пользуются федеральными грантами, предоставляемыми, например, такими институтами, как Управление экономического развития (входит в структуру Министерства торговли США) и Партнёрство устойчивых сообществ (Департамент транспорта, Департамент жилищного и городского строительства, Агентство по охране окружающей среды) [Клименко А.В., Королёв В.А., Двинских Д.Ю., Рычкова Н.А., Сластихина И.Ю., 2016]. При таком подходе выполняется сразу несколько принципиально важных условий: регионы получают большую степень автономии в выработке своих планов, имеют расширенные финансовые возможности для их реализации и в то же время являются объектом федерального контроля, то есть снова

происходит увязка целей на общегосударственном уровне (в связи с выделением финансирования).

Государственное планирование отраслевого развития осуществляется по принципу «снизу – вверх», что в корне отличается от российской практики, где движение идёт строго «сверху – вниз». Российский подход имеет под собой идею централизации системы стратегического планирования в стране, упрощённого целеполагания, контроля и финансирования программ более низких уровней. Однако подход «снизу – вверх» в гораздо большей степени учитывает потребности более низких по сравнению с федеральным уровнем. Суть подхода заключается в той простой мысли, что каждый субъект лучше знает, какие цели ставить перед собой и какие меры и шаги предпринимать для их достижения [Ищенко А.А., 2021]. Однако же это совершенно не означает отсутствия контроля со стороны федерального правительства или возможности ставить стратегические цели исключительно по своему желанию – система контроля и согласования целей планов и стратегий в США работает весьма эффективно.

К либерализации процесса разработки документов стратегического планирования и прогнозирования относится и практика широкого и повсеместного (на всех уровнях) привлечения к данному процессу не только различных органов государственной власти, но и научно-исследовательских институтов, аналитических центров, университетов, профильных ассоциаций, структурных стратегических подразделений крупных корпораций и независимых экспертов. Безусловно, подобная активность по привлечению консультантов разного рода присутствует и в Российской Федерации, однако масштабы её несравнимы с США и явно недостаточны. При этом в США давно распространена не только практика адресного привлечения «третьих лиц», но и в принципе общественное обсуждение документов стратегического планирования. Аналогичная практика относительно недавно появилась и в нашей стране, однако в целом её механизм не столь продуман, а активность общества гораздо ниже, нежели в США.

Наконец, помимо федеральных ведомств, часть задач по обеспечению стратегических ориентиров возложена на Федеральную контрактную систему США. Данная государственная структура – одна из наиболее эффективных систем государственных закупок в мире, где размещаются краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные государственные заказы [Вовченко Н.Г., Епифанова Т.В., Гурин О.Ю., 2015]. Доля таких заказов в общей структуре расходов федерального бюджета США составляет 35% [4]. Является бесспорным факт того, что все стратегические программы требуют закупок определённых товаров и оборудования, а также оплаты услуг сторонних организаций. При этом часть закупок, естественно, осуществляется из бюджетов напрямую. Однако для федерального бюджета (впрочем, как и для бюджетов всех уровней) крайне нежелательна потеря контроля и весьма вероятное завышение части сумм контрактов. В свою очередь, заказы, размещаемые федеральными ведомствами в рамках Федеральной контрактной системы США, имеют чёткие сроки выполнения, стоимость, размер вознагражде-

ний, получаемых компанией-исполнителем или компанией-поставщиком. Фактически такие заказы директивно планируются на федеральном уровне, что позволяет сделать вывод о наличии в США системы смешанного (индикативно-директивного) планирования. Подобная система позволяет весьма эффективно осуществлять планирование государственных закупок с максимальной экономией и предсказуемостью расходов из федерального бюджета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегическое планирование на государственном уровне является неотъемлемой частью не только экономических процессов, совместно представляющих собой экономическую систему страны, но и крайне важным фактором благополучия населения, нормального функционирования здравоохранения, социального обеспечения и других сторон общественной жизни, а также национальной безопасности и обеспечения суверенитета. Президент РФ, правительство России и другие властные институты предпринимают большие усилия для построения эффективной системы стратегического прогнозирования и планирования, в том числе в законодательном поле. Однако объективным является тот факт, что система планирования в России не является совершенной и даже в целом полностью сформированной. При этом неоднократно сообщалось о фактах неэффективного планирования на всех уровнях государственной системы, невозможности своевременного или принципиального достижения целей и банального воровства из соответствующих бюджетов. Всё вместе это говорит о недостатках системы в целом и контроля её функционирования в частности. Данная ситуация является существенной преградой к полноценному соответствию статуса страны с развитой экономикой [Амосов А.И., 2018].

В свою очередь, США имеют богатый опыт стратегического планирования с высокой эффективностью. Безусловно, система стратегического планирования США имеет уязвимости и недостатки, что отмечается экспертами из разных стран. Однако несомненным является факт того, что подход к стратегическому планированию в данной стране является высокоэффективным, а система отличается устойчивостью, большим запасом прочности и перспективами дальнейшего развития.

В условиях необходимости совершенствования системы стратегического планирования в РФ на фоне сложных экономических обстоятельств целесообразно предложить указанные в основном тексте статьи положения из опыта стратегического планирования США в качестве возможной основы для такого совершенствования в нашей стране.

При этом бездумное копирование подходов, применяемых в США, без их тщательного анализа, сопоставления с российской действительностью и консультирования у экспертных сообществ, бизнес-структур и общества в целом будет малоэффективным и потенциально может привести к разрушению того,

что уже было выстроено в отечественной системе стратегического планирования. К сожалению, такая практика наблюдалась уже неоднократно в российской истории, и повторения подобных ошибок допустить нельзя.

ИСТОЧНИКИ

1. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (accessed 11.09.2022).

2. Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111080023> (accessed 01.09.2022).

3. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420204138> (accessed 21.08.2022).

4. Budget of the U.S. Government: Fiscal Year 2023. Office of Management and Budget. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BUDGET-2023-BUD/pdf/BUDGET-2023-BUD.pdf> (accessed 29.07.2022).

5. Government Performance and Results Act (GPRA) of 1993. Available at: <https://www.congress.gov/bill/103rd-congress/senate-bill/20> (accessed 20.07.2022).

6. GPRA Modernization Act of 2010. Available at: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/2142> (accessed 11.07.2022).

7. Homeland Security Digital Library. Available at: <https://www.hsdl.org/?collection&id=4> (accessed 21.09.2022).

8. National Security Strategy of the United States of America of December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 09.09.2022).

9. Zero-Based Budgeting: Zero or Hero? Deloitte Analysis, 2015. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Process-and-Operations/gx-us-operations-cons-zero-based-budgeting.pdf> (accessed 18.08.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амосов А.И. О взаимосвязи задач формирования цивилизованных рынков и перехода к новому индустриальному развитию. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2018. № 6 (92). С. 103-114.

Беляев В.П., Беляева Г.С., Бидова Б.Б. К вопросу о понятии национальных интересов и особенностях их юридического закрепления в североамериканской традиции. *Право и государство: теория и практика*. 2019. № 8 (176). С. 52-54.

Бухвальд Е.М. Основы государственной политики в сфере стратегического планирования: нерешенные проблемы. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022. № 1 (92). С. 32-49.

Варнавский В.Г. Крупномасштабные проекты в системе стратегического планирования Российской Федерации / Труды 14-й Международной конференции "Управление развитием крупномасштабных систем" (MLSD-2021). М.: Институт проблем управления им В.А. Трапезникова РАН, 2021. С. 43-48.

Вовченко Н.Г., Епифанова Т.В., Гурин О.Ю. Особенности формирования федеральной контрактной системы США: организационно-институциональный аспект. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2015. № 2 (31). С. 105-115.

Диденко Д.В. Опыт государственного стратегического планирования в СССР в теоретических и эмпирических исследованиях. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 5. С. 211-228. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.14

Ищенко А.А. О правовой природе стратегического планирования социально-экономического развития в зарубежных странах. *Административное и муниципальное право*. 2021. № 3. С. 1-20.

Клименко А.В., Королев В.А., Двинских Д.Ю., Рычкова Н.А., Сластихина И.Ю. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (Часть 2): препринт WP8/2016/04 (ч. 2), Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Ленчук Е.Б., Войтоловский Ф.Г., Кувалин Д.Б. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы. *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 6. С. 46-55.

Сильвестров С.Н., Бауэр В.П., Еремин В.В. К анализу поучительного для России опыта применения инструментария стратегического планирования развития экономики во Франции, США и КНР. *Российский экономический журнал*. 2019. №1. С. 41-57.

REFERENCES

Amosov A.I. O vzaimosvizi zadach formirovaniia tsivilizovannykh rynkov i perekhoda k novomu industrial'nomu razvitiu [On the relationship between the tasks of the formation of civilized markets and the transition to a new industrial development] (In Russ.). *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 6 (92). pp. 103-114.

Belyaev V.P., Belyaeva G.S., Bidova B.B. K voprosu o poniatii natsional'nykh interesov i osobennostiakh ikh iuridicheskogo zakrepleniia v severoamerikanskoj traditsii [To the question of the concept of national interests and the peculiarities of their legal consolidation in the North American tradition] (In Russ.). *Law and State: Theory and Practice*. 2019. No. 8 (176). pp. 52-54.

Blackerby P. History of Strategic Planning. *Armed Forces Comptroller magazine*, Vol. 39, No. 1, 1994, pp. 23-24.

Buchwald E.M. Osnovy gosudarstvennoi politiki v sfere strategicheskogo planirovaniia: nereshennye problemy [Inresolved Issues of "Public Policy Framework for Strategic Planning"] (In Russ.). *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 1 (92). pp. 32-49.

Candy, V., & Gordon, J. The Historical Development Of Strategic Planning Theories. *International Journal of Management & Information Systems (IJMIS)*, 15(4), 2011, pp. 71-90.

Didenko D.V. Opyt gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniia v SSSR v teoreticheskikh i empiricheskikh issledovaniiaxh [Experience of state strategic planning in the USSR in theoretical and empirical studies] (In Russ.). *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019. Vol. 12. No. 5. pp. 211-228. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.14

Gerald R. Kissler, Karmen N. Fore, Willow S. Jacobson, William P. Kittredge and Scott L. Stewart. State Strategic Planning: Suggestions from the Oregon Experience. *Public Administration Review*, Vol. 58, No. 4, 1998, pp. 353-359.

Ishchenko A.A. O pravovoi prirode strategicheskogo planirovaniia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v zarubezhnykh stranakh [On the legal nature of strategic planning of socio-economic development in foreign countries] (In Russ.). *Administrative and municipal law*. 2021. No. 3. S. 1-20.

James Van Ravensway, Roger E. Hamlin. Strategic Planning in U.S. Municipalities. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, December 2015, pp. 55-70.

John M. Bryson, Lauren Hamilton Edwards & David M. Van Slyke. Getting strategic about strategic planning research. *Public Management Review*, Vol. 20, No. 3, 2017, pp. 317-339.

Klimenko A.V., Korolev V.A., Dvinskikh D.Yu., Rychkova N.A., Slastikhina I.Yu. Aktual'nyi opyt zarubezhnykh stran po razvitiuu gosudarstvennykh sistem strategicheskogo planirovaniia [Actual experience of foreign countries in the development of state strategic planning systems] (Part 2): preprint WP8/2016/04 (In Russ.), National Research University "Higher School of Economics". Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2016.

Lenchuk E.B., Voitolovsky F.G., Kuvalin D.B. Strategicheskoe planirovanie v gosudarstvennom upravlenii: opyt, vozmozhnosti i perspektivy [Strategic planning in public administration: experience, opportunities and prospects] (In Russ.). *Problems of forecasting*. 2020. No. 6. pp. 46-55.

Schendel, D., Ansoff, I., & Channon, D. Statement of editorial policy. Statement of editorial policy. *Strategic Management Journal*, Wiley, Chichester, 1980, pp. 1-5.

Silvestrov S.N., Bauer V.P., Eremin V.V. K analizu pouchitel'nogo dlia Rossii opyta primeneniia instrumentariia strategicheskogo planirovaniia razvitiia ekonomiki vo Frantsii, SShA i KNR [To the analysis of the instructive experience for Russia, the use of tools for strategic planning of economic development in France, the USA and China] (In Russ.). *Russian Economic Journal*. 2019. No. 1. pp. 41-57.

Varnavsky V.G. Krupnomasshtabnye proekty v sisteme strategicheskogo planirovaniia Rossiiskoi Federatsii [Large-scale projects in the system of strategic planning of the Russian Federation] (In Russ.) / Proceedings of the 14th International Conference "Managing the development of large-scale systems" (MLSD-2021). Moscow, V.A. Trapeznikov Institute of Management Problems RAN, 2021, pp. 43-48.

Vovchenko N.G., Epifanova T.V., Gurin O.Yu. Osobennosti formirovaniia federal'noi kontraktnoi sistemy SShA: organizatsionno-institutsional'nyi aspekt [Features of the formation of the US federal contract system: organizational and institutional aspect] (In Russ.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. 2015. No. 2 (31). pp. 105-115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КРАВЧЕНКО Евгений Игоревич, аспирант ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук» (ИМЭМО РАН). Российская Федерация, 117997, Москва, улица Профсоюзная, дом 23.

Evgeny I. KRAVCHENKO, Post-Graduate Student of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (the RAS). 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 8.12.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 20.21.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 22.12.2022.

УДК: 327-56

DOI: 10.31857/S2686673023020049

EDN: PAIMPN

Политика Вашингтона в Закавказье на фоне новых геополитических реалий

Н.А. Гегелашвили

*Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Scopus Author ID: 57215842480 РИНЦ ID: 550594

ORCID: 0000-0003-2564-0031 e-mail: ngegel@hotmail.com

Резюме: В статье исследуется политика Вашингтона в отношении урегулирования нагорнокарабахского кризиса и постконфликтного строительства. Выявлены причины повышенного интереса как к самому Закавказью, так и к Армении – одной из стран региона, значение которой сильно возросло для Соединённых Штатов в условиях жесточайшего противостояния с Россией, являющейся её единственным союзником в регионе. Именно Армения в случае её вовлечения в западную орбиту может изменить конфигурацию всего региона, что способно резко ослабить позиции Москвы.

Даётся анализ текущей ситуации вокруг конфликта, а также крайне наступательной и проактивной политики как самого Вашингтона, являющегося основным разработчиком в его урегулировании, так и Европейского Союза – проводника политики США в Нагорном Карабахе, которая осуществляется в рамках «нерушимого» «Трансатлантического партнёрства». Отмечается преемственность политики Вашингтона в регионе, которая проявляется при реализации его политики в отношении Армении, особенно в контексте постконфликтного урегулирования.

Ключевые слова: политика США, политика ЕС, Армения, нагорнокарабахский конфликт, Закавказье

Для цитирования: Гегелашвили Н.А. Политика Вашингтона в Закавказье на фоне новых геополитических реалий. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (2): 49–64. DOI: 10.31857/S2686673023020049 PAIMPN

Washington's Policy Amidst the New Geopolitical Realities in the Transcaucasus

Nana A. Gegelashvili

Arbatov U.S. and Canada Institute, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebnny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57215842480 РИНЦ ID: 550594

ORCID: 0000-0003-2564-0031 E-mail: ngegel@hotmail.com

Abstract: The article examines the current policy of Washington regarding the problem of conflict settlement in Nagorno-Karabakh as well as its post-conflict building.

The U.S. interest towards the region of the Transcaucasus in general and Armenia, in particular which is the only Russian ally in the region against the backdrop of the Russian-American aggravation due to the crisis in Ukraine has been recently increased. The truth is that Armenia is a country capable of changing the configuration of the entire region in case it links to Western sphere of influence that can drastically weaken Moscow's position there.

The article contains an analysis of the current situation around the conflict as well as the extremely offensive and proactive policy of Washington itself, which is the main shaper in resolving the conflict, as well as the EU, the conductor of US policy in Nagorno-Karabakh, both acting within the framework of the "indestructible" "Transatlantic Partnership".

The author notes the consistency of Washington's policy in this region, which reflected in its implementation in the region, especially in the context of the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict.

Meanwhile, Washington's desire to become the main mediator of the conflict will depend not only on the success of its policy in the region, but also on the position of regional players in the context of the increasing importance of the factor of regionalism.

Keywords: US policy, EU policy, Armenia, Nagorno-Karabakh conflict, Transcaucasus

For citation: Gegelashvili N.A. Washington's Policy Amidst the New Geopolitical Realities in the Transcaucasus. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(2): 49-64.

DOI: 10.31857/S2686673023020049 EDN: PAIMPN

ВВЕДЕНИЕ

Ситуация, с которой столкнулся Вашингтон в условиях усиливающейся конфронтации и хаоса в мире, не могла не сказаться на сокращении удельного веса и значения Соединённых Штатов на великой шахматной доске. Сомнения относительно способности США к сохранению доминирования в мире, когда Вашингтон столкнулся с необходимостью решения крайне серьёзной задачи – вернуть былую славу и величие, стали для него кошмарным сном.

В этих условиях ключевой задачей Вашингтона, вовлечённого в стратегическое соперничество за формирование будущего миропорядка, становится «обеспечение потребности в американском лидерстве во всём мире как никогда ранее» [1]. К числу остальных задач, стоящих перед Вашингтоном, можно отнести: определение той роли, которую будут играть союзники США, радикальное переустройство международных организаций и, наконец, пути и способы взаимодействия с его главным геополитическим соперником – Пекином, имеющим намерение изменить международный порядок и обладающим экономической, дипломатической, военной и технологической мощью для достижения этой цели.

Таким образом, запрос на необходимость серьёзных перемен стал более чем очевидным. От решимости США дать старт этому процессу и определить вектор дальнейшего развития будет зависеть не только успех Вашингтона, но и будущее всей страны.

События, развернувшиеся в связи с украинским кризисом, сделали Украину ключевым приоритетом США на постсоветском пространстве. Отсюда, в соот-

ветствии со Стратегией национальной безопасности США (2022 г.), существует необходимость, «поддерживая Украину, также работать над повышением стабильности и жизнестойкости других демократий и поддерживать европейские устремления Грузии и Молдавии и их приверженность важным институциональным реформам». США также будут «поддерживать дипломатические усилия по урегулированию конфликта в Закавказье» [1]. Таким образом, намерение Вашингтона укрепить свои позиции в регионе является непреложным фактом.

ПОЗИЦИЯ США В ОТНОШЕНИИ ЗАКАВКАЗЬЯ

Интерес США к региону Закавказья, тесно связанному с Ближним Востоком и Центральной Азией и имеющему выход к Чёрному и Каспийскому морям, объясняется, прежде всего, его выгодным геополитическим положением, что имеет большое значение для национальных интересов Вашингтона. Намерение США вытеснить Россию с постсоветского пространства, и в первую очередь из Закавказья, обусловлено также его близостью к Северному Кавказу, что имеет огромное значение для жизненно важных интересов РФ, определяющих национальную безопасность страны.

Интерес Соединённых Штатов к Закавказью связан и с его военно-политической и логистической составляющей, создающей условия для новых рынков американского сжиженного газа, а также альтернативных поставщиков энергоресурсов в Европу в целях снижения зависимости стран ЕС от поставок из России.

С начала специальной военной операции России (24 февраля 2022 г.) на фоне крайнего обострения российско-американских отношений Закавказье стало приобретать всё большее значение во внешней политике США.

Из трёх стран региона в настоящее время лишь одна Грузия рассматривается США и НАТО как «самый надёжный стратегический партнёр» в Закавказье, а её внешнеполитический курс, направленный на интеграцию с ЕС и НАТО, обеспечивает беспрецедентное двустороннее сотрудничество на всех уровнях. И несмотря на долгое ожидание Тбилиси получить членство в НАТО, Грузия, похоже, вплоть до сегодняшнего дня сохраняет стойкий интерес к вступлению в альянс. США же, со своей стороны, продолжают заявлять об оказании ими «непоколебимой поддержки» территориальной целостности и суверенитета этой страны, чтобы обеспечить ей возможность защитить себя и свои территории и придерживаться курса реформ для «укрепления демократии», их солидарности с Тбилиси, продолжающим «противостоять российской агрессии». При таком положении дел Вашингтон продолжит укреплять свои позиции в Закавказье, и прежде всего в Грузии, являющейся «бесценным союзником США в регионе».

Ещё одна страна Закавказья – Азербайджан, владеющий значительным запасом энергоресурсов и являющийся нерушимым партнёром Турции, рассматривается Вашингтоном как самый влиятельный игрок в регионе. США рассматривают Баку не только как поставщика углеводородного сырья для стран ЕС, но и

как транзит для американского сжиженного сланцевого газа (СПГ) по трубопроводам, идущим в обход России.

Поэтому в нынешней ситуации Баку становится для Вашингтона важной энергетической альтернативой, роль которой будет неуклонно возрастать на фоне беспрецедентной конфронтации с Россией. Однако основной фокус внимания США в отношении Азербайджана всё же направлен на ту роль, которая отводится Вашингтоном всему Черноморско-Каспийский региону, а также на связанные с Баку крупнейшие энергетические проекты, могущие со временем стать и логистическими центрами глобального значения, в которые вовлечены также Грузия и Турция. К тому же всемерная поддержка Баку со стороны Анкары, позиции которой укрепляются в геометрической прогрессии как на региональном, так и на глобальном уровне, в значительной степени сказывается на капитализации Турции, что не могут не осознавать США.

Хотя географическое положение Армении не является таким же благоприятным, как Грузии или Азербайджана, эта страна, относящаяся к региону Закавказья, в настоящее время всё ещё является единственной союзницей России. Таким образом, роль и значение Армении, способной изменить конфигурацию всего региона в случае её дрейфа в сторону Запада, стали приобретать огромную важность для стратегических интересов США, особенно сегодня, на фоне беспрецедентного противостояния между США и Россией, что свело бы на нет влияние Москвы в регионе.

Представляется, что Вашингтон, укрепляя свои позиции в Грузии и Азербайджане, являющихся его стратегическими партнёрами, может воспользоваться временным ослаблением позиций России в регионе, что связано, прежде всего, с кризисом на Украине, и создать все возможные условия, чтобы способствовать сближению США с Арменией.

Вот почему главной задачей Вашингтона становится срочное урегулирование ситуации в зоне нагорнокарабахского конфликта и его постконфликтное строительство – камень преткновения на пути развития этого региона – для полного вовлечения третьей страны Закавказья – Армении в западную орбиту.

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ

В условиях наметившегося сдвига Еревана в сторону Запада, связанного с вступлением Никола Пашиняна на пост премьер-министра Армении, а также с пролонгацией урегулирования конфликта, вызывающей крайнее недовольство не только у Азербайджана, но уже и у самой Армении, политика США в отношении этой страны в целом и ситуации в зоне конфликта в частности стала претерпевать значительные изменения. Это отчасти и способствовало началу второй карабахской войны, когда Анкара при молчаливой поддержке Вашингтона выступила на стороне «братского» ей Баку и одержала в ней решающую победу.

По итогам событий, развернувшихся вокруг Нагорного Карабаха в ноябре 2020 г., семь районов вокруг НКАО вернулись под юрисдикцию Баку (город Шуша, а также сёла Гадрутского, Мартунинского и Мардакертского районов). Помимо этого, Ереван потерял контроль над двумя коридорами, связывающими Армению и непризнанную НКР (Лачинским и Кельбаджарским), а Анкара стала одним из ключевых игроков, способных определять будущий вектор региональной безопасности.

26 октября 2021 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, находясь с рабочим визитом в Баку, заявил, что «для Турции не останется препятствий для нормализации отношений с Арменией, если она решит свои проблемы с Азербайджаном», и призвал обе стороны «сделать это как можно быстрее» [2]. Без выполнения этого условия нормализации отношений Турции с Арменией не будет, что наглядно свидетельствует о намерении Турции и Азербайджана как можно быстрее «закрыть» все вопросы, связанные с урегулированием конфликта.

Вопрос о статусе Нагорного Карабаха, ставший яблоком раздора между Арменией, считающей его нерешённым, и Турцией и Азербайджаном, полагающими, что «этой проблемы уже нет», по крайней мере, в настоящее время, стал перемещаться на второй план. На передний же план стали выдвигаться вопросы демаркации и делимитации границы с Азербайджаном, нормализация отношений Армении с Азербайджаном в условиях нового статус-кво, сформированного по итогам этой войны.

Таким образом, осознав своё поражение во второй карабахской войне и оценив всё могущество Турции, без вмешательства которой победа Азербайджана была бы просто немыслимой, Ереван не мог не признать очевидность того факта, что пересмотр итогов этой войны маловероятен. Вот почему в своём обращении к парламенту страны 17 апреля 2022 г. премьер-министр Н. Пашинян заявил о необходимости «опустить планку в вопросе статуса Карабаха» и «подписать соглашение о мире с Баку» [3]. Главным же образом на смену позиции Еревана в отношении урегулирования конфликта повлияла беспрецедентная активизация политики США и ЕС, сулящая Армении широкие перспективы на пути её дальнейшего развития в случае сдвига в западном направлении.

Основной целью политики США в отношении Армении является достижение тесной интеграции этой страны с двумя другими государствами Закавказья – Грузией и Азербайджаном, являющимися стратегическими партнёрами США, и вовлечение её в орбиту Запада. При таком положении дел, реализуя свою политику на армянском направлении, США действуют по двум трекам – параллельно с ЕС, что отвечает ключевой задаче трансатлантических отношений, основанных на общих демократических ценностях, общих интересах и исторических связях. «Европа была и будет оставаться основополагающим партнёром в решении всего спектра глобальных проблем», и США будут «расширять и углублять трансатлантические связи и всячески поддерживать своих европейских союзников и партнёров» [1]. Турция, представляющая южный фланг

НАТО и стремительно набирающая обороты как в этом регионе, так и на мировой арене, становится архиважной для Вашингтона в контексте её политики в Закавказье, продолжает иметь огромное значение для региональной стратегии США, что объясняется и тем фактом, что Турция, в соответствии с международными конвенциями, контролирует проливы Босфор и Дарданеллы, соединяющие Средиземное и Чёрное моря.

США – ГЛАВНЫЙ РАЗРАБОТЧИК ПОСТКОНФЛИКТНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

В течение последних нескольких лет, когда Вашингтон окончательно разочаровался в эффективности работы Минской группы ОБСЕ, занимающейся проблемой урегулирования нагорнокарабахского конфликта на протяжении почти трёх десятилетий, США предприняли попытку урегулировать его самостоятельно.

Основным вопросом для Вашингтона на пути решения ситуации в Нагорном Карабахе становится нормализация турецко-армянских отношений, необходимая для открытия армяно-турецкой границы. Согласно логике Вашингтона, это должно было прервать сухопутную блокаду Армении, осуществляемую Турцией и Азербайджаном, и таким образом обеспечить Еревану выход во внешний мир. Решение этой проблемы было важно и для самого Вашингтона с учётом реальной перспективы, связанной с ухудшением его отношений с Ираном.

В реализации своей политики на армянском направлении Вашингтон не списал со счетов и намерение установить тесные отношения с Республикой Арцах, могущей стать основным препятствием в случае сдвига Армении в сторону Запада. Такое положение дел было подкреплено и резолюциями, инициированными Конгрессом США: резолюция 573[4] Конгресса 115-го созыва, призывающая администрацию Д. Трампа к выстраиванию более справедливых и долгосрочных армяно-турецких отношений, а также резолюция 190 Конгресса 116-го созыва [5], выражающая поддержку развитию отношений между США и Республикой Арцах (так после референдума 2017 г. называется Нагорно-Карабахская Республика), которые свидетельствуют о стремлении Вашингтона стать главным модератором на пути решения ситуации в зоне конфликта. К тому же интерес Вашингтона к этой проблеме на тот момент был связан и с предвыборной кампанией в США Д. Трампа, стремящегося получить голоса многочисленной армянской диаспоры в колеблющихся штатах.

Попытка Вашингтона выступить посредником между Баку и Ереваном, предпринятая осенью 2020 г. в самый разгар боевых действий в Нагорном Карабахе, не увенчалась успехом: 10 ноября 2020 г. после подписания главами Армении, Азербайджана и России Заявления о прекращении боевых действий [6] туда были введены российские миротворцы, обеспечивающие связь между Ерева-

ном и Степанакертом. Это вынудило Вашингтон взять паузу в процессе урегулирования ситуации.

Однако в контексте событий вокруг Украины и жесточайшего противостояния России с Западом возможность усилить свои позиции в Закавказье, и, в частности, в Армении, стала возрастать. Всё это подтверждает неоспоримость того факта, что этот регион был и продолжает оставаться важным приоритетом для Соединённых Штатов.

Через визиты американских чиновников первого эшелона в Ереван является ещё одним свидетельством беспрецедентной активизации США в вопросе скорейшего урегулирования ситуации в зоне конфликта. Для большей убедительности следует отметить, что только в 2022 г. Ереван посетили старший советник США по переговорам на Кавказе Филип Рикер (8–10 сентября) [7]; директор ЦРУ Уильям Бёрнс (15 июля) [8]; спикер Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси (17–19 сентября) [9]. Показательно, что все состоявшиеся визиты прорабатывались с особой тщательностью и включали в повестку самые насущные проблемы, что позволяет говорить о большой эффективности политики Вашингтона на выходе. Вектор развития процесса, направленного на постконфликтное урегулирование и, прежде всего, на решение ключевых задач (дальнейшая нормализация отношений между Арменией и Азербайджаном и как результат – разработка проекта мирного договора между этими странами), был определён с самого начала – отсюда и движение в правильную, с точки зрения Вашингтона, сторону.

К числу важнейших визитов, осуществляемых США в рамках челночной дипломатии, можно отнести рабочий визит министра иностранных дел Армении Арарата Мирзояна в Вашингтон со 2 по 6 мая 2022 г., в ходе которого состоялись встречи с госсекретарём США Энтони Блинкеном, директором Агентства США по международному развитию (*USAID*) Самантой Пауэр, специальным помощником президента США Амандой Слот, а также с высокопоставленными представителями Конгресса США. Центральным вопросом переговоров стал вопрос, связанный с ускорением начала переговоров между Арменией и Азербайджаном по всеобъемлющему мирному договору, а также другие вопросы, касающиеся реализации договорённостей о создании комиссии по демаркации и безопасности границ. Было отмечено, что «США также всецело поддерживают процесс нормализации отношений между Арменией и Турцией, запущенный Анкарой, и ценят конструктивные усилия Армении в этом процессе» [10].

17 октября 2022 г. в Ереван прибыла делегация американских конгрессменов, возглавляемая председателем Комиссии по содействию демократии Палаты представителей Конгресса США Дэвидом Прайсом. В состав американской делегации вошли члены Палаты представителей Диана ДеГетт, Джим Купер и Энди Левин. Состоялись переговоры с премьер-министром Армении Николом Пашиняном. Показательно, что с учётом уже намеченных Вашингтоном ключевых вопросов, связанных с урегулированием ситуации в зоне конфликта, их круг

практически не меняется – Вашингтон бьёт по цели с намерением довести дело до конца и только по достижении результата переходит к решению других задач. И на этой встрече обсуждались вопросы, непосредственно связанные с урегулированием нагорнокарабахского конфликта и с военным сотрудничеством, где, на взгляд американских законодателей, Вашингтон «мог бы играть большую роль в сфере безопасности не только в Армении, но и в Нагорном Карабахе – Арцахе, так как Еревану будет выгодно стать частью ЕС и иметь тесные контакты с НАТО» [11]. Показательно, что по итогам визита Н. Пашинян сделал заявление о том, что «интенсивные армяно-американские контакты способствуют поступательному развитию стратегического диалога между двумя странами», особо отметив «важность взаимодействия в вопросе последовательного проведения демократических реформ» [11].

Между двумя странами активно ведутся интенсивные телефонные переговоры. Так, в ходе телефонного разговора с премьер-министром Армении Н. Пашиняном, состоявшегося 16 сентября 2022 г., госсекретарь США Э. Блинкен предложил Армении «помощь в вопросе делимитации и демаркации армяно-азербайджанской границы» и призвал «к прогрессу в развитии региональных связей в области транспорта и коммуникаций» [12].

В рамках решения ситуации вокруг конфликта Вашингтон придаёт не менее важное значение и трёхсторонним встречам между США, Арменией и Азербайджаном.

20 сентября 2022 г. по инициативе Э. Блинкена прошли переговоры министров иностранных дел Армении и Азербайджана А. Мирзояна и Д. Байрамова, а также состоялась встреча главы армянского МИД со старшим советником США по переговорам на Кавказе Ф. Рикером на полях ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, на которой было заявлено о «готовности Вашингтона сделать всё возможное для урегулирования разногласий между этими странами» [13].

Дальше – больше. В телефонном разговоре между Э. Блинкеном и главами МИД Армении и Азербайджана, состоявшемся 4 октября 2022 г., обсуждался не столько вопрос о разработке мирного договора между Арменией и Азербайджаном, сколько о создании дискуссионного механизма между Степанакертом и Баку, что стало огромным прорывом на пути реализации политики США вокруг ситуации в Нагорном Карабахе.

Наконец, 7 ноября 2022 г. в Вашингтоне состоялась трёхсторонняя встреча, в которой приняли участие главы внешнеполитических ведомств Армении и Азербайджана. Американскую сторону представляли заместитель госсекретаря Эрика Олсон и старший советник по переговорам на Кавказе Филип Рикер. В ходе встречи было принято решение ускорить переговоры по мирному договору между Арменией и Азербайджаном. Министры иностранных дел этих стран посетили и Блэр-Хаус (*Blair House*) – президентскую резиденцию для встречи лидеров иностранных государств, находящуюся в Вашингтоне, где 8 ноября состоялись их

совместные переговоры с госсекретарем Э. Блинкеном, в ходе которых он заявил, что «две страны предпринимая "смелые шаги" для достижения мира» [14].

Таким образом, Вашингтон стремится, прежде всего, к установлению прямых переговоров между конфликтующими сторонами, что подтверждается и заявлением, сделанным официальным представителем Госдепартамента Недом Прайсом о том, что «главным приоритетом для США на этом направлении останутся армяно-азербайджанские мирные переговоры, а Армении и Азербайджану стоит самим взяться за определение своей судьбы» [15]. Похоже, что коллективный Запад пытается сделать всё, чтобы стать единственным инициатором и медиатором по мирному договору, заключение которого является главной задачей на пути к урегулированию конфликта.

ЕС – ПРОВОДНИК ПОЛИТИКИ США В АРМЕНИИ

С конца 2020 г. политический курс ЕС в отношении Нагорного Карабаха смещается от абстрактных деклараций, которые, согласно логике Брюсселя, должны были изменить позицию конфликтующих сторон, в направлении более наступательного и конкретного. Об этом свидетельствует сделанное 18 декабря 2020 г. верховным представителем Союза по иностранным делам и политике безопасности ЕС Жозепом Боррелем заявление, в котором он выразил «заинтересованность Брюсселя в установлении прочного мира в Карабахе» и сообщил «о готовности использовать собственные инструменты миростроительства и восстановления в зоне конфликта, чтобы поддержать этот процесс» [16].

Главным элементом реализации политики ЕС в отношении постконфликтного строительства становятся, как и в случае с США, переговоры между Арменией и Азербайджаном, но только с участием ЕС, что подтверждает действия Вашингтона и Брюсселя, осуществляемые в едином порыве.

Первая трёхсторонняя встреча с участием премьер-министра Армении Никола Пашиняна и президента Азербайджана Ильхама Алиева при посредничестве председателя Евросовета Шарля Мишеля (далее эти переговоры станут называть «брюссельским форматом») состоялась 14 декабря 2021 г. [17]. Сразу же после этого ЕС стал позиционировать себя как главный модератор в армяно-азербайджанском конфликте. Только в 2022 г. были проведены три трёхсторонних переговорных раунда в Брюсселе – 6 апреля [18], 22 мая [19] и 31 августа [20]. По словам инициатора переговоров в трёхстороннем формате Ш. Мишеля, «обсуждения были продуктивными и позволили зафиксировать ощутимый прогресс» [20]. Несмотря на то, что «в Армении пока полностью не готовы к миру и восстановлению отношений с Азербайджаном, всё же очевидно, что это неизбежный процесс. Важно привлечь к нему население обеих стран и подготовить его к долгосрочному устойчивому миру» [20], – заявил Ш. Мишель по итогам переговоров в Брюсселе.

Обращает на себя особое внимание то, что в рамках брюссельского формата 6 апреля 2022 г. [18] было принято решение о создании Комиссии по делимитации и демаркации государственной границы между Азербайджаном и Арменией, что призвано обеспечить запуск процесса мирных переговоров путём создания рабочей комиссии. Это стало одним из серьёзных прорывов в переговорах, состоявшихся в этом формате. Однако главным достижением ЕС на этом направлении стал итог многосторонних переговоров премьер-министров Армении и Азербайджана с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом при участии председателя Евросовета Ш. Мишеля и президента Франции Э. Макрона, состоявшихся 6 октября 2022 г. в Праге на полях саммита Европейского политического сообщества [21]. Показательно, что там же впервые состоялась очная встреча премьер-министра Армении с президентом Турции – глав государств, дипломатические отношения между которыми были разорваны Анкарой в знак солидарности с Азербайджаном ещё в период первой карабахской войны.

Заявление, принятое по итогам четырёхсторонних переговоров, состоявшихся в Праге, стало очередной дипломатической победой ЕС. Во-первых, Азербайджан и Армения «подтвердили свою приверженность Уставу ООН и Алма-Атинской декларации 1991 г., в соответствии с которыми обе страны признают территориальную целостность и суверенитет друг друга» [21], что должно стать базисом для работы комиссий по делимитации границы.

Во-вторых, Армения дала «согласие способствовать гражданской миссии ЕС вдоль границы с Азербайджаном. В свою очередь азербайджанская сторона согласилась сотрудничать с этой миссией ровно в той мере, в которой это её касается» [21]. Показательно, что решение направить в зону конфликта 40 наблюдателей из ЕС и ОБСЕ с целью мониторинга, анализа и отчётности о ситуации в регионе, чтобы укрепить доверие и внести вклад в работу пограничных комиссий, было принято ЕС уже 17 октября, спустя лишь две недели после состоявшейся пражской встречи [22], несмотря на сложную, многоуровневую бюрократию Брюсселя. Причём, чтобы обеспечить быстрое развёртывание миссии ЕС, было решено, что туда будут временно направлены наблюдатели из состава Миссии наблюдателей Европейского Союза в Грузии (МНЕС в Грузии) (*The European Union Monitoring Mission in Georgia – EUMM Georgia*), а сроки её действия пока что ограничиваются двумя месяцами.

В-третьих, документ предусматривает разблокировку транспортных коридоров, что должно создать условия, прежде всего, для открытия перспективного «Зангезурского коридора», призванного связать Азербайджан со своим эксклавом – Нахичеванью и далее с Турцией, и стать одним из важнейших логистических направлений для трансрегиональных грузоперевозок.

Вопрос касательно определения статуса Карабаху не будет выдвигаться в качестве предусловия. Таким образом, ЕС удалось добиться самого главного – взаимного признания территориальной целостности Азербайджана и Армении, а также согласия на допуск миссии ЕС в приграничную зону.

Несмотря на то, что в Армении пока полностью не готовы к миру и полному восстановлению отношений с Азербайджаном, всё же очевидно, что это неизбежный процесс. Тем не менее, Армения надеется, что размещение миссии ЕС послужит сдерживающим фактором для Азербайджана, оказывающего давление на Ереван для подписания мирного договора. К тому же активизация переговорного процесса по всему спектру проблем – мирный договор, коммуникации и делимитация границы – призвана обеспечить более конструктивные переговоры.

Таким образом, реализуя свою политику на кавказском направлении, ЕС так же, как и США, проводит челночную дипломатию и подобно США делегирует в регион высокопоставленных чиновников и профессиональных экспертов, что приносит, на взгляд как Вашингтона, так и Брюсселя, крайне положительные результаты.

2 октября 2022 г. министр иностранных дел Армении Арарат Мирзоян в ходе своего рабочего визита в Женеву встретился со специальным представителем ЕС по Южному Кавказу и кризису в Грузии Тойво Клааром. Центральным фокусом переговоров стали те же вопросы, которые были заявлены сразу же после окончания второй карабахской войны – урегулирование конфликта в Карабахе и нормализация отношений с Азербайджаном [23].

Наконец, 10 октября 2022 г. Ереван посетили советник аппарата президента Франции Изабель Дюмон и сопредседатель Минской группы ОБСЕ от Франции Брис Рокфей, где прошла их встреча с премьер-министром Армении Н. Пашиняном [24]. В ходе встречи состоялся обмен мнениями по итогам четырёхстороннего пражского саммита. Особое внимание было уделено разработке мирного договора между Арменией и Азербайджаном на основе Устава ООН и Алма-Атинской декларации 1991 г., а также осуществлению работ по демаркации границы и обеспечению деятельности гражданской миссии ЕС на армяно-азербайджанской границе. Также были рассмотрены вопросы, касающиеся безопасности и защиты прав армян Нагорного Карабаха, создания международного механизма переговоров между Степанакертом и Баку, который, кстати, впервые обсуждался в упомянутом выше телефонном разговоре между Э. Блинкеном и главами МИД Армении и Азербайджана 4 октября 2022 г., а также вопрос о возвращении армянских военнопленных, содержащихся в Азербайджане.

Таким образом, действуя в русле своей политики, направленной на вытеснение России из Закавказья, США, пользуясь вовлечённостью России на украинском направлении в связи с проведением ею СВО, ведут себя в этом регионе крайне активно. Не случайно, что в Стратегии национальной безопасности США (2022 г.) особо отмечается тот факт, что Вашингтон «будет продолжать поддерживать Украину в её стремлении дать отпор неприкрытой агрессии России, чтобы сплотить весь мир и призвать Москву к ответу за ту жестокость, которую она чинит на Украине» (*We will continue to stand with*

the people of Ukraine as they fight back against Russia's naked aggression. And we will rally the world to hold Russia accountable for the atrocities they have unleashed across Ukraine) [1: 26]

Вместе с тем нельзя не сказать и о том, что все заявления о карабахском урегулировании ещё совсем недавно, до начала специальной военной операции, были подписаны с участием Москвы и при её ведущей роли. Москве удалось подписать четыре трёхсторонних заявления (Россия, Азербайджан и Армения) с момента завершения второй карабахской войны. Первое заявление от 9 ноября 2020 г. [6] заканчивало военные действия и предлагало новый статус-кво, второе – от 11 января 2021 г. [25] предусматривало разблокирование транспортной коммуникации и решение вопросов экономического характера, третье – от 26 ноября 2021 г. [26] отмечало сложность переговорных процессов и роль России в процессе демаркации и делимитации границ и, наконец, четвёртое – от 31 октября 2022 г. [27], ставшее прорывом на этом направлении, когда России, в отличие от предыдущих миротворческих миссий в Приднестровье, в Абхазии и Южной Осетии, удалось разместить миротворческие силы в Карабахе сроком на пять лет, зафиксировав особую роль российских миротворцев, особенно с учётом реалий, возникших за последний год. Это скомпенсировало пассивное поведение России, взявшей паузу в отношении своей политики на кавказском направлении. Вместе с тем это же стало и ответом Западу со стороны Москвы за его наступательную и проактивную политику в Закавказье, являющемся сферой особых интересов России.

Тем не менее, Москве необходимо работать на опережение, быть инициатором конструктивных предложений, нацеленных на урегулирование ситуации вокруг конфликта, а главное – это найти столь необходимый баланс как с основными участниками конфликта – Азербайджаном и Арменией, так и с региональными партнёрами – Турцией и Ираном.

Вместе с тем нельзя не сказать и о том, что политика США в регионе с самого начала сохранила свою преемственность. Вашингтон действовал и продолжает действовать в этом регионе грамотно, выстраивая свои приоритеты на постсоветском пространстве в целом и в Закавказье в частности в соответствии со своими целями и задачами. Поэтому реализация американской политики на Кавказе касательно её эффективности пока что находится на стороне коллективного Запада. Как дальше будут развиваться события на этом направлении, покажет время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях жесточайшего противостояния между Россией и Западом, вызванного кризисом на Украине, в настоящее время наблюдается беспрецедентная активизация политики коллективного Запада – США и ЕС – в отношении урегулирования нагорнокарабахского конфликта. Проактивная политика

США, направленная на скорейшее решение этой проблемы, осуществляется параллельно с политикой ЕС, который действует в регионе при поддержке США.

Главная цель Вашингтона в Закавказье в целом и в Армении в частности направлена на вовлечение этого региона в орбиту Запада и отрыве его от России.

Между тем стремление коллективного Запада стать основным медиатором конфликта будет зависеть не только от успеха реализации его политики в регионе, но и от позиции региональных игроков в условиях роста и значения фактора регионализма.

Тем не менее, интерес США к региону имеет последовательный и устойчивый характер в силу его геополитического значения, что не оставляет никаких сомнений в том, что активизация политики Вашингтона на этом направлении будет заметно усиливаться.

ИСТОЧНИКИ

1. The National Security Strategy. October 2022. *The White House*. 12.10.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 17.11.2022).

2. Эрдоган: Анкара готова к нормализации отношений с Ереваном, если он решит проблемы с Баку. *TASS*. 26.11.2021. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12771895> (accessed 27.10.2022).

3. Ксения Мельникова. Повторение пройденного: в Армении протесты набирают силу. *Известия*. 06.05.2022. Available at: <https://iz.ru/1330711/kseniia-melnikova/povtorenie-proidennogo-v-armenii-protesty-nabiraiut-silu> (accessed 03.11.2022).

4. H.Res.573 - Calling on the President to work toward equitable, constructive, stable, and durable Armenian-Turkish relations based upon the two countries' common interests and the United States' significant security interests in the region. 115th Congress (2017-2018). *Congress.Gov*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-resolution/573/> (accessed 05.11.2022).

5. H.Res.190 - Expressing the sense of the House of Representatives supporting visits and communication between the United States and the Republic of Artsakh at all levels of civil society and government. 116th Congress (2019-2020). *Congress.Gov*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/190/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Azerbaijan%22%5D%7D&r=1&s=1> (accessed 14.11.2022).

6. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. *Президент России*.

10.11.2020. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (accessed 19.10.2022).

7. A new US co-chair of the OSCE Minsk Group has been appointed. What does it mean? *Jam News*. 25.09.2022. Available at: <https://jam-news.net/a-new-us-co-chair-of-the-osce-minsk-group-has-been-appointed-what-it-means/> (accessed 27.10.2022).

8. CIA Director William Burns Visiting Armenia, Met with PM Pashinyan. *Massis Post*. 15.07.2022. Available at: <https://massispost.com/2022/07/cia-director-william-burns-visiting-armenia/> (accessed 07.10.2022).

9. Visit to Armenia by Congressional Delegation Led by Speaker of the U.S. House of Representatives Nancy Pelosi. *U.S. Embassy in Armenia*. 17.09.2022. Available at: <https://am.usembassy.gov/nancy-pelosi-visit/> (accessed 14.10.2022)

10. Meeting of the Foreign Minister of Armenia and the US Secretary of State. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia*. 02.05.2022. Available at: https://www.mfa.am/en/press-releases/2022/05/02/fm_blinken/11430 (accessed 5.09.2022).

11. U.S. Congressional Delegation Led by House Democracy Partnership Commission Chairman David Price Visits Armenia. *U.S. Embassy in Armenia*. 17.10.2022. Available at: <https://am.usembassy.gov/david-price-visit/> (accessed 25.11.2022).

12. Secretary Blinken's Call with Armenian Prime Minister Pashinyan. *U.S. Department in Armenia*. 15.09.2022. Available at: <https://am.usembassy.gov/blinken-call-pashinyan-2-2/> (accessed 17.10.2022).

13. Meeting of the Foreign Minister of Armenia, US Secretary of State and Foreign Minister of Azerbaijan. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia*. 20.09.2022. Available at: https://www.mfa.am/en/press-releases/2022/09/20/mirzoyan_blinken_bayramov/11621/ (accessed 25.10.2022).

14. Secretary Antony J. Blinken, Armenian Foreign Minister Ararat Mirzoyan, And Azerbaijani Foreign Minister Jeyhun Bayramov Before Their Meeting. *U.S. Department of State*. 07.11.2022. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-armenian-foreign-minister-ararat-mirzoyan-and-azerbaijani-foreign-minister-jeyhun-bayramov-before-their-meeting/> (accessed 25.11.2022).

15. "Armenian-Azerbaijani peace negotiations will remain a priority for us". Ned Price. *Radar Armenia*. 12.10.2022. Available at: <https://radar.am/en/news/world-2531117632> (accessed 23.10.2022).

16 EU-Azerbaijan Co-operation Council. *European Council/ Council of the European Union*. 18.12.2020. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-ministerial-meetings/2020/12/18/> (accessed 28.10.2022).

17. Statement of President Charles Michel following the trilateral meeting with President Ilham Aliyev and Prime Minister Nikol Pashinyan. *European Council/ Council of the European Union*. 14.12.2021. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/12/14/statement-of-president-charles-michel-following-the-trilateral-meeting-with-president-ilham-aliyev-and-prime-minister-nikol-pashinyan/> (accessed 24.10.2022).

18. The April 6 meeting of Pashinyan and Aliyev in Brussels: What next. *The Armenian Weekly*. 06.04.2022. Available at: <https://armenianweekly.com/2022/04/11/the-april-6-meeting-of-pashinyan-and-aliyev-in-brussels-what-next/> (accessed 05.09.2022).

19. On the 22 May Trilateral Meeting of the President of the European Council with the President of Azerbaijan and the Prime Minister of Armenia. *U.S. Mission to the OSCE*. 22.05.2022. Available at: <https://osce.usmission.gov/on-the-22-may-trilateral-meeting-of-the-president-of-the-european-council-with-president-azerbaijan-prime-minister-of-armenia> (accessed 15.10.2022).

20. / Press statement by President Charles Michel following the trilateral meeting with President Aliyev of Azerbaijan and Prime Minister Pashinyan of Armenia. *European Council/ Council of the European Union*. 31.08.2022. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/08/31/press-statement-by-president-charles-michel-following-the-trilateral-meeting-with-president-aliyev-of-azerbaijan-and-prime-minister-pashinyan-of-armenia-31-august-2022/> (accessed 15.09.2022).

21. Eurasia Daily Monitor. In Prague, Armenia and Azerbaijan Make a Critical Move Toward Peace. *The Jamestown Foundation*. 7.10.2022. Available at: <https://jamestown.org/program/in-prague-armenia-and-azerbaijan-make-a-critical-move-toward-peace/> (accessed 25.10.2022).

22. Armenia-Azerbaijan: EU sets up monitoring capacity along the international borders. *European Council/ Council of the European Union*. 17.07.2022. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/10/17/armenia-azerbaijan-eu-sets-up-monitoring-capacity-along-the-international-borders/> (accessed 27.10.2022).

23. Meeting of the Foreign Minister of Armenia and EU Special Representative. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia*. 02.10.2022. Available at: https://www.mfa.am/en/press-releases/2022/10/02/Armenia_EU/11662/ (accessed 17.10.2022).

24. The Prime Minister received Isabel Dumont and Brice Roquefeuil. *The Prime Minister of the Republic of Armenia*. 10.10.2022. Available at: <https://www.primeminister.am/en/press-release/item/2022/10/10/Nikol-Pashinyan-meeting-10-10/> (accessed 19.10.2022).

25. Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым и Премьер-министром Армении Николом

Пашиняном. *Президент России*. 11.01.2021. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64880> (accessed 31.11.2022).

26. Заявления по итогам трёхсторонних переговоров лидеров России, Азербайджана и Армении. *Президент России*. 26.11.2021. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67203> (accessed 29.10.2022).

27. Трёхсторонние переговоры с Президентом Азербайджана и Премьер-министром Армении. *Президент России*. 31.10.2022. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69729> (accessed 07.11.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГЕГЕЛАШВИЛИ Нана Александровна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел внутривнутриполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Nana A. GEGELASHVILI, Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Arbatov U.S. and Canada Institute Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3 Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 21.11.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 3.12.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 5.12.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023020050

EDN: PAIWAO

Отношения ФРГ и США в 2022 г. в политической и военной сферах: кооперация или конкуренция?

Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, 51/21.

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020 Scopus AuthorID: 57211605240 РИНЦ ID: 878094

ORCID: 0000-0001-7092-4864 e-mail: ltrunov@mail.ru

Резюме. В начале 2020-х годов размежевание по линии Запад и не-Запад стало намного заметнее. Ключевые проявления этого процесса отразились в конфронтации евроатлантического сообщества и РФ, США, группы их партнёров и КНР, а также в ужесточении восприятия Ирана со стороны государств – членов НАТО. В целом это должно бы стимулировать игроков из числа «либеральных демократий» к усилению сплочённости. Однако, как показали феномены трампизма и брексита, данное правило работает не всегда. В связи с этим предпринята попытка исследовать соотношение элементов кооперации и конкуренции в отношениях США и ФРГ в политической и военной областях в конце февраля – начале ноября 2022 года.

При освещении диалога на высшем уровне отмечается отсутствие собственно двусторонних контактов. Детерминированность разъясняется в контексте «мягкой гегемонии» как характеристики курса администрации 46-го президента США, её ожиданий от Германии в поставках вооружений официальному Киеву. В сравнении изучаются подходы США и ФРГ к комплектованию группировок НАТО, особенно сил передового развёртывания в Восточной Европе. Здесь в 2022 г. Берлин заметно усилил стремление к симметричности действий с Вашингтоном. Учитывая пожелания партнёра по росту вклада европейских стран-участниц в деятельность альянса, Германия одновременно умело реализовывала свои державные амбиции, что вызывало уже новую обеспокоенность США. Соотношение подходов сторон прослеживается на примере Мадридского саммита НАТО 28–30 июня 2022 года.

Ключевые слова: Байден, Шольц, «мягкая гегемония», мультилатерализм, Украина, поставки вооружений, НАТО, силы передового развёртывания, «сдерживание», РФ, КНР

Для цитирования: Трунов Ф.О. Отношения ФРГ и США в 2022 г. в политической и военной сферах: кооперация или конкуренция? *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(2):65-82. DOI: 10.31857/S2686673023020050 EDN: PAIWAO

The U.S. – German Relations in Political and Military Spheres in 2022: Cooperation or Competition?

Philipp O. Trunov

*Institute of Scientific Information on Social Sciences
Russian Academy of Sciences (INION RAS).*

51/21, Nahimovskiy pr., Moscow 117997, Russian Federation.

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020 Scopus AuthorID: 57211605240 ПИИЦ ID: 878094

ORCID: 0000-0001-7092-4864 e-mail: ltrunov@mail.ru

Abstract. Disengagement between the West and the non-West has been becoming more and more noticeable by the early 2020s. The key examples of it are the confrontations between the Euro-Atlantic community and Russia, the USA, its partners and China, degradation of relations between the West and Iran. In such situation cohesion between the liberal democracies should increase. But the Euro-Atlantic faced the phenomena of Trumpism and Brexit. In this regard the article tries to explore the elements of cooperation and competition for the US-German relations in political and military spheres during late February – early November 2022.

The article stresses the absence of purely bilateral contacts at the highest level of the dialogue. The determination is shown in the context of the Biden administration's policy named as «soft hegemony», the US expectations regarding the supply of German weapons to Kyiv. The paper compares the US and German approaches to manning NATO military groupings, especially Forward Presence Force. In 2022 Berlin tries to act symmetrically to the USA. Germany has taken into account the US expectations for growing European member states' participation in NATO's activities but at the same time skillfully realized its own ambitions as power. The article also analyses the ratio of approaches on the example of decisions of NATO's Madrid summit (2022, June) decisions.

Keywords: Biden, Scholz, «soft hegemony», multilateralism, Ukraine, arms deliveries, NATO, Forward Presence Force, deterrence, Russia, China.

For citation: Trunov, Ph.O. The U.S. – German Relations in Political and Military Spheres in 2022: Cooperation or Competition? *USA & Canada: Economics, Politics. Culture.* 2023; 53(2):65-82. DOI: 10.31857/S2686673023020050 EDN: PAIWAO

ВВЕДЕНИЕ

2022 год прошёл под знаком развития двух «холодных войн» – между евроатлантическим сообществом¹ и РФ; США, группой их партнёров и КНР. Едва ли не важнейшим своим преимуществом «коллективный» Запад традиционно считал внутреннюю сплочённость. По логике, фактор конфронтации с влиятельными внешними игроками усиливает консолидацию «либеральных демократий». Однако это правило не всегда справедливо: в условиях развития глубокого кризиса в отношениях с РФ (с 2014 г.) внутри евроатлантического сообщества наблюдались феномены трампизма и брексита [Благовещенский Р.И., 2019; Васильев В.С., 2017], весьма болезненные для европейских континентальных государств – членов НАТО и ЕС. Вопрос консолидации, трактуемый Белым домом как признание его, безусловно, ведущих позиций, отнюдь не исчез после прихода к власти администрации Дж. Байдена. Такой подход иллюстрирует пример её взаимоотношений с наиболее влиятельным из европейских континентальных государств – членом НАТО – Германией.

¹Под евроатлантическим сообществом в статье понимается совокупность государств – членом НАТО и ЕС, а также сами данные структуры.

Задача статьи – исследовать особенности диалога США и ФРГ в политической и военной сферах на временном отрезке между концом февраля и серединой ноября 2022 г. Нижняя хронологическая рамка привязана к началу специальной военной операции (СВО) РФ на Украине, когда открылся новый этап мирополитического развития. Верхняя – к подведению итогов выборов в Конгресс США (8 ноября 2022 г.), которые привели к ослаблению позиций Дж. Байдена и Демократической партии в целом, а большинство в Палате представителей перешло к республиканцам.

Специалисты создали основательный задел в изучении диалога Вашингтона и Берлина при Д. Трампе (2017–2021) [Синдеев А.А., 2017: 63-75] с учётом особенностей политического курса его администрации [Кочегуров Д.А., 2020]. Активные изыскания данной проблематики стартовали уже применительно к президентству Дж. Байдена [Арзаманова Т.В., 2022; Огнева А.В., 2022; Overhaus M., 2022], однако по естественным причинам они находятся скорее в начальной стадии. Статья представляет собой попытку дополнить данные исследования, опираясь на методы сравнительного и ивент-анализа.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА НА ФОНЕ СВО РФ

Заметная интенсификация контактов ФРГ и США наблюдалась уже с января 2022 г., особенно когда обсуждалось усиление войсковой группировки РФ вблизи границы с Украиной. Логично, что принципиальное осуждение специальной военной операции (СВО) РФ с 24 февраля 2022 г. стало едва ли не важнейшим пунктом согласия между Белым домом и официальным Берлином [1]. Отличительной чертой диалога на высшем уровне в марте – сентябре 2022 г. было почти полное отсутствие собственно двусторонних контактов, то есть переговоры Дж. Байдена и О. Шольца являлись частью многосторонних консультаций лидеров стран – участниц НАТО. Они проходили в составе тетрархии «западных держав» (США, Великобритания, Германии, Франции) [1], иногда с подключением других влиятельных игроков, особенно Италии и Польши. Чем это обусловлено? Формально тем, что Соединённые Штаты подчёркивали возвращение к принципу мультилатерализма – ценности либеральной демократии, ревностно оберегаемой ФРГ от самих США (и Великобритании) в периоды трампизма и брексита.

Однако традиционно достижение трансатлантической многосторонности сопровождалось развитием контактов США и ФРГ. Временным отходом от данного правила можно считать сигналы, которые администрация Дж. Байдена де-факто посылала Германии, о неудовлетворённости линией её поведения. Так, ФРГ отнюдь не сняла с себя функций по защите мультилатерализма после окончания президентства Д. Трампа – более того, эта роль была закреплена доктринально на национальном уровне. В мае 2021 г., то есть спустя три месяца после смены администрации в США и быстрого отхода от «ледяного» состояния диалога с ними, в ФРГ была принята «Белая книга по мультилатерализму» [2].

Тем самым в ценностном отношении Германия позиционировала себя важным игроком, соизмеримым с Соединёнными Штатами.

Недовольство этим стало одной из причин направленности курса администрации Дж. Байдена. Вопреки первоначальным ожиданиям официального Берлина, линия США представляла собой не возвращение к «мягкому» лидерству (преобладавшему до президентства Д. Трампа), но переход от «жёсткой гегемонии» (при 45-м президенте США) к «мягкой». Вашингтон при Дж. Байдене сохранил отчётливое стремление ставить именно свои интересы, а также Великобритании, особенно идущие вразрез с интересами партнёров по евроатлантическому сообществу по чувствительным вопросам. Однако данная линия осуществлялась не в формах открытого попраяния, как при Д. Трампе, а в «лайковых перчатках», с декларированием возвращения США к принципу мультилатерализму, на деле существенно деформируемому эгоистическими интересами самого Белого дома.

Первым масштабным проявлением «мягкой гегемонии» уместно признать итоговое решение Дж. Байдена от 13 апреля 2021 г. о выполнении «сделки» с движением «Талибан» (запрещено в России) от 29 февраля 2020 г., выработанной при Д. Трампе. Это привело к экстремному – к июлю 2021 г. – выводу крупной многосторонней миссии НАТО из Афганистана. Наиболее чувствительным это решение оказалось для ФРГ. На протяжении деятельности миссии Международных сил содействия безопасности (МССБ, ISAF) (2002–2014) «Решительная поддержка» (*Resolute Support*, 2015–2021 гг.) Германия вносила весьма заметный вклад, вышла в конце 2010-х годов по объёму войскового присутствия под эгидой НАТО в Афганистане на второе место после США [3]. Ликвидация этого длительного стратегического присутствия на Среднем Востоке существенно затруднила движение ФРГ к статусу полновесного глобального игрока.

Второе выражение «мягкой гегемонии» – создание объединения АУКУС (*Australia, United Kingdom, USA – AUKUS*) 15 сентября 2021 г. Де-факто формат оказался нацелен не только на «сдерживание» КНР [Арзаманова Т.В., 2022], но также на регулирование стратегических позиций Франции и закрепления Германии в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). США стимулировали их позиции к ужесточению восприятия Китая, консолидируя Великобританию и Австралию в регионе [Васильев В.С., 2022]. И вновь это объективно сокращало возможности ФРГ обеспечивать глобальное лидерство в политической и военной областях – уже применительно к ИТР.

Третье проявление наблюдалось в конце февраля – начале марта 2022 г. Фактор СВО РФ был использован США и Великобританией для закрепления безусловно доминирующей роли в формулировании и реализации многосторонней стратегии игроков Запада на украинском направлении. В данном случае стратегические возможности ФРГ сокращались уже в западной части постсоветского пространства. Этому способствовало прекращение работы «Нормандского формата» (с представительством от евроатлантического сообщества исключи-

тельно Германии и Франции), более ограниченная, чем у США и Великобритании, готовность оказать военную помощь официальному Киеву. Произошло резкое усиление и без того значительного влияния Белого дома и Лондона на власти Украины. Производной стало проявление Киевом демонстративного недовольства в отношении Германии. Это выразилось в отказе принять федерального президента Ф.-В. Штайнмайера с визитом в середине апреля 2022 г., публичное оскорбление канцлера О. Шольца послом Украины А. Мельником в начале мая 2022 г. Тактика украинской стороны была «топорной» и резко отличалась по форме, но не по направленности от тактики администрации Дж. Байдена. Вслед за старшим партнёром власти в Киеве всячески подталкивали ФРГ к расширению вовлечённости в противодействие РФ.

Заметная интенсификация данных усилий США и Великобритании совместно с Украиной наблюдалась во второй половине апреля 2022 г. [4], став причиной качественного изменения подхода Германии к поставкам летательных вооружений и военной техники (ВиВТ). Не только указанный круг игроков призывал ФРГ к ужесточению её линии на украинском направлении; аналогичную заинтересованность демонстрировали Нидерланды (исключительно близкий союзник ФРГ), Польша, Испания, отчасти партнёр по «большому» тандему – Франция. И всё же влияние администрации Дж. Байдена в тесной координации усилий с правительством Б. Джонсона и властями в Киеве следует признать весьма заметным. Свою роль сыграло отлаженное сотрудничество, в том числе, во многом неофициальное, между двумя партиями – Демократической в США и «Зелёной» в ФРГ. Уже с января – февраля 2022 г. повышенная активность наблюдалась на трекке глав внешнеполитических ведомств сторон, представителей соответствующих партий – Э. Блинкена и А. Бербок [5].

28 апреля 2022 г. Бундестаг рассмотрел и одобрил запрос федерального правительства о поставках летальных вооружений и военной техники властям в Киеве. Законопроект был инициирован партиями, входившими в правительство, – социал-демократами, «зелёными» и свободными демократами, и был также поддержан блоком ХДС/ХСС [6]. Против выступили «Альтернатива для Германии» и «Левая» партия. Наблюдалась поляризация подходов двух групп партий: этаблированных, то есть встроённых в политическую систему ФРГ, безусловно разделявших ценности «либеральной демократии», и не обладающих данными признаками. При голосовании из 693 депутатов «за» высказались 586 (84,6%), «против» – 100 (14,4%) при семи воздержавшихся [6, S. 2743A-2745D]. Принятое решение следует признать исключительно важным шагом на пути отхода ФРГ от приверженности концепции «стратегической сдержанности». Если до мая 2022 г. Берлин ограничивался на украинском направлении оказанием политико-дипломатической поддержки, предоставления нелетальных предметов военного снабжения, то теперь стал одним из западных модернизаторов вооружённых формирований Украины (ВФУ). Из предоставленной номенклатуры ВиВТ по состоянию на начало ноября 2022 г. наиболее ценными являлись 14 штурмовых

гаубиц образца 2000 г. (*Panzerhaubitzen 2000*), 5 РСЗО «Марс-2» (*MARS II*), ЗРК «Ирис» (*IRIS-T*), 30 бронированных ремонтно-эвакуационных машин, 30 бронированных транспортных машин типа «Динго» (*Dingo*), а также 39 специально оснащённых машин для пограничной стражи [7]. Следует также отметить, что Украине выделены глушители для беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), а также 18 разведывательных и два надводных дрона [7]. Поддержка со стороны ФРГ ВФУ была нацелена на усиление их огневой и в целом ударной мощи (штурмовое оружие могло стать «ядром» группы бронетехники), возможностей в области ремонта бронетехники, а также осуществления тактической разведки. Официальный Берлин начал также учитывать пожелания властей в Киеве по усилению ПВО.

Однако качественное изменение линии ФРГ не привело к активизации двусторонних контактов с США на высшем уровне вплоть до октября 2022 г. Так, встреча в данном формате не была проведена на саммите НАТО в Мадриде (28–30 июня). Почему? Недовольство Белого дома вызывала плавность наращивания поставок летальных ВиВТ германского производства – в полной мере этот процесс стал развиваться лишь к 22 июня 2022 г., а заметный рост интенсивности поставок по сравнению с маем был достигнут лишь в сентябре – октябре 2022 г. [7]. Имеет значение неготовность О. Шольца согласиться на поставки Украине основных боевых танков «Леопард-2» (*Leopard 2*) – едва ли не наиболее ценной составляющей номенклатуры продукции ВПК ФРГ. Основным лоббистом и здесь закономерно выступала А. Бербок. Тактика США отражала недовольство именно СДПГ, её представителями на высших постах – федеральным канцлером О. Шольцем и президентом Ф.-В. Штайнмайером. На фоне ограниченности контактов на высшем уровне США развивали интенсивный диалог на высоком уровне, особенно по линии внешнеполитических ведомств. И без того существенная ориентированность «Зелёных» на Демократическую партию становилась ещё заметнее. Шаги США фактически содействовали фрагментированию федерального правительства Германии, оказывая влияние на её высшее руководство.

На этом фоне поставки ВФУ ВиВТ со стороны ФРГ возрастали, а 28 октября 2022 г. Ф.-В. Штайнмайер, проведя в Киеве переговоры с В. Зеленским, выступил с программной речью, заявив о тяжёлых последствиях для Германии и мира в контексте проведения Россией СВО [8]. Тем самым федеральный президент открыто постарался дистанцироваться от восприятия себя как сторонника нормализации в отношениях с РФ. На саммите Группы двадцати (*G20, Group of Twenty*) 15–16 ноября 2022 г. уже О. Шольц ограничился обозначением необходимости сохранять контакты с Россией в принципе, не будучи готовым наполнить их конструктивной для другой стороны повесткой. Как и Белый дом, официальный Берлин заявил, что политика РФ почти лишена поддержки со стороны международного сообщества [9]. Указанные шаги были предприняты во многом под влиянием настроений Белого дома и были восприняты им позитивно. Ил-

люстрацией тому стали факт и тональность телефонных консультаций Дж. Байдена и О. Шольца 9 октября 2022 г. [10].

Между каждой парой указанных выражений «мягкой гегемонии» администрации Дж. Байдена в отношении ФРГ наличествовал временной лаг примерно в полугодие. Уместно предположить, что следующее проявление должно было прийти на осень 2022 г. Фон для этого был создан подрывами газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2» (в ночь на 26 сентября 2022 г.). Это наиболее сильно ударило именно по Германии и ЕС, усиливало их ориентированность на США в торгово-хозяйственной и общеполитической сферах. Телефонные консультации Дж. Байдена и О. Шольца 9 октября были во многом посвящены обсуждению данной диверсии [10]: Белый дом желал продемонстрировать близость с Берлином в ситуации, когда последнему, притом отнюдь не Россией, был нанесён болезненный удар. США были также заинтересованы в согласовании конкретных мер по дипломатической изоляции РФ на грядущем саммите Группы двадцати в Индонезии [10].

В целом весной – осенью 2022 г. степень ориентированности Германии на Соединённые Штаты существенно возросла. Вместе с тем утверждать о приближении данного показателя к предельным значениям преждевременно. Почему? В отличие от администрации Дж. Байдена, О. Шольц, как и Э. Макрон всё же провёл очень краткую встречу с С.В. Лавровым [11], возглавившим российскую делегацию на встрече Большой двадцатки. Этот шаг, выигрышный для России (сам факт контактов, притом между главой правительства одной стороны и министром другой, пусть и в отсутствие у неё представительства высшего уровня), иллюстрировал желание у ФРГ сохранять саму возможность переговоров с РФ, не отставая в этом отношении от Франции, Турции (особенно), наконец, самих Соединённых Штатов.

Одновременно официальный Берлин не проявлял готовности к полноценному, особенно военному, «сдерживанию» КНР, с активным подключением НАТО. Это подтвердил визит О. Шольца в КНР 4 ноября 2022 г. в преддверии не только саммита Группы двадцати на Бали, но и выборов в Конгресс США с вероятным (в итоге подтвердившемся) успехом республиканцев в Палате представителей. Тем самым уже ФРГ посылала «сигнал» Соединённым Штатам – находившейся у власти Демократической партии, готовившейся частично потеснить её Республиканской о неготовности к резкому ужесточению восприятия Китая.

Соответственно, США небезуспешно использовали фактор растущего размежевания Запада и держав не-Запада, инициированного отнюдь не последними, для усиления давления на ФРГ. И всё же в основном её готовность поддерживать партнёра проявлялась по тем трекам, где наблюдалось совпадение интересов сторон и всё же не носило массового характера. Так, в марте 2022 г. ФРГ приняла решение о закупке партии самолётов F-35 у США [12]. Означало ли общее снижение интереса Берлина к развитию военно-технической кооперации внутри ЕС, наделения его «стратегической автономией»? Следует дать отрица-

тельный ответ, учитывая растущую вовлечённость ФРГ в реализацию проектов Постоянного структурированного сотрудничества, ПСС (*PESCO, Permanent Structured Cooperation*). Представленный пример с ориентированностью на импорт ВиВТ из США являлся скорее исключением с чёткой детерминированностью. *F-35* предназначались для оснащения 33-й воздушной эскадры люфтваффе, «заточенной» на возможное применение ядерных бомб США, складированных в ФРГ [12]. Используя СВО РФ как повод, Германия стремилась гарантировать себе доступ к ядерному арсеналу Соединённых Штатов. Список игроков, наделяемых США такой возможностью, расширился при Дж. Байдене, – в рамках АУКУС Австралия вполне технически может его получить [Васильев В.С., 2020], что во многом стимулировало решение Берлина. Кейс с закупкой *F-35* представлял пример того, как заинтересованность США в конкретном вопросе использовалась ФРГ для реализации уже собственных лидерских амбиций. В намного большем объёме это проявилось в деле функционирования сил НАТО.

УЧАСТИЕ США И ФРГ В КОМПЛЕКТОВАНИИ ГРУППИРОВОК НАТО

На фоне СВО РФ на Украине был резко интенсифицирован процесс наращивания военного инструментария в распоряжении альянса как организации. В первую очередь, речь шла об увеличении, расширении сетки войсковых единиц сил передового развёртывания (СПР) в Восточной Европе. На техническом саммите НАТО 24 марта 2022 г. было согласовано развёртывание четырёх новых батальонных тактических групп (БТГ) в южной части региона: по одной БТГ в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии [13]². Все БТГ были многосторонними с ротационным комплектованием преимущественно европейскими государствами – членами блока, то есть на данном этапе США вносили ограниченный вклад. Параллельно они развернули свою мотопехотную («среднюю») бригаду, также на ротационной основе: её «ядро» располагалось в Румынии, а выдвинутые вперёд авангарды – в Словакии и Болгарии [14]. Схема, реализованная с весны 2022 г. для юго-восточного фланга СПР, была схожа с согласованной на Варшавском саммите альянса (2016 г.) для северо-восточного фланга. Тогда было принято решение об учреждении четырёх БТГ – по одной в странах Балтии и Польше; здесь же параллельно развёртывалась бригада войск США, но не «средняя», а «тяжёлая», то есть бронетанковая или бронекавалерийская [15]. Объём наземного войскового присутствия Соединённых Штатов в национальном качестве (бригада) был примерно равен многостороннему, также с ограниченным участием США (четыре БТГ с подразделениями усиления как эквивалент бригады). Как с 2017 г., так и весной 2022 г. уже на обоих флангах США вносили свыше 50% общего объёма СПР.

²Здесь региональные игроки перечисляются в их расположении с севера на юг.

В 2016 г. ФРГ приняла на себя функции «рамочной нации» (государства – координатора многосторонней группировки, предоставлявшего не менее трети общей численности сил и средств в её составе) для многонациональной БТГ в Литве [15]. Соотношение наземного вклада США («тяжёлая» бригада, роль «рамочного государства» для БТГ в Польше; 5–5,5 тыс. сухопутных войск) и ФРГ (500–550 военнослужащих) [16] составило 10:1, не изменяясь вплоть до конца 2021 года.

Уже в январе 2022 г., то есть до начала СВО РФ, Германия предприняла шаги для усиления присутствия в Литве. А 24 марта Берлин подключился к развёртыванию БТГ в Словакии [13]. Согласно неофициальному правилу, любое государство – член НАТО *де-юре* не могло принимать функции «рамочной нации» более чем для одной боевой группы СПР. Поэтому в случае БТГ в Словакии эту роль приняла Чехия, однако именно ФРГ стала вносить наиболее крупный вклад (намного больший, чем Прага) [17], становясь «рамочным государством» *де-факто*. Следует подчеркнуть, что данное явление (как минимум по состоянию на ноябрь 2022 г.) стало аномалией: ни одно другое государство – член НАТО, включая США, не претендовало на функции «рамочной нации» в случае сразу двух многосторонних групп [13]; [17]. Таким образом, официальный Берлин стал действовать *симметрично* Вашингтону: ключевая нагрузка в комплектовании второй по счёту БТГ осуществлялась параллельно с функционированием второй же бригады ВС США, географически также расположенной в странах к югу от Польши.

С одной стороны, ФРГ шла навстречу пожеланиям США, которые стимулировали европейские континентальные государства – члены альянса увеличивать практическую нагрузку в деятельности блока. С другой – Германия своими действиями одновременно подводила военно-ресурсную основу под реализацию собственных лидерских амбиций в НАТО. А этот сценарий неизбежно вёл к утверждению ФРГ в положении нового (дополнительного) центра притяжения в евроатлантическом сообществе в военно-стратегическом отношении. Таким образом, одни опасения Соединённых Штатов снимались, но, как результат заметно возросшей в 2022 г. готовности Германии участвовать в комплектовании СПР, возникали уже другие.

7 июня 2022 г. канцлер О. Шольц по итогам встречи с лидерами трёх стран Балтии заявил о желании трансформировать боевую группу в Литве с направляющей ролью бундесвера из батальонной в бригадную [18]. В этом усматривается определённый вызов США сразу в нескольких отношениях. Во-первых, Германия действовала прецедентно, до аналогичного решения США по многосторонней БТГ со своим участием (в Польше). Более того, инициатива ФРГ не стала обязательной (как это прозвучало на состоявшемся вскоре Мадридском саммите (28–30 июня 2022 г.) к исполнению для боевых групп в целом: переход (или отказ от этого) на бригадный уровень становился прерогативой государства-реципиента и комплектаторов [13]. Во-вторых, ФРГ заявила о готовности выйти на северо-восточном фланге СПР на объём сухопутного войскового при-

сутствия, уже соизмеримый с США (2–3 тыс. человек [19] и 5–5,5 тыс. человек [рассчитано на основе: 14; 17]). Дополнительные (для доведения контингента до «ядра» бригады) подразделения бундесвера стали прибывать в Литву с сентября 2022 г. [19], что позволило увеличить здесь число военных до 930 уже в ноябре [20]. Наконец, в-третьих, Германия продолжала органично вписывать свой вклад в многосторонние усилия, а Соединённые Штаты держали основную массу войск под национальным командованием. Тем самым, по сути, последовательная приверженность ФРГ мультилатерализму неофициально противопоставлялась склонности США действовать скорее в логике унилатерализма.

Во многом стремясь не допустить такого восприятия, на юго-восточном фланге Соединённые Штаты параллельно с развёртыванием «средней» бригады пошли на включение к октябрю 2022 г. подразделений в состав трёх многосторонних БТГ – в Венгрии, Румынии и Болгарии [13], тем самым обойдя вниманием лишь Словакию. ФРГ вновь действовала симметрично: между июнем и ноябрем 2022 г. вклад бундесвера в комплектовании боевой группы на территории официальной Братиславы вырос почти вдвое – с 284 военнослужащих [17] до 496 человек [20]. Между февралем и концом июня 2022 г. США увеличили численность своего войскового присутствия в европейской части зоны ответственности НАТО с 80 тыс. до 100 тыс. человек личного состава [14]. Непосредственно для усиления группировки в Восточной Европе использовалась большая часть из дополнительных 20 тыс. военных (эквивалент полноценной дивизии), были также задействованы подразделения сил США в ФРГ – в частности, 2-го бронекавалерийского полка (бригадного состава) [21].

Администрация Дж. Байдена пересмотрела невыгодные для Белого дома планы по резкому сокращению военного присутствия в ФРГ, которые выдвигались при Д. Трампе. Притом, как и предполагал последний, данная группировка уже при его преемнике стала достаточно активно использоваться как донор, то есть резерв для подкрепления войск США в Восточной Европе. Эта схема отражала обострение проблемы нехватки войск у Соединённых Штатов в контексте роста нагрузки по «сдерживанию» РФ и КНР. Безусловно, данная проблема стояла и перед ФРГ, хотя по состоянию на 2022 г. в военном отношении она полноценно принимала участие лишь в одной конфронтации (с Россией). При огромной разнице в численности вооружённых сил (до 1 350 тыс. личного состава у США и менее чем 190 тыс. у ФРГ [22: 12], то есть более чем в 7 раз) Берлин не менее умело, чем Вашингтон, подходил к вопросу гибкого использования своих войсковых единиц. Кроме того, в 2014–2022 гг. в относительном измерении прирост личного состава бундесвера составил + 5,4%, а ВС США – только 0,6% [Рассчитано на основе: 22: 12].

С учётом запланированной реорганизации многосторонней боевой группы в Польше из батальонной в бригадную объём участия Соединённых Штатов в комплектовании наземной части СПР составит 12–14 тыс. военнослужащих. Власти ФРГ обозначили резервирование (выделение) под комплектование сухопут-

ных СПР «тяжёлой» дивизии (15 тыс. солдат и офицеров) [23]. С учётом схемы ротации, это означает готовность иметь в составе многосторонних войсковых единиц НАТО в Восточной Европе примерно 3 тыс. военных. Соответственно, вклад ФРГ по сравнению с США в наземный компонент СПР в целом будет в ближайшей перспективе меньше в 4–4,5 раза, в то время как до 2022 г. эта разница составляла 10 раз, а по общей численности ВС – более 7 раз. Притом Германия с высокой долей вероятности сохранит своё лидерство среди всех стран-участниц по комплектованию именно многосторонних боевых групп. Так, в июне 2022 г. удельный вес ФРГ составлял 13,6%, а США – 12,1% (у Великобритании 11,6%, Франции менее 8,0%) [Рассчитано на основе: 17].

В связи с этим примечателен следующий факт: у Германии не только с Соединёнными Штатами, но также с Великобританией и Канадой к концу 2022 г. не было ни одного (!) странового совпадения в вопросе комплектования многосторонних боевых групп СПР НАТО. Две единственные, в функционировании которых не участвовали ни Вашингтон, ни Лондон, ни Оттава, были в Литве и Словакии, в обоих случаях де-факто с ведущей ролью бундесвера [13]; [17]. Такое, отнюдь не случайное отсутствие пересечений, представляет собой пример взаимодополнения в сочетании с конкуренцией – в основном латентной.

Всё более заметное стремление к симметричности линий с США было характерно для ФРГ в вопросе функционирования сил НАТО в Восточной Европе не только по линии сухопутных войск, но также ВМС и ВВС. Так, на Мадридском саммите (28–30 июня 2022 г.) О. Шольц декларировал резервирование для ротационного использования на данном треке не только «тяжёлой» дивизии, но и 60 боевых самолётов и 15 кораблей [23]. В не меньшей мере, чем США, ФРГ участвовала в деятельности постоянных военно-морских групп (по две в каждом случае) в акваториях к северу и югу от основного массива европейских стран – участниц НАТО. С марта 2022 г. люфтваффе, как и ВВС США [14], оказались активно задействованы в выстраивании системы воздушного патрулирования уже не только в пространстве стран Балтии, но восточноевропейских государств – членов альянса в целом [24]. В связи с этим примечательно, что ФРГ декларирует готовность вносить усиленный вклад в патрулирование истребителями пространства Польши практически сразу после инцидента с падением украинских ракет в селении Пшеводуве 15 ноября [9]. Пример показателен тем, что для Польши безусловным ключевым партнёром в сфере безопасности и обороны были США, притом данная роль заметно упрочилась в условиях спада германо-польского диалога во второй половине 2010-х годов. Даже на этом, весьма непросто для себя направлении, ФРГ стремилась в 2022 г. в стратегическом отношении к дополнению США, что представляло собой важный элемент конкуренции.

Чем обусловлена указанная направленность линии Германии весной – осенью 2022 г.? Уместно выделить две основные группы причин. *Одна* из них связана с состоянием самих отношений ФРГ и США. Их отход от «жёсткой гегемонии» при Д. Трампе, хотя и не сопровождался возвращением к «мягкому лидер-

ству» при Дж. Байдене, всё же расценивался официальным Берлином как «окно возможностей» для реализации своих державных амбиций в рамках НАТО, евроатлантического сообщества в целом. *Вторая* группа связана с самой логикой новой холодной войны между евроатлантическим сообществом и РФ. По мере развития данной конфронтации ФРГ всё более отходила от концепции «стратегической сдержанности». Одним из ключевых индикаторов этого и стало изменение подхода Германии к использованию бундесвера в Восточной Европе: от почти нулевых значений в 2014–2015 гг. до ограниченного объёма с 2017 г., который всё больше нарастал с 2022 г. Здесь следует подчеркнуть, что соответствующие меры по усилению СПР НАТО в регионе стали на практике активно подготавливаться с заметным участием ФРГ и США уже с конца 2010-х годов: так, развёртывалась многосторонняя штабная инфраструктура (штабы корпусов «Северо-Восток», дивизий «Север», «Северо-Восток», «Центр», «Юго-Восток») [13]. Эти управленческие структуры к 2022 г. или имели лишь по два-три батальона в подчинении (вместо положенных трёх бригад каждая), или вообще были «бумажными». Фактор СВО РФ был умело использован по линии НАТО для наполнения этих военно-организационных структур войсковым содержанием.

Если в случае СПР альянса вклад США в комплектование многосторонних сил был ограниченным, то сил быстрого реагирования (СБР) – расположенного в основном в глубине и наиболее сильного эшелона альянса – минимальным. Вместе с тем, как и в Восточной Европе, в Западной находились войска США в национальном статусе – прежде всего, контингент в ФРГ, – которые в случае необходимости должны были сотрудничать с многонациональными силами НАТО с ведущим участием европейских государств-членов. В свою очередь, не в пример СПР, в СБР Германия уже с 2014 г. стремилась как можно чаще играть роль «рамочного государства» – для СБР в целом, их соединения повышенной боевой готовности в особенности [Glatz R., Zapfe M., 2017: 1-4]. Тем самым здесь, притом раньше и в больших масштабах, ФРГ умело использовала для реализации своих державных амбиций заинтересованность США в росте нагрузки европейских стран-участниц по линии НАТО, при этом сохраняя гибкость в использовании Вооружённых сил ФРГ. Этому способствовали принципы многосторонности (участия нескольких стран-участниц в комплектовании группировки) и особенно ротационного характера. Последнее позволяло применять каждую отдельно взятую войсковую единицу (бригаду, батальон, более мелкие подразделения) в перерывах между участием в комплектовании СБР или СПР на других направлениях (в частности, вне зоны ответственности), иных профильных структур (ООН, ЕС, даже Африканского союза) либо иметь в качестве резерва под национальным командованием в местах постоянной дислокации.

В связи с этим интересны решения Мадридского саммита НАТО, на котором была принята новая стратегическая концепция. В списке угроз российская была поставлена на первое место, на второе – реально существовавшие, исходившие из зон нестабильности Азии и Африки, а на третье – фактор усиления Китая.

Кроме того, в весьма критическом ключе был обозначен Иран [25: 3-5]. Притом в реалиях 2022 г. полномасштабно потенциал НАТО использовался только на первом направлении. Решение самих США по свёртыванию миссии «Решительная поддержка» создало во многом вакуум в смысле использования потенциала НАТО в конфликтных зонах Азии и Африки. Вашингтон предпочитал этому применение потенциала альянса для «сдерживания» КНР, чему противилась ФРГ. В свою очередь, Германия выступала за расширение использования ЕС вне зоны ответственности НАТО, тем самым отчасти подменяя её.

На саммите 28–30 июня 2022 г. был впервые с 1990-х годов чётко определён объём войск, непосредственно используемых в конкретный момент и в целом резервируемых для использования под эгидой альянса – 0,8 млн. солдат и офицеров [26]. Притом суммарная численность вооружённых сил европейских стран – участниц составляла около 1,9 млн. военных (без США и Канады) [22: 12], войск США в Европе (на июнь 2022 г.) – 0,1 млн человек [14]. Обозначенные 800 тысяч делились на три категории в зависимости от приведения в полную боевую готовность – до 10 дней (100 тысяч), от 10 до 30 суток (ещё 200 тысяч), от месяца до полугодия (оставшиеся 500 тысяч военных) [26]. Выделение под управление альянса столь крупных сил, притом в основном от европейских государств-членов, удовлетворяло интересам США, но также и ФРГ. Принятие новой схемы потенциала НАТО в увязке с осуществлением планов по наращиванию Вооружённых сил Германии Берлин будет использовать для ещё большего числа случаев, когда будут приниматься функции «рамочного государства» и утверждения Германии в роли полновесного центра притяжения в евроатлантическом сообществе. Тем более что страна сохраняла гибкость в использовании войск: ни принцип многосторонности, ни ротационного характер не были пересмотрены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Мягкая гегемония» администрации Дж. Байдена способствовала ослаблению или как минимум отсутствию заметного усиления военно-стратегических позиций Германии на Среднем Востоке, в Индо-Тихоокеанском регионе, западной части постсоветского пространства. Тем самым США пытались принять функции регулятора действий ФРГ (прежде всего, в ИТР и СНГ), одновременно стимулируя Германию к существенному наращиванию усилий, в частности, собственно военных, внутри зоны ответственности НАТО – особенно вдоль периметра её границ. Согласие Берлина с этим разворотом оказалось не только вынужденным, но воспринималось как отвечающее интересам Германии. ФРГ стремилась продемонстрировать широкому кругу партнёров по НАТО свою военную дееспособность, внося растущий военный вклад в «сдерживание», особенно в роли «рамочного государства». Берлин пытался отстоять саму необходимость диалога с РФ в принципе – с тем, чтобы в дальнейшем, как это было в «разрядку», занять роль «моста» в отношениях Кремля и евроатлантического сообще-

ства. Однако в современных реалиях повторное принятие ФРГ данной роли представляется отнюдь не вероятным. В случае КНР Германия в начале 2020-х годов противилась активному применению сил НАТО для очередного «сдерживания», стремясь сохранить хотя бы остаточные элементы доверительного диалога с Пекином. Общим знаменателем указанных мер было стремление ФРГ укреплять свои позиции как ещё одного центра притяжения в НАТО. Следует признать также желание официального Берлина сохранить функции «охранителя» мультилатерализма – как на доктринальном уровне, так и на практическом, особенно в вопросах усиления мощи альянса.

Германское руководство пыталось минимизировать недовольство США в связи с этим, в то же время не будучи заинтересованным оказаться в фарватере внешней политики Белого дома. Однако последнего, несмотря на ряд успехов, весной – осенью 2022 г. кабинету О. Шольца избежать в целом не удалось.

ИСТОЧНИКИ

1. Deutschland, Frankreich, die USA und Großbritannien beraten die Lage in der Ukraine. Bundeskanzleramt. 7.03.2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutschland-frankreich-die-usa-und-grossbritannien-beraten-die-lage-in-der-ukraine-2010752> (accessed 19.11.2022).
2. A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper. Berlin: Federal Government, 2021. 152 p.
3. Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures. NATO. September 2018. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_09/20180903_2018-09-RSM-Placemat.pdf (accessed 19.11.2022).
4. Statement von Bundeskanzler Scholz nach Beratungen mit internationalen Partnern zur Lage in der Ukraine. Bundeskanzleramt. 20.04.2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/statement-scholz-ukraine-2026460> (accessed 19.11.2022).
5. Außenministerin Baerbock reist nach Brüssel: Abstimmung mit NATO, G7 und EU. Auswärtiges Amt. 4.03.2022. Available at: <https://www.auswaertigesamt.de/de/aussenpolitik/baerbock-bruessel-nato-g7-eu/2515314> (accessed 19.11.2022).
6. Antrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, Bündnis 90/Die Grünen und FDP: Frieden und Freiheit in Europa verteidigen – Umfassende Unterstützung für die Ukraine. Drucksache 20/1550 // Plenarprotokoll 20/31. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 31. Sitzung. Berlin, Donnerstag, 28. April 2022. S. 2719A-2736D, 2742D-2745D.
7. Militärische Unterstützungsleistungen für die Ukraine. Bundeskanzleramt. 2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (accessed 19.11.2022).

8. "Alles stärken, was uns verbindet". Der Bundespräsident. 28.10.2022. Available at: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2022/10/221028-Alles-staerken-was-uns-verbindet.html> (accessed 19.11.2022).

9. „Der russische Präsident steht mit seiner Politik in der Welt fast alleine da“. Bundeskanzleramt. 16.11.2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/g-20-gipfel-auf-bali-2142876> (accessed 19.11.2022).

10. Bundeskanzler Scholz telefoniert mit US-Präsident Biden. 9.10.2022. Bundeskanzleramt. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-scholz-telefoniert-mit-us-praesident-biden-2132852> (accessed 19.11.2022).

11. Отъезд Лаврова с саммита G20 из-за холодного приёма других стран не подтвердился. *Lenta.ru*. 16.11.2022. Available at: <https://lenta.ru/news/2022/11/16/lavrov/> (accessed 19.11.2022).

12. DPA: Германия планирует закупить самолеты F-35 для переоснащения ВВС. ТАСС. 14.03.2022. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14058189> (accessed 19.11.2022).

13. NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. October 2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed 19.11.2022).

14. FACT SHEET - U.S. Defense Contributions to Europe. US Department of Defence. 29.06.2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (accessed 19.11.2022).

15. Warsaw Summit Communiqué. NATO. 9.07.2016. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed 19.11.2022).

16. Starke Partnerschaft mit baltischen Ländern. Merkel in Litauen. Bundeskanzleramt. 14.09.2018. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/starke-partnerschaft-mit-baltischen-laendern-1525302> (accessed 19.11.2022).

17. NATO's Forward Presence. NATO. June 2022. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (accessed 19.11.2022).

18. Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš. Bundeskanzleramt. 7.06.2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (accessed 19.11.2022).

19. First German NATO brigade troops arrive in Lithuania. NATO. 4.09.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207051.htm?selectedLocale=en (accessed 19.11.2022).
20. Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 07. November 2022)³. Statista.de. 2022. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/#professional> (accessed 19.11.2022).
21. Rain on the range – Getting muddy with NATO’s multinational battlegroup in Romania. NATO. 21.09.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207535.htm?selectedLocale=en (accessed 19.11.2022).
22. Defence expenditure of NATO countries (2014-2022). Communique PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2022. 16 p.
23. Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. Bundeskanzleramt. 30.06.2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (accessed 19.11.2022).
24. NATO’s Eastern Flank: Air Domain. NATO. 1.04.2022. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2204-map-nato-eastern-flank-air-domain.pdf (accessed 19.11.2022).
25. NATO 2022 Strategic Concept. Brussels: NATO, 2022. 11 P.
26. New NATO Force Model. NATO. 2022. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (accessed 19.11.2022).

ЛИТЕРАТУРА

- Арзаманова Т.В. 2022. Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11
- Благовещенский Р.И. 2019. Британский евроскептицизм: определение и основные факторы. *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 1. С. 121–145. DOI: 10.31249/ape/2019.01.06
- Васильев В.С. 2017. Анатомия трампизма: команда 45-го президента США. *Перспективы. Электронный журнал*. № 3. С. 52–62.

³Конкретный файл заархивирован автором.

Васильев В.С. 2022. Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10

Кочегуров Д.А. 2020. Идеология Д. Трампа в контексте цикличной сменяемости четырёх внешнеполитических концепций США. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 46–65. DOI: 10.31249/ape/2020.01.03

Огнева А.В. 2022. Трансатлантический вектор внешней политики ФРГ после Трампа. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1. С. 79–88. DOI: 10.15211/vestnikieran120227988

Синдеев А.А. 2017. Современные отношения США и ФРГ: от Обамы к Трампу (состояние и прогнозы). *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*. № 8. С. 62–77.

REFERENCES

Arzamanova T.V. 2022. Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniia Germanii v Indo-Tikhookeanskom regione v usloviakh vozvrashcheniia sopernichestva velikikh derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 4. P. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11

Blagoveshchensky R.I. 2019. Britanskii evroskeptitsizm: opredelenie i osnovnye faktory [British Euroscepticism: the definition and main factors] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 1. P. 121–145. DOI: 10.31249/ape/2019.01.06

Glatz R., Zapfe M. 2017. Ambitionierte Rahmension: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell*. No 62. 8 S.

Kochegurov D.A. 2020. Ideologiya D. Trampa v kontekste tsiklichnoi smeniaemosti chetyrekh vneshnepoliticheskikh kontseptsii SShA [The ideology of D. Trump in the context of cyclicity of four American ideologies] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 1. P. 46–65. DOI: 10.31249/ape/2020.01.03

Ogneva A.V. 2022. Transatlanticheskii vektor vneshnei politiki FRG posle Trampa [The transatlantic orientation of the German foreign policy after Trump] (In Russ.). *Scientific and analytical herald of IE RAS*. No 1. P. 79–88. DOI: 10.15211/vestnikieran120227988

Overhaus M. 2021. Die Global Posture Review der Biden' Administration. *SWP-Aktuell*. No 79. 5 S. DOI: 10.18449/2021A79

Sindeev A.A. 2017. Современные отношения США и ФРГ: от Обамы к Трампу (состояние и прогнозы). [U.S. - FRG relations from Obama to Trump: present state and forecasts] (In Russ.). *USA ❖ Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 8. P. 62–77.

Vasiliev V.S. 2017. Anatomii trampizma: komanda 45-go prezidenta SShA [Anatomy of Trumpism: the team of the 45th president of the United States] (In Russ.). *Perspectives*. Electronic Journal. No 3. P. 52–62.

Vasiliev V.S. 2022. Anglosaksonskie skrizhali narastaiushchego global'nogo tsivilizatsionnogo protivostoianiia [Anglo-Saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 4. P. 234-257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУНОВ Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, Москва, 117418, Нахимовский проспект, 51/21.

Philipp O. TRUNOV, Can. Sci. (Political), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. 51/21, Nahimovskij prospect, Moscow, Russia 117418

Статья поступила в редакцию / Received 02.12.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 16.12.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 17.12.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023020062

EDN: PAQOAB

Актуализируя Роберта Джервиса

В.Ш. Сургуладзе

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49*

РИНЦ ID: 783080

ORCID: 0000-0002-7948-0128 e-mail: bafing@mail.ru

Резюме: Первое издание на русском языке классической работы Роберта Джервиса, посвящённой проблематике восприятия и неверного восприятия в мировой политике обращает на себя внимание в связи с необходимостью укрепления суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации в социогуманитарной, социокультурной и научной сферах. Дополненное обзором научных достижений в сфере когнитивной психологии и нейрополитики исследование известного американского политолога является полезным источником информации о новейших тенденциях в изучении социально-политического поведения и заставляет переосмыслить состояние и направления развития социогуманитарных дисциплин в России. В статье делается вывод о том, что на фоне новейших открытий в области нейронауки, наблюдается тревожная тенденция гипертрофированного интереса к изучению больших данных и псевдоматематизации социогуманитарных дисциплин, часто в ущерб традиционному страноведению и изучению исторически обусловленных причинно-следственных связей социально-политических процессов. В то же время; отмечается подтверждение современными научными методами выводов учёных, сделанных в период до «научного нейроповорота» последних десятилетий.

Ключевые слова: Роберт Джервис; политическая психология; когнитивная нейропсихология; принятые политические решения; нейрополитика; международные отношения; эмоциональный суверенитет; информационная политика

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. Актуализируя Роберта Джервиса. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53 (2): 83–100.

DOI: 10.31857/S2686673023020062 EDN: PAQOAB

Actualizing Robert Jervis

V.Sh. Surguladze

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Russian Federation, 125993, Moscow, Leningradskiy prospect, 49*

РИНЦ ID: 783080

ORCID: 0000-0002-7948-0128 e-mail: bafing@mail.ru

Abstract: The first Russian edition of Robert Jervis's classical work on the problems of perception and misperception in world politics draws attention to the need to strengthen the sovereignty and national security of the Russian Federation in the socio-humanitarian, socio-cultural and scientific spheres. Supplemented by a review of scientific achievements in the field of cognitive psychology and neuro-politics, the study by a well-known American political scientist is a useful source of information about the latest trends in the study of socio-political behavior and makes us rethink the state and directions of development of socio-humanitarian disciplines in

Russia. The article concludes that against the background of the latest discoveries in the field of neuroscience, there is an alarming tendency of hypertrophied interest in the study of big data and pseudo-mathematization of socio-humanitarian disciplines, often to the detriment of traditional country studies and the study of historically determined causal interactions of socio-political processes. At the same time, it is noted that modern scientific methods confirm the conclusions of scientists made in the period before the "neuroscientific turn" of recent decades.

Keywords: Robert Jervis; political psychology; cognitive neuropsychology; political decision-making; neopolitics; international relations; emotional sovereignty; information policy.

For citation: V.Sh. Surguladze. Actualizing Robert Jervis. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53 (2): 83-100. DOI: 10.31857/S2686673023020062
EDN: PAQOAB

ВВЕДЕНИЕ



Заметным событием на интеллектуальном горизонте 2022 года стало появление на русском языке монографии классика политической психологии и исследований в области принятия политических решений профессора Колумбийского университета Роберта Джервиса «Восприятие и неверное восприятие в международной политике» [Джервис Р., 2022]. Работа опубликована Центром анализа стратегий и технологий (ЦАСТ), который ранее издал монографию политолога «Почему разведки терпят неудачу: уроки революции в Иране и войны в Ираке» [Джервис Р., 2020].

Перевод осуществлён по второму англоязычному изданию 2017 года [Jervis R., 2017] и кроме предисловия автора к русскому изданию снабжён обширной вводной главой, содержащей обзор научных

достижений в области изучения восприятия и политической психологии за сорок лет, прошедшие с момента выхода первого издания книги (в 1976 г.). Предисловие ко второму англоязычному изданию и сама работа представляют фундаментальное междисциплинарное исследование, посвящённое процессу познания, эвристике¹, ориентированной на понимание закономерностей восприятия и поиска наиболее релевантных путей постижения и интерпретации политики.

¹ Эвристика (от др.-греч. – «отыскиваю», «открываю») – научная область, изучающая специфику созидательной деятельности. Под эвристикой понимают совокупность приёмов и методов, облегчающих и упрощающих решение познавательных, конструктивных, практических задач. Эвристика связана с психологией, физиологией высшей нервной деятельности, кибернетикой. Как наука эвристика развивается на стыке философии, психологии, теории искусственного интеллекта, структурной лингвистики, теории информации, математики и физики [Людское с.м.: Kahneman D., Slovic P., Tversky A., 2008; Gilovich T., Griffin D., Kahneman D., 2003].

Сегодня книга Р. Джервиса важна тем, что возвращает к реальности, заставляет воспринимать политические процессы во всей сложности и усомниться в набирающих популярность абстрактных технически простых объяснениях происходящего современными методами манипулирования большими данными и техническими возможностями цифровой эпохи в ущерб общему кругозору и знанию причинно-следственных связей, стратегической культуры, социокультурного, исторического и странового контекста политических обстоятельств.

Ориентируясь прежде всего на практические проблемы принятия политических решений, Р. Джервис опирается в своём исследовании как на впечатляющий массив теоретических работ, так и на исторические примеры решений, принимавшихся в конкретных обстоятельствах времени и места.

Важной особенностью монографии является непредвзятость автора по отношению к классикам, анализировавшим особенности мышления в прошлом. Сегодня, в условиях информационной эпохи и перманентного умножения массива специальных исследований по многим научным направлениям, высок соблазн забыть о достижениях доцифровой эпохи, отмахнуться от предшествовавшей интеллектуальной традиции как от мнимо несоответствующей современным представлениям о «научности». Между тем авторы-классики задолго до современной науки приходили к тем же выводам, не имея современного инструментария, на основании собственного опыта, научной интуиции и таланта выдвигали гипотезы и концепции, которые подтверждаются в наше время новейшими исследованиями. Так, например, Р. Джервис останавливается на знаменитом утверждении Дэвида Юма: «Разум есть и должен быть лишь рабом аффектов и не может претендовать на какую-либо другую должность, кроме служения и послушания им» [Юм Д., 1996, Т. 1: 457].

Утверждение классика эпохи шотландского Просвещения до сих пор вызывает споры, однако не лишено оснований и подтверждается новейшими научными работами в области нейронауки. Современные исследования когнитивной психологии доказывают тесную связь восприятия, поведения и эмоций, подтверждают знаменитый тезис Зигмунда Фрейда о том, что «человек не хозяин в своём доме», то есть не властен над собственным бессознательным, не понимает истоков, побудительных мотивов своих желаний, поскольку эмоции, предубеждения, фобии, комплексы, психология личности – иррациональные факторы, в значительной степени формирующие идентичность и детерминирующие человеческую деятельность, в том числе и принятие политических решений.

Действительно, эффективность пропаганды, связей с общественностью, стратегических коммуникаций, рекламы и маркетинга, идеологии и информационного противоборства, разнообразных форм репрезентации власти, изучением которых занимается потестарная имагология [Бойцов М.А., Успенский Ф.Б., 2010], связана в первую очередь с воздействием на эмоции, а не на рацио-

нальность, так как именно *эмоции лучше всего мотивируют к действиям, придают волевой импульс для претворения моральных ценностей, принципов и идеалов в жизнь*. 198 методов ненасильственных действий Джина Шарпа, разработанные в целях дестабилизации неугодных США политических режимов, так же в значительной степени связаны с воздействием на эмоции [Sharp G., 1973; Sharp G., 2013].

В периоды социально-политических катаклизмов именно эмоции, дополненные разнообразными эффектами агентных состояний, гонят людей на баррикады и смерть. Принципы и ценности, подкреплённые эмоциями, делают из «идеи, овладевшей массами, материальную силу» [5; т. 34: 332]; [6; т. 1: 422]. Доктрина, не вызывающая чувств, мертва. Историкам, социологам, политологам, психологам и специалистам-конфликтологам давно известны указанные закономерности, однако сегодня данное знание обретает новые черты в свете современных технических возможностей, дополняющих и подтверждающих выводы социогуманитарных исследований, осуществлявшихся более традиционными методами наблюдения и сравнительного анализа. Так, например, если раньше о человеке «убеждённом» или «истинно верующем» (по Э. Хофферу) приходилось писать на основании исследования исторических прецедентов и здравого смысла прикладной политической аналитики и вызывающей доверие экспертной оценки, то сегодня изучение иррациональных верований перешло на качественно новый междисциплинарный уровень [Maltby J., Day L., Macaskill A., 2017: 458–479; Shafir E. 2004].

Анализ ДНК, широкое использование магнитно-резонансной томографии (МРТ) вместе с другими достижениями когнитивной нейробиологии открыли перед исследователями социально-политического поведения новые горизонты, позволив определять степень воздействия внешних импульсов на мозг и сознание человека с естественнонаучной точностью.

«Эмоции насыщают наше мышление и обеспечивают движущую силу для действий, без них нам было бы крайне трудно принимать какие-либо решения, не говоря уже о разумных», констатирует Р. Джервис [Джервис Р., 2022: 96], анализируя достижения науки в сфере изучения человеческого мышления и восприятия, произошедшие за сорок лет с момента выхода первого издания монографии.

Взгляд на чувства и эмоции, как на что-то «вредное» и резко противоположное процессу познания, современной наукой не признаётся [см.: Feldman Barrett L., Salovey P., 2002; Purves D., Augustine G.J., Fitzpatrick D., Hall W.C., LaMantia A.-S., McNamara J.O., Williams S.M., 2004: 687–710; Gazzaniga M.S., 2009: 887–999]. Эмпирическим путём подтверждена прямая связь между эмоциями, поведением и мотивацией к действиям [Bradley M.M., Lang P.J., 2007: 581–607], доказано их влияние на процессы принятия решений [Damasio A.R., Damasio H., Christen Y., 1996; Rolls E.T., 2014; Brockman J., 2013; Канеман Д., Сибони О., Санстейн К., 2021;

Канеман Д., 2014;]. Появляются интересные работы, посвящённые влиянию эмоций на такие «рациональные» сферы человеческой деятельности, как, например, право [Conway H., Stannard J., 2016], медицина [Ofri D., 2013], инвестиции [Ameriks J., Wranik T., Salovey P., 2009], работа IT-специалистов [Kaluzniacku E., 2004: 143–217], а также специфические, но ставшие традиционными для западной научной повестки исследования, анализирующие эмоциональное восприятие в расовом контексте [Staub M.E., 2018: 109–137].

Особый интерес в контексте осуществления политики идентичности, обеспечения национальной безопасности, культурного и информационного суверенитета представляют достижения когнитивной нейронауки в сфере изучения ценностей и этически мотивированной деятельности, например, моральных [Liao S.M., 2016] или альтруистических поступков [Pfaff D.W., 2015]. Связь между сознанием, эмоциями и мотивами поведения изучается современными нейробиологами и в рамках исследования процессов развития индивидуальной идентичности [Changeux J.-P., Damasio A.R., Singer W., Christen Y., 2005; Kahneman D., Tversky A., 2009; Damasio A., 2010].

Современные политологические работы, посвящённые международным отношениям, также фокусируют внимание на эмоциональных и психологических факторах, влияющих на мировую политику [Traven D., 2021; Pursiainen S., Forsberg T., 2021: 209–252; Holmes M., 2018]. Появляются монографии, в которых рассматриваются угрозы и вызовы национальной безопасности со стороны нейронауки, этические проблемы манипулирования сознанием на нейроразовне. Так, например, профессор Массачусетского университета Николас Дж. Эванс считает, что мозг уже стал полем боя, поскольку современные исследования в сфере нейронауки в перспективе чреваты подрывом основ благополучия общества и государства по причине беспрецедентных возможностей манипулирования людьми, подавления и подчинения их воли [Evans N.G., 2022].

Изучение иррациональных, эмоциональных детерминант поведения на базе таких направлений, как нейропсихология, нейropolитика, нейроэкономика [Glimcher P.W., Camerer C.F., Fehr E., Poldrack R.A., 2009; Glimcher P.W., 2003; Ogaki M., Tanaka S.C., 2017: 3–30], нейромаркетинг [Thomas A.R., Pop N.A., Iorga A.M., Ducu C., 2017] и даже нейрокультура [Sampson T.D., 2017], продолжает набирать популярность, придаёт новый импульс междисциплинарным исследованиям и традиционным бихевиористским подходам к исследованию поведения, давая основания говорить о своеобразном, по мнению отдельных экспертов, эпохальном «нейроповороте» в науке [Littlefield M.M., Johnson J.M., 2012; Schreiber D., 2011: 273–299; Kugler J., Zak P.J., 2017: 83–114]. Указанные разработки позволяют констатировать, что политические и экономические процессы сегодня осуществляются на поле воздействия не только на рациональное начало, но и иррациональную, эмоциональную природу, используя разнообразные формы «мягкого» косвенного

внушения [Erickson M.H., 1991], воздействия на инстинкты, ограничения человеческого восприятия действительности, манипулирования иррациональностью. Таким образом, *теория рационального выбора и экономической детерминизм оказываются в свете современных научных данных далеко не решающими факторами, формирующими идентичность и поведение личности*².

Получается, что современные исследования подтверждают не только гипотезу Д. Юма, но и тезис о том, что «понять – значит почувствовать», выступающий лейтмотивом многолетних исследований закономерностей творческого процесса и влияния поведения на восприятие и эмоции в работах К.С. Станиславского [7].

При определённых условиях эмоционально окрашенное знание на базе изучения фактов помогает глубже понимать социально-политические процессы и мотивы поведения. Для эффективной реакции на угрозы и вызовы в идентитарно-информационной сфере, проявления воли к практическим действиям, *мало знать* исторические факты, которые сегодня пытаются фальсифицировать [1], например, день, месяц, год битвы или иного важного события отечественной истории, а также цепь предшествовавших и сопутствовавших обстоятельств, к ней приведших. Важно *чувствовать* какую боль, страдания, эмоциональную травму нанесли эти события обществу. *Обеспечение взаимосвязи между фактами истории государства и эмоциями граждан – важнейшее условие реализации эффективной политики идентичности и повышения резистентности социума к враждебному информационно-идеологическому воздействию, направленному на подрыв консолидирующих граждан ценностей и национального самосознания.*

Поддержание такой связи невозможно при формальном подходе к изучению социальных наук и отечественной истории как особенно важной, формирующей национальную гражданско-политическую идентичность дисциплины, которую сегодня «проходят» и «сдают», оперируя сухими, не затрагивающими эмоции фактами; преподают «натаскивая» школьников и студентов на возможность дать формально правильный ответ на тестовые и иные экзаменационные вопросы, вместо того, чтобы сосредоточить воспитательные и образовательные усилия на объяснении внутренних взаимосвязей и сущностного политического и морально-этического значения событий для общества и государства в прошлом и настоящем. Живое, прочувствованное эмоциональное знание о собственной стране, историческом и культурном наследии – важнейшая составляющая действенного патриотизма и морально-нравственного состояния общества. В данной связи особую актуальность обретают вопросы государственной политики Российской Федерации в области воспитания и образования граждан,

² Среди многочисленных примеров – введение с февраля 2022 года США и ЕС массива антироссийских санкций, большая часть которых нанесла вред самому Европейскому Союзу. К этому же ряду явлений относится и не ввод в эксплуатацию магистрального газопровода «Северный поток-2».

поскольку основанная на подготовке к итоговым тестированиям система образования не способствует воздействию на сердца и умы молодого поколения, не обеспечивает необходимой для патриотического воспитания связи знаний с эмоциями, прямо противоречит задачам передачи эмоционально окрашенных знаний, так как ориентирована на механическое заучивание и формальное ознакомление с изучаемым материалом.

Сегодня понимание сложных процессов воздействия на восприятие, а значит и идентичность, обретает особую важность из-за наблюдающихся тенденций формализации и псевдоматематизации социогуманитарного знания. Так, например, используя современные компьютерные программы, обширную, но достаточно часто одностороннюю статистику и генерируемые социальными сетями большие данные (*Big Data*), пытаются объяснять и интерпретировать сложные социально-политические процессы не на базе принципа историзма, изучения и выяснения внутренних причинно-следственных связей, а ограничиваясь формальной непротиворечивостью обрабатываемых «искусственным интеллектом» данных. В российских социогуманитарных исследованиях наблюдается явная тенденция к формализации знания, перекося в сторону внешней научности при часто сомнительной ценности получаемого в итоге «научного продукта». В частности, наблюдается изрядная доля предвзятости и снобизма в восприятии поведенческой психологии, исследований принятия политических решений и субъективных факторов, при том, что данные научные направления являются сегодня приоритетными в мировой науке. Фактор эмоций изучается повсеместно и в самых разных контекстах, например, в инициировании и ведении военных конфликтов (о факторе воздействия политики идентичности на «умы и сердца» в «новых войнах» см., например: [Kaldor M., 2012; Rosen S.P., 2005]).

В данной связи уместно заметить, что конъюнктурное увлечение интерпретациями больших данных напоминает научный оптимизм, начавшейся в Англии XVII века эпохи Просвещения, когда люди *поверили* в рациональность человека и его поведения. Однако если раньше поводом для веры в исключительную рациональность мотивов поведения были естественные науки, прежде всего физика, то сегодня избыточные надежды при объяснении социально-политических процессов возлагаются на искусственный интеллект, цифровые технологии и новые технические средства. В частности, ряд современных исследователей озабочены гипертрофированным интересом к достижениям нейронауки и её методам, которые всё чаще пытаются переносить в область социогуманитарного знания, полагая, что биологизация этих научных отраслей негативно скажется на понимании причин социального поведения, которое детерминировано сложным комплексом внутренних и внешних факторов и не может быть сведено исключительно к особенностям биологии и механизмов восприятия человеческого мозга, поскольку на формирование личности оказывают влия-

яние сложные процессы социализации [Satel S., Lilienfeld S.O., 2013]. Сторонники этого взгляда предлагают обозначить критерии разумного использования методов нейронауки в других дисциплинах [Legrenzi P., Umiltá C., 2011].

Такие, связанные со сферой идентичности и детерминированного ею индивидуального и массового поведения явления социально-политической действительности, как ресентимент³ [Scheler M., 2010], культурные традиции, менталитет, народный характер, факторы суеверий и религиозной веры нельзя понять на базе исключительного использования формальных количественных методов и современных технологий, включая достижения нейронауки, которые скорее фиксируют реальность, чем объясняют её. В частности, неспособны выявлять и объяснять внутренние причинно-следственные связи, «социальную генетику» [Elias N., 2000] передачи в обществе сложившихся традиций, социокультурных ценностей и поведенческих моделей. Между тем в политической науке и практике всегда ключевое значение имело изучение истории и прецедентов, страноведение, понимание культуры, психологии, ценностей и нарративов [Звягельская И.Д., 2020; Friedman G., 2015].

Исследование сущности идентитарных и обусловленных ими поведенческих процессов предполагает серьёзное изучение сложных доктринальных текстов и умение понимать обусловленный идеологией и нарративами контекст, находить и видеть социальные, политические и исторические параллели, то есть прежде всего качественный, экспертный анализ на базе принципов историзма и исследования причинно-следственных связей. Однако современные тенденции развития образования и цифровая среда делают граждан и часть экспертного сообщества всё менее восприимчивыми к указанным принципам, упрощают мышление [Carr N.G., 2011; Zimbardo F., Coulombe N., 2016; Ford M., 2016; Twenge J.M., 2017], создают искушение не изучать историю и контекст социально-политических проблем, фокусируя внимание на технических навыках освоения современных компьютерных программ, позволяющих генерировать красивые, изобилующие цифрами и графиками отчёты, которые далеко не всегда дают представление о действительной подоплёке происходящих процессов [Naisbitt J., 1988];]3], но позволяют генерировать наукообразный контент, оторванный от логики развития социально-политических явлений «на земле». Часто *качественные методы исследования пытаются подменять количественными*. Молодых исследователей данные тенденции приводят к повсеместным попыткам поиска «волшебных формул», в которые можно подставлять переменные, получая быстрый результат, вместо того, чтобы годами изучать социально-политические процессы на базе сравнительного анализа событий прошлого, ис-

³ Ресентимент – чувство враждебности к тому, кого считают причиной своих неудач.

следования многовекового опыта человечества. Подчас такой подход приводит к прямому подлогу, когда на основе произвольно взятых данных, разработанных маркетологами методов, пытаются делать далеко идущие политические выводы и прогнозы. В частности, подобная «цифровизация анализа» приводит к утрате этики и культуры передачи «живого знания», а также преемственности, в силу появления уверенности, что абстрактный «эффективный менеджер» может решить любую проблему, не имея профильного образования, а постоянный доступ к сети Интернет создаёт иллюзию перманентной доступности любых сведений. Соответственно этим процессам деградируют и политические элиты [Киссинджер Г., 2015; Киссинджер Г., 2018].

Вызванное процессами цифровизации упрощение подходов к социогуманитарному образованию и представлений о критериях «образованности», являвшихся важной составляющей советской образовательной традиции, угрожает ценностному суверенитету общества, поскольку становится всё более техническим [Ford M., 2016], подверженным воздействию технологий искусственного замещения и собственно искусственного интеллекта [Marwala T., 2021], ориентированным на задачи повседневной частной жизни, а не поддержание общегосударственного единства и воспитание гражданина как ответственного члена общества и семьи как его ячейки.

Описанные тенденции дают основания говорить о том, что *общество цифровой эпохи атомизируется и утрачивает эмоциональные связи с согражданами как политической общностью и историческим континуумом единой судьбы*. В то же время, параллельно в социогуманитарном знании возрастает интерес к изучению субъективного восприятия и поведения людей, включая новые поведенческие дисциплины [Thaler R.H., 2016; Szpiro G., 2020; Frantz R., Chen S.-H., Dopfer K., Heukelon F., Mousavi S., 2017; Camerer C.F., Loewenstein G., Rabin M., 2004]. Однако при наличии новых фундаментальных исследований поведения и эмоционального фактора можно констатировать отсутствие практической реализации научных выводов о том, как в этих условиях реанимировать старые, либо создать новые механизмы и институты, консолидирующие российский социум после тридцатилетия агрессивного насаждения поведенческих установок общества потребления, ориентированного на эгоцентризм и ценности индивидуального самовыражения и гедонизма [Kahneman D., Diener E., Schwarz N., 1999] вне контекста категорий долга перед обществом, Отечеством и согражданами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важной отличительной чертой монографии Р. Джервиса является попытка автора выдержать баланс между традиционными методами исследования социально-политического поведения и новейшими подходами. Эта особенность даёт

основания полагать, что работа американского политолога может послужить хорошим стимулом для разработки, отвечающей задачам обеспечения национальной безопасности РФ информационной политики, направленной на консолидацию общества и выработку соответствующих поведенческих моделей.

В современных условиях, когда в научный оборот и аналитическую практику прочно входят такие понятия, как «эмоциональный интеллект» и «эмоциональный капитал» (как монетизация эмоционального интеллекта) [Гоулман Д., 2022; Lanthem J.T., 2021; Rivers S.E., Handley-Minor I.J., Mayer J.D., Caruso D.R., 2020: 709–735; Boyatzis R.E., Gaskin J., Wei H., 2015: 243–262; Sparrow T., Knight A., 2006; Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D., 2002], правомерно ставить вопрос о развитии концепций *эмоционального суверенитета* и даже эмоционального измерения национальной безопасности, которые должны дополнить, расширить и углубить понимание и контекст информационного, социокультурного, ценностного и гуманитарного суверенитета и безопасности в указанных сферах. *Эмоциональный суверенитет можно характеризовать как способность общества и государства контролировать информационное пространство и эмоциональную вовлечённость граждан в оценку ключевых событий отечественной истории, культуры и текущих социально-политических событий.* Данная сфера тесно связана с другими измерениями суверенитета – информационным, гуманитарным, ценностным, социокультурным.

Несомненная актуальность классической работы Р. Джервиса заключается в том, что поставленные автором вопросы восприятия в международной политике сегодня становятся более острой темой, чем это было во время написания монографии в период биполярного мира эпохи холодной войны. Книга американского политолога приводит к выводу о том, что тридцатилетие беспрецедентного глобального доминирования коллективного Запада атрофировало у элит США и Европы чувство осознания стратегической глубины и ответственности за принимаемые решения. У политиков, становление которых пришлось на годы всевластия западных транснациональных корпораций и замыкания мировой политики и экономики на американского гегемона, нет опыта критического мышления в отношении собственных действий, отсутствуют навыки стратегического просчёта системы сдержек и противовесов, координации своих действий с другими ключевыми акторами международных отношений, что делает сложившееся положение, характеризующееся деглобализацией и регионализацией мира на фоне противостояния коллективного Запада России чреватым катастрофическими последствиями для всего человечества.

Размышления Р. Джервиса о теории и стратегии устрашения, модели спирали эскалации межгосударственной напряжённости при односторонней озабоченности собственной безопасностью сегодня, как никогда, актуальны. Многочисленные приводимые политологом примеры недопонимания внешнеполитических мотивов контрагентов, представляют собой порочный круг невыученных современным за-

падным истеблишментом исторических уроков ужасающих последствий неспособности дипломатического урегулирования возникающих противоречий.

В современных условиях необходимо внимательно пересмотреть и проанализировать концепции «санитарного кордона» вокруг России, сдерживания, отбрасывания и стратегического запугивания, применявшиеся против нашей страны в период холодной войны, до сих пор составляющие основы теоретических подходов к формированию внешней политики государств коллективного Запада в отношении Российской Федерации. Врага нужно знать в лицо. Прискорбно в данной связи отмечать тот факт, что на русский язык до сих пор не переведён громадный массив западной, прежде всего американской, политологической классики. Например, не изданы работы главы американской школы внешнеполитического прагматизма и реализма Ганса Моргентау [Morgenthau H.J., 1978; Morgenthau H.J., 1969; Morgenthau H.J., 1947; Williams M.C., 2007]⁴, многочисленные работы классика доктрины сдерживания Джорджа Кеннана⁵, оценки которого особенно интересны в связи с тем, что апостол холодной войны считал расширение НАТО после дезинтеграции СССР «самой роковой ошибкой американской политики за всю эпоху после окончания холодной войны» [2]; [4].

Текущее состояние гуманитарного и социокультурного суверенитета России свидетельствует о неадекватности обеспечения национальных интересов и национальной безопасности в образовательной и научной сферах. Так, например, в основе рабочих программ социогуманитарных дисциплин, основы которых закладывались в 1990-е годы, заметны явные следы однобокой западноцентричной ориентации, не позволяющей решать актуальные для Российской Федерации вопросы социально-политического развития. Знакомство с работой Р. Джервиса свидетельствует о том, что суверенизация российского образования должна идти по пути изучения зарубежных концепций в контексте оценки их позитивного либо негативного влияния на Россию, преодоления сложившейся в 1990-е годы под влиянием фонда Сороса, Института Кеннана и других западных структур «мягкого» и «умного» воздействия на российскую гуманитарную сферу «западноцентричной аполитичности», в результате которой в рабочих программах дисциплин российских университетов преобладает не критичное, пассивно-описательное рассмотрение работ американских и европейских исследователей вне анализа прак-

⁴ В контексте переосмысления стремительно меняющейся геополитической обстановки может быть интересна деятельность не только Ганса Моргентау, но и министра финансов США Генри Моргентау, разработавшего план расчленения Германии с целью предотвращения третьей мировой войны («План Моргентау») [Dietrich J., 2013].

⁵ На сегодняшний день на русский язык переведены всего несколько работ теоретика сдерживания, часть из которых никогда не издавалась в России [Кеннан Дж., 2021; Кеннан Дж., 2006; Цыганков И.И. (ред.), 1980; Кеннан Дж., 1956; Кеннан Дж., 1951; см. также: Доброхотов Л.Н., 2014; Nixon W.L., 1989; Stephanson A., 1989; Mayers D., 1988; Kennan G.F., 1982; Kennan G.F., 1961].

гических последствий применения их доктрин в социально-политическом проектировании и государственном строительстве незападных стран.

В условиях обострения противостояния коллективного Запада России важно изучение классических работ теоретиков сдерживания и подрыва всех сфер национальной безопасности и суверенитета с параллельной выработкой рекомендаций по предотвращению возможных вызовов и угроз. Издание Центром анализа стратегий и технологий одной из наиболее известных работ американской политической науки, посвящённой проблемам психологии международных отношений и принятия политических решений, – важный шаг на пути расширения понимания российским экспертным сообществом стиля мышления представителей враждебного России альянса англосаксонских государств и коллективного Запада в целом.

ИСТОЧНИКИ

1. Доклад МИД России «О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». М.: МИД РФ, 2022. 794 с.

2. Умеренков Е. Автор концепции «сдерживания» России был против расширения НАТО. Джордж Кеннан назвал такое решение «роковой ошибкой» // *Комсомольская правда*. 16.01.2022. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27351.5/4532372/> (accessed 15.11.2022).

3. Фридман Дж. 2014. Стратегическое прогнозирование: объективное измерение разведывательной деятельности. Международный дискуссионный клуб «Валдай». *Валдайские записки*. № 6. 14 с. Available at: <http://ru.valdaiclub.com> (accessed 15.11.2022).

4. Kennan G.F. Opinion: A Fateful Error // *New York Times*. Section A, Page 23. 5.02.1997. Available at: <https://www.nytimes.com/1997/02/05/opinion/a-fateful-error.html> (accessed 15.11.2022).

5. Ленин В.И. 1962. Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55 т. М.: Издательство политической литературы, Т. 34. xxx + 586 с.

6. Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Сочинения. 2-е изд. В 49 т. М.: Издательство политической литературы, Т. 1. xvi + 700 с.

7. Станиславский К.С. 2018. Работа актёра над собой в творческом процессе воплощения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 416 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойцов М.А., Успенский Ф.Б. (ред.). 2010. Власть и образ: очерки потестарной имагологии. СПб.: Алетейя, 384 с.

Гоулман Д. 2022. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 544 с.

Джервис Р. 2020. Почему разведки терпят неудачу: уроки революции в Иране и войны в Ираке. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 250 с.

Джервис Р. 2022. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 656 с.

Доброхотов Л.Н. 2014. Джордж Кеннан: печальный пророк трагической эпохи. М.: ИСПИ РАН, 320 с.

Звягельская И.Д. (ред.). 2020. Ближний Восток: политика и идентичность. М.: Аспект-Пресс, 336 с.

Канеман Д. 2014. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 656 с.

Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. 2021. Шум. Несовершенство человеческих суждений. М.: АСТ, 544 с.

Кеннан Дж.Ф. 1951. Америка и русское будущее. Нью-Йорк: Новый журнал, 28 с.

Кеннан Дж.Ф. 1956. Проблемы внешней политики США. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 154 с.

Кеннан Дж.Ф. 2006. Маркиз де Кюстин и его "Россия в 1839 году". М.: РОССПЭН, 238 с.

Киссинджер Г. 2015. Мировой порядок. М.: АСТ, 512 с.

Киссинджер Г. 2018. Как завершается эпоха Просвещения // *Россия в глобальной политике*. № 4. С. 46–53.

Цыганков И.И. (ред.). 1980. Встречи с Кеннаном: большие дебаты. М.: Прогресс, 214 с.

Юм Д. 1996. Сочинения в 2 т. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль.

REFERENCES

Ameriks J., Wranik T., Salovey P. 2009. Emotional Intelligence and Investor Behavior. The Research Foundation of CFA Institute, VIII + 76 p.

Bennett M.R., Hacker P.M.S. 2013. History of Cognitive Neuroscience. Chichester: Wiley-Blackwell, XL + 288 p.

Blizhnii Vostok: politika i identichnost' [The Middle East: Politics and Identity] (In Russ.), 2020. Moscow, Aspekt Press, 336 p.

Boyatzis R.E., Gaskin J., Wei H. 2015. 17. Emotional and Social Intelligences and Behavior // *Handbook of Intelligence: Evolutionary Theory, Historical Perspective, and Current Concepts* / Ed. by S. Goldstein, D. Princiotta, J.A. Naglieri. New York: Springer, XIX + 498 p. P. 243–262.

Bradley M.M., Lang P.J. 2007. Emotion and Motivation // *Handbook of Psychophysiology*. 3rd Edition / Ed. by J.T. Cacioppo, L.G. Tassinary, G.G. Berntson. New York: Cambridge University Press, X + 902 p. P. 581–607.

Brockman J. (ed.). 2013. Thinking: The New Science of Decision-Making, Problem-Solving, and Prediction. New York: Harper Perennial, 432 p.

Camerer C.F., Loewenstein G., Rabin M. (eds.). 2004. Advances in Behavioral Economics. New York: Princeton University Press, XXVI + 740 p.

Carr N.G. 2011. The Shallows: What the Internet is doing to our brains. New York: W.W. Norton, VIII + 280 p.

Changeux J.-P., Damasio A.R., Singer W., Christen Y. (eds.). 2005. Neurobiology of Human Values. Heidelberg: Springer, XV + 159 p.

Conway H., Stannard J. (eds.). 2016. *The Emotional Dynamics of Law and Legal Discourse*. Oxford: Hart Publishing, XII + 304 p.

Damasio A. 2010. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon Book, XI + 367 p.

Damasio A.R. 1994. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. New York: Avon Books, XIX + 313 p.

Damasio A.R. 1999. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. New York: Harcourt Brace, XII + 386 p.

Damasio A.R., Damasio H., Christen Y. (eds.). 1996. *Neurobiology of Decision-Making*. Berlin: Springer, XI + 209 p.

Damasio H. 2005. *Human Brain Anatomy in Computerized Images*. 2nd Edition. New York: Oxford University Press, XVIII + 540 p.

Dietrich J. 2013. *The Morgenthau Plan: Soviet Influence on American Postwar Policy*. 2nd Edition. New York: Algora Publishing, X + 156.

Dobrokhoto L.N. 2014. *Dzhordzh Kennan: pechal'nyi prorok tragicheskoi epokhi [George Kennan: A Sad Prophet of a Tragic Age]* (In Russ.). Moscow, Institute of Socio-Political Research, 320 p.

Elias N. 2000. *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*, 2nd Edition. Hoboken: Blackwell Publishing, 592 p.

Erickson M.H. 1991. *My Voice will go with you: The teaching tales of Milton H. Erickson*. New York: Norton, 256 p.

Evans N.G. 2022. *The Ethics of Neuroscience and National Security*. New York: Routledge, X + 216 p.

Feldman Barrett L., Salovey P. (eds.). 2002. *The Wisdom of Feeling: Psychological Processes in Emotional Intelligence*. New York: The Guilford Press, XX + 444 p.

Firt-Godbeher R. 2021. *A Human History of Emotion: How the Way We Feel Built the World We Know*. Boston: Little, Brown Spark, 336 p.

Ford M. 2016. *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. New York: Basic Books, 368 p.

Frantz R., Chen S.-H., Dopfer K., Heukelon F., Mousavi S. (eds.). 2017. *Routledge Handbook of Behavioral Economics*. New York: Routledge, XII + 422 p.

Friedman G. 2015. *Flashpoints: The Emerging Crisis in Europe*. New York: Doubleday, XXII + 258 p.

Gazzaniga M.S. (ed.). 2009. *The Cognitive Neurosciences*. 4th Edition. Cambridge: MIT Press, XVIII + 1358 p.

Gilovich T., Griffin D., Kahneman D. (eds.). 2003. *Heuristics and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. Cambridge: Cambridge University Press, XVI + 766 p.

Glimcher P.W. 2003. *Decisions, Uncertainty, and the Brain: The Science of Neuroeconomics*. Cambridge: MIT Press, XX + 375 p.

Glimcher P.W., Camerer C.F., Fehr E., Poldrack R.A. (eds.). 2009. *Neuroeconomics: Decision Making and the Brain*. London: Academic Press, XVIII + 526 p.

Goleman, D. 2022. Emotsional'nyi intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ [Emotional Intelligence. Why It Can Matter More Than IQ] (In Russ., translated from English). Mann, Ivanov I Ferber, 544 p.

Hixson W.L. 1989. George F. Kennan: Cold War Iconoclast. New York: Columbia University Press, XIII + 381 p.

Hoffer E. 2010. The True Believer: Thoughts on the Nature of Mass Movements. Harper Collins. New York: Harper Perennial Modern Classics, 192 p.

Holmes M. 2018. Face-to-Face Diplomacy: Social Neuroscience and International Relations. New York: Cambridge University Press, XII + 303 p.

Hume D. MDCCCXCVI (1896). A Treatise of Human Nature. Oxford: Clarendon Press, XXIV + 710 p.

Hume, D. 1996. Works in 2 Volumes (In Russ., translated from English). Moscow, Mysl.

Jervis R. 2010. Why Intelligence Fails: Lessons from the Iranian Revolution and the Iraq War. Ithaca: Cornell University Press, 248 p.

Jervis R. 2017. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, XCII + 445 p.

Jervis, R. Pochemu razvedki terpiat neudachu: uroki revoliutsii v Irane i voyny v Irake [Why Intelligence Fails: Lessons from the Iranian Revolution and the Iraq War] (In Russ., translated from English). Moscow, Centre for Analysis of Strategies and Technologies, 250 p.

Jervis, R. Vospriatie i nevernoe vospriatie v mezhdunarodnoi politike [Perception and Misperception in International Politics] (In Russ., translated from English). Moscow, Centre for Analysis of Strategies and Technologies, 656 p.

Kahneman D., Diener E., Schwarz N. (eds.). 1999. Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology. New York: Russell Sage Foundation, XII + 593 p.

Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (eds.). 2008. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. New York: Cambridge University Press, XIV + 555 p.

Kahneman D., Tversky A. (eds.). 2009. Choices, Values, and Frames. 10th Edition. New York: Cambridge University Press, 860 p.

Kahneman, D. 2014. Dumai medlenno... Reshai bistro [Thinking, Fast and Slow] (In Russ., translated from English). Moscow, AST Publishers, 656 p.

Kahneman, D., Sibony, O., Sunstein, C. 2021. Shum. Nesovershenstvo chelovecheskikh suzhenii [Noise: A Flaw in Human Judgment] (In Russ., translated from English). Moscow, AST Publishers, 544 p.

Kaldor M. 2012. New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era. 3rd Edition. Cambridge: Polity, 256 p.

Kaluzniacky E. 2004. Managing Psychological Factors in Information Systems Work: An Orientation to Emotional Intelligence. London: Information Science Publishing, XII + 276 p.

Kennan G.F. 1961. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston: Little, Brown and Company, X + 412 p.

Kennan G.F. 1967. Memoirs 1925–1950. Boston: Little, Brown and Company, 583 p.

Kennan G.F. 1971. The Marquis de Custine and His Russia in 1839. Princeton: Princeton University Press, 145 p.

Kennan G.F. 1982. *The Nuclear Delusion: Soviet– American Relations in the Atomic Age*. New York: Pantheon Books, XXX + 208 p.

Kennan, G. 1951. *Amerika i russkoe budushchee* [America and the Russian Future] (In Russ., translated from English). New York, *The New Review*, 28 p.

Kennan, G. 1956. *Problemy vneshnei politiki SShA*. [Problems of the U.S. Foreign Policy] (In Russ., translated from English). New York, Chekhov Publishing House, 154 p.

Kennan, G. 2006. *Markiz de Kiustin i ego "Rossiia v 1839 godu"* [The Marquis de Custine and His 'Russia in 1839'] (In Russ., translated from English). Moscow, ROSSPEN, 238 p.

Kissinger, H. 2015. *World Order* (In Russ., translated from English). Moscow, AST Publishers, 512 p.

Kissinger, H. *Kak zavershaetsia epokha Prosveshcheniia* [How the Enlightenment Ends] (In Russ., translated from English). *Russia in Global Affairs*, No. 4. P. 46–53.

Kugler J., Zak P.J. 2017. 4. *Trust, Cooperation, and Conflict: Neuropolitics and International Relations // Advancing Interdisciplinary Approaches to International Relations* / Ed. by S.A. Yetiv, P. James. Cham: Palgrave Macmillan, IX + 344 p.

Lantern J.T. (ed.). 2021. *Understanding Emotional Intelligence*. New York: Nova Science Publishers, XII + 199 p.

Legrenzi P., Umiltá C. 2011. *Neuromania: On the Limits of Brain Science*. New York: Oxford University Press, XII + 120 p.

Liao S.M. (ed.). 2016. *Moral Brains: The Neuroscience of Morality*. New York: Oxford University Press, XIV + 365 p.

Littlefield M.M., Johnson J.M. (eds.). 2012. *The Neuroscientific Turn: Transdisciplinarity in the Age of the Brain*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, XIV + 254 p.

Maltby J., Day L., Macaskill A. 2017. *Personality, Individual Differences and Intelligence*. 4th Edition. Harlow: Pearson, XXVI + 690 p.

Marwala T. 2021. *Rational Machines and Artificial Intelligence*. London: Academic Press, XII + 258 p.

Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. 2002. *Emotional Intelligence: Science and Myth*. Cambridge: MIT Press, XXII + 697 p.

Mayers D. 1988. *George Kennan and the Dilemmas of US Foreign Policy*. New York: Oxford University Press, XIV + 402 p.

Metzinger T (ed.). 2000. *Neural Correlates of Consciousness: Empirical and Conceptual Questions*. Cambridge: MIT Press, 360 p.

Milgram S. 1974. *Obedience to Authority: An Experimental View*. New York: Harper & Row, 220 p.

Morgenthau H.J. 1969. *A New Foreign Policy for the United States*. New York: Frederick A. Praeger, XII + 252 p.

Morgenthau H.J. 1947. *Scientific Man vs. Power Politics*. London: Latimer House Limited, 207 p.

Morgenthau H.J. 1969. *The decline of democratic politics*. Chicago: University of Chicago Press, XII + 430 p.

Morgenthau H.J. 1978. *Politics among nations: The struggle for power and peace*. 5th edition. New York: Knopf, XXVIII + 650 p.

Naisbitt J. 1988. *Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York: Grand Central Publishing, 1000 p.

Ofri D. 2013. *What Doctors Feel: How Emotions Affect the Practice of Medicine*. Boston: Beacon Press, 224 p.

Ogaki M., Tanaka S.C. 2017. *Behavioral Economics: Toward a New Economics by Integration with Traditional Economics*. Singapore: Springer Nature, XVII + 211 p.

Pfaff D.W. 2015. *The Altruistic Brain: How We are Naturally Good*. New York: Oxford University Press, X + 295 p.

Plamper J. 2015. *The History of Emotions: An Introduction*. New York: Oxford University Press, XVI + 352 p.

Pursiainen C., Forsberg T. 2021. *The Psychology of Foreign Policy*. Cham: Palgrave Macmillan, XIX + 391 p.

Purves D., Augustine G.J., Fitzpatrick D., Hall W.C., LaMantia A.-S., McNamara J.O., Williams S.M. (eds.). 2004. *Neuroscience*. 3rd Edition. Sunderland: Sinauer Associates, XX + 812 p.

Rivers S.E., Handley-Minor I.J., Mayer J.D., Caruso D.R. 2020. 29. *Emotional Intelligence // The Cambridge Handbook of Intelligence / Ed. by R.J. Stenberg*. 2nd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, XXII + 1250 p. P. 709–735.

Rolls E.T. 2014. *Emotion and Decision-Making Explained*. New York: Oxford University Press, XVIII + 710 p.

Rosen S.P. 2005. *War and Human Nature*. Princeton: Princeton University Press, 224 p.

Sampson T.D. 2017. *The Assemblage Brain: Sense Making in Neuroculture*. Minneapolis: University of Minnesota Press, XXIV + 247 p.

Satel S., Lilienfeld S.O. 2013. *Brainwashed: The Seductive Appeal of Mindless Neuroscience*. New York: Basic Books, XXIV + 226 p.

Scheler M. 2010. *Ressentiment*. Translation into English by L.A. Coser, 172 p.

Schreiber D. 2011. 10. *From SCAN to Neuropolitics // Man is by Nature a Political Animal: Evolution, Biology, and Politics / Ed. by P.K. Hatemi, R. McDermott*. Chicago: University of Chicago Press, XVI + 317 p. P. 273–299.

Shafir E. (ed.). 2004. *Preference, Belief, and Similarity*. Selected Writings by Amos Tversky. Cambridge: MIT Press, XVI + 1023 p.

Sharp G. 1973. *The Politics of Nonviolent Action*. Boston: Porter Sargent Publishers, 893 p.

Sharp G. 2013. *The 198 Methods of Nonviolent Action*. Boston: The Albert Einstein Institution, 2 p.

Sparrow T., Knight A. 2006. *Applied EI: The Importance of Attitudes in Developing Emotional Intelligence*. Chichester: Jossey-Bass, XVI + 312 p.

Staub M.E. 2018. *The Mismeasure of Minds: Debating Race and Intelligence between Brown and the Bell Curve*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, X + 220 p.

Stephanson A. 1989. *Kennan and the art of foreign policy*. Cambridge: Harvard University Press, X + 380 p.

Szpiro G. 2020. *Risk, Choice, and Uncertainty: Three Centuries of Economic Decision-Making*. New York: Columbia University Press, XIV + 250 p.

Thaler R.H. 2016. *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. New York: W.W. Norton & Company, 432 p.

Thomas A.R., Pop N.A., Iorga A.M., Ducu C. (eds.). 2017. *Ethics and Neuromarketing: Implications for Market Research and Business Practice*. Cham: Springer International Publishing, XV + 209 p.

Traven D. 2021. *Law and Sentiment in International Politics: Ethics, Emotions, and the Evolution of the Laws of War*. New York: Cambridge University Press, X + 306 p.

Twenge J.M. 2017. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy – and Completely Unprepared for Adulthood – and What That Means for the Rest of Us*. New York: Atria Books, 352 p.

Viskontas I. 2017. *Brain Myths Exploded: Lessons from Neuroscience*. Course Guidebook. Chantilly: The Teaching Company, VI + 224 p.

Vlast' i obraz: ocherki potestarnoi imagologii [Power and Image: Essays on Potestary Imagology] (In Russ.). Ed. by Boitsov M.A., Uspenskii F.B. 2010. Saint Petersburg, Aletheia, 384 p.

Vstrechi s Kennanom: bol'shie debaty [Encounters with Kennan. The Great Debate] (In Russ., Translated from English). Ed. by I.I. Tsygankov. Moscow, Progress, 1980, 214 p.

Williams M.C. (ed.). 2007. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. New York: Oxford University Press, X + 278 p.

Zimbardo F., Coulombe N. 2016. *Man, Interrupted: Why Young Men are Struggling and What We Can Do About it*. Newburyport: Conari Press, 324 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович, кандидат философских наук, докторант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.

Статья поступила в редакцию / Received 2.12.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 15.12.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 17.12.2022.

Vakhtang Sh. SURGULADZE, Candidate of science (Philosophy), doctoral candidate at the Department of political science of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

49, Leningradskiy prospect, Moscow, 125993, Russian Federation.

УДК: 791.43/.45

DOI: 10.31857/S2686673023020074

EDN: PARSHO

Самые популярные в мире фильмы: есть ли альтернатива Голливуду?

Е.Д. Белова

Школа философии и культурологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.

Researcher ID: R-2529-2016

РИНЦ ID: 778138

ORCID 0000-0002-3392-6067

belovaekaterinad@gmail.com

Резюме: Статья посвящена анализу крупнейших американских кинокомпаний на местном и международном рынках, географии самых популярных в мире фильмов и характеру их содержания. Сочетание статистического метода с контент-анализом через призму теоретической рамки культурных и креативных индустрий определяет новизну и актуальность работы.

Голливуд продолжает играть главную роль в сфере создания самых популярных фильмов в мире. Анализ содержания кинокартин выявил «голливудский стандарт» в их создании. Рубеж 2020-х годов оказывается переломным – впервые в истории, в противовес сложившейся системе популярности в киноиндустрии, в число лидеров попадает Китай. Несмотря на то что большая часть китайских фильмов обретает заметную в мировом масштабе популярность лишь за счёт местных кассовых сборов, а их сюжеты часто созданы в рамках «голливудского стандарта», значение этой страны в киноиндустрии имеет перспективы роста.

Ключевые слова: киноиндустрия, кассовые сборы, киноиндустрия США, Голливуд, киноиндустрия Китая, культурные и креативные отрасли

Для цитирования: Белова Е.Д. Самые популярные в мире фильмы: есть ли альтернатива Голливуду? *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(2):101-121. DOI: 10.31857/S2686673023020074 EDN: PARSHO

Global Top Films: Is There an Alternative to Hollywood?

Ekaterina D. Belova

HSE University,

21/4 str.1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

ResearcherID R-2529-2016

РИНЦ ID: 778138

ORCID 0000-0002-3392-6067

belovaekaterinad@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the analysis of the role of largest American film companies («majors») in the local and international box office markets. To the study of the geography of most popular films in the world and its content character. The combination of the statistical method with content analysis through the prism of the theoretical framework of cultural and creative industries determines the novelty and relevance of the work.

Hollywood continues to play a major role in the creation of the most popular films in the world. Analysis of the content of films revealed the "Hollywood standard" in their creation. The turning point was in 2020s. when for the first time in history China appears among the leaders of the top global films. Despite the fact that most Chinese films gain world-wide popularity only due to local box office, and their plots are often created within the framework of the "Hollywood standard," the size of this country in the film industry has growth prospects.

Keywords: cinema industry, cinema market, film industry, film market, box office, cinema industry of USA, Hollywood, cinema industry of China, cultural and creative industries

For citation: Belova E.D. Global top films: Is there an alternative to Hollywood? *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(2): 101-121.

DOI: 10.31857/S2686673023020074 EDN: PARSHO

ВВЕДЕНИЕ

Самые популярные в мире фильмы собирают миллиардные аудитории и доходы. Кто производит эти фильмы? О чём они? Насколько тотален их охват кинопроката? Статья посвящена компаниям-гигантам на рынке киноиндустрии, а также самым кассовым в мире фильмам (чаще всего их выпускают именно крупнейшие американские кинокомпании, но тенденции меняются). Лидирующую позицию в этом процессе занимают США. Существуют разные исследования о роли американских фильмов, в частности, в российской науке последних лет: например, статья младшего научного сотрудника ИМЭМО У.З. Артамоновой, которая анализирует это через рассмотрение киноиндустрии США как части публичной дипломатии [Артамонова У.З., 2020], работа кандидата исторических наук, научного сотрудника ИСКРАН В.М. Халилова, рассматривающего влияние американских кинокартин на примере одного из популярных идеологически заряженных фильмов [Халилов В.М., 2020]. Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Академии медиаиндустрии М.И. Жабский изучает популярность фильмов с социологической точки зрения: например, в одной из статей он рассматривает, как «развлекательное насилие» в кино влияет на молодёжь [Жабский М.И., Тарасов К.А., 2018], в другой публикации – «анализирует исторический процесс формирования Голливуда как индустриальной системы, его восхождение к вершине конкурентоспособности» [Жабский М.И., 2022]. Среди иностранных научных работ по теме выделю две ключевые для последнего десятилетия. Во-первых, монографию профессора Королевского колледжа Лондона П. Макдоналда [Macdonald P., 2013], посвящённую анализу голливудской «системы звёзд» – одной из характерных особенностей функционирования киноиндустрии как культурной и креативной отрасли экономики. Во-вторых, монографию профессора Манчестерского университета Я. Скотта [Scott Y., 2011], в которой автор показывает, как политические идеи отражались в выпускавшихся в Голливуде фильмах и формировали контекст повествования.

На рубеже 2020-х годов кроме США заметным производителем самых кассовых фильмов в мире из-за колоссальных темпов роста местной киноиндустрии становится Китай [Белова Е.Д., 2018б: 62]. Этот феномен изучен в статье отдельно, данная тема почти не исследована в научной литературе, исключение составляют отдельные работы в «Журнале киноисследований Китая» [Yin H., Sun Y., 2021], причём первый выпуск журнала датирован 2021 годом. Изучение роли Китая в производстве самых кассовых фильмов автор проводит через краткий анализ их содержания. Кроме того, рассмотрены примеры партнёрства двух стран – Китая и США – в сфере совместного создания фильмов, инициатором которого, как и в других областях [Ермаков Д.Н., Козенков О.Ю., 2022], остаются США.

Автор задаётся целью изучить компании-лидеры в мире кино, географию самых популярных в мире фильмов, а также характер их содержания. Такой ракурс рассмотрения на стыке социально-экономического, географического и культурологического подходов определяет новизну и актуальность работы.

В первой части работы автор применяет статистический метод. Основные материалы для исследования – отчёты крупнейших организаций, собирающих данные по отрасли, Институт Статистики ЮНЕСКО [9], ежегодные сборники Европейской аудиовизуальной обсерватории за все годы в открытом доступе – 2003-2021 [6]), работы коллег по темам, близким к обозначенной. Во второй части автор изучает фильмы через призму контент-анализа и теоретическую рамку культурных и креативных отраслей [Хезмондалш Д., 2018]. Для анализа содержания лент и отзывов критиков и зрителей были использованы данные с новостных сайтов (Афиша, Коммерсант), сайтов «Интернет-база фильмов» (*Internet Movie Database, IMDb*) и «Кинопоиск» (*Kinopoisk*), а также авторский просмотр фильмов.

Время исследования представлено концом XX – началом XXI века. В статье намеренно не затрагивается влияние пандемии на мировую киноиндустрию. Во-первых, полных открытых данных по 2021–2022 гг. ещё нет, во-вторых, эта тема заслуживает отдельного рассмотрения, в-третьих, следуя фразеологизму «большое видится на расстоянии», для того, чтобы оценить, изменила ли пандемия отрасль кардинально или внесла некоторые коррективы в существовавшую действительность, требуется как минимум пятилетний период рассмотрения. Тем не менее, статья актуальна не только в историческом контексте, так как, судя по отдельным отчётам, деятельность крупнейших кинокомпаний, снизивших обороты в 2020 г., в 2021 г., уже возвращается к прежним показателям, соотношения на рынке и примерный набор самых популярных фильмов остаётся похожим.

ЧТО ТАКОЕ ГОЛЛИВУД?

В статье нет задачи проследить его историю, но важно кратко обозначить его «место на карте» (в пространстве и во времени) киноиндустрии США, чтобы лучше понять нынешние процессы.

В 1900-1910-е годы именно съёмки на натуре (при солнечном свете) определяли качество фильма. Развитие отрасли в США происходило в основном на восточном побережье, которое с точки зрения погодных условий не способствовало созданию кинокартин. Когда к этому добавились финансовые ограничения кинопоказов, то многие компании стали перебираться во Флориду и Калифорнию, где условия были более выгодными [Андреев А., 2015]. Популярность второго штата для кинокомпаний определили солнечная погода, разнообразие пейзажей для съёмок, дешёвая рабочая сила и популярный жанр того времени – вестерны, в основе сюжета которого лежат истории, связанные с американским фронтиром, выступающим в культуре США одним из ключевых пространственных образов [Замятина Н.Ю., 1998] и напрямую связанным именно с Калифорнией и историей её освоения.

Выбор кинематографисты остановили на маленьком посёлке Голливуд (*Hollywood*) в окрестностях Лос-Анджелеса. Всемирно известная надпись, маркирующая локацию, была открыта в 1923 г. местными риэлторами для рекламы нового жилья в квартале поблизости и не имела отношения к кинопроизводителям. Изначально знак имел вид «Hollywoodland» и после продажи жилья его планировали убрать [10]. Но рост местных кинокомпаний (предвестник периода «Золотого Голливуда») побудил оставить его (в 1949 г. часть *land* была удалена). С тех пор благоприятные условия для развития отрасли в выбранной локации позволили кинокомпаниям, часть которых стала крупнейшими в США, остаться здесь и связать с ней свою деятельность, а лаконичное наименование стало со временем именем нарицательным для всей американской киноиндустрии (далее будет показано, в какой степени это утверждение можно считать верным).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРУПНЕЙШИХ КИНОКОМПАНИЙ США

На мировой арене США в области киноиндустрии известны, прежде всего, за счёт фильмов, выпускаемых и распространяемых крупнейшими кинокомпаниями отрасли. Они занимаются и производством, и распространением (или дистрибуцией, то есть маркетингом и прокатом) фильмов.

Шесть основных кинематографических студий США – самые кассовые кинокомпании в мире. Они контролируют рынки за пределами страны и собирают там 2/3 всей кассы. С 1995 по 2022 г. шестёрку составляют: «Уолт Дисней пикчерс» (*Walt Disney Pictures*), «Уорнер броз. энтертеймент, инк.» (*Warner Bros. Entertainment, Inc.*), «20-й век Фокс» (*20th Century Fox*), «Юниверсал студиос» (*Uni-*

versal Studios), «Сони пикчерс энтертеймент, инк» (*Sony Pictures Entertainment, Inc.*), «Парамáунт пíkчерс корпорэйшн» (*Paramount Pictures Corporation*). Это студии крупнейших мировых компаний – американских медиаконгломератов (только американская компания «Сони пикчерс энтертеймент, инк» – дочерняя компания японской ТНК «Sony»). Например, «Юниверсал студиос» принадлежит «Комкаст корпорейшн» (*Comcast Corporation*) – одному из двух мировых лидеров в области медиа [Белова, 2021]. «Комкаст корпорейшн» охватывает сферы телефонии, домашнего интернета, кабельного телевидения (владеет одним из американских телеканалов «большой тройки») Национальная широкоэвещательная компания Эн-би-си (*National Broadcasting Company, NBC*), имеет подразделение «*Universal Parks & Resorts*» – третий по величине доходов оператор парков развлечений в мире. Такой краткий перечень деятельности медиаконгломерата (типичный для данной сферы), в который входит кинокомпания, призван показать, насколько масштабна сфера влияния этих ТНК.

Таблица 1

Деятельность крупнейших кинематографических студий США с 1995 по 2022 гг.

Компания	Количество снятых фильмов	Кассовые сборы, млрд долл.	Доля кассовых сборов на кинорынке США
«Уолт Дисней пикчерс» (<i>Walt Disney Pictures</i>)	596	42	17
«Уорнер броз. энтертеймент, инк.» (<i>Warner Bros. Entertainment, Inc.</i>)	838	37	15
«20-й век Фокс» (<i>20th Century Fox</i>)	526	26	11
«Юниверсал студиос» (<i>Universal Studios</i>)	554	30	12
«Сони пикчерс энтертеймент, инк» (<i>Sony Pictures Entertainment, Inc.</i>)	769	31	13
«Парамáунт пíkчерс корпорэйшн» (<i>Paramount Pictures Corporation</i>)	509	26	11
Все шесть студий	3792	192	79

Составлено автором по [8, 1995-2022].

С 1995 по 2022 г. эти компании в среднем собирали 79% всей кассы на кинорынке США (табл. 1), выпуская при этом 24% фильмов из 15 702, выпущенных всеми американскими кинокомпаниями за данный период). На примере отдельного года их деятельности проанализируем, какой доле произведённых фильмов соответствуют указанные в табл. 2 цифры (типичным – наиболее близким к средним значениям – за рассмотренный период был выбран 2018 год).

Таблица 2

Деятельность крупнейших кинематографических студий США, 2018 г.

Компания	Количество снятых фильмов	Кассовые сборы, млрд долл.	Доля кассовых сборов на кинорынке США
«Уолт Дисней пикчерс»	13	3,1	26
«Уорнер броз. энтертеймент, инк.»	46	1,9	16
«Юниверсал студиос»	23	1,8	15
«Сони пикчерс энтертеймент, инк»	29	1,3	11
«20-й век Фокс»	18	1,1	9
«Парамаунт пикчерс корпорэйшен»	13	0,8	6
Все шесть студий	142	10	83

Составлено автором [8, 2018].

Названные киностудии в среднем за год обеспечивают 83% кассовых сборов в США, в случае 2018 года – 10 млрд долл. (из 11,9 млрд), хотя доля снятых ими фильмов, составила лишь 10,4% общего числа выпущенных в США в 2018 г. (из 1373 фильмов).

Впечатляет сравнение кассовых сборов этих компаний США и крупнейших стран мира: так, киностудия «Уолт Дисней пикчерс» собрала в 2018 г. 3,1 млрд долл. – в полтора раза больше, чем вся Япония; «Юниверсал студиос» – 1,8 млрд долл., больше, чем Великобритания, «20-й век Фокс» – 1,1 млрд долл., что почти равно сборам в Германии; «Парамаунт пикчерс корпорэйшен» – 0,8 млрд долл. – как Мексика [6 (2019)].

Для обеспечения своего присутствия на мировом рынке кинопроката, кроме деятельности в США, они занимаются дистрибуцией фильмов за рубежом. Данные по их доле на рынках других стран неполные, так как отражают только

ситуацию с тремя крупнейшими компаниями, но они всё равно иллюстрируют степень проникновения американских компаний на рынки других стран.

По данным ЮНЕСКО [9, 2022] оказывается, что все три крупнейшие компании-дистрибьюторы в Аргентине, Нидерландах, Новой Зеландии, Бразилии, Канаде, Испании, Италии, Мексике, Великобритании и других странах – это американские главные кинокомпании, доля которых на местном рынке проката составляет от 52 до 78%.

Закономерность в географии распространения влияния американских компаний прослеживается на протяжении многих лет наблюдений, сохраняется она и в 2017 году: главные приходят в основном в страны с развитой киноиндустрией. Мы встречаем их в Латинской Америке – в Аргентине, Бразилии, Мексике и в Европе – в Нидерландах, Испании, Франции и Великобритании, везде эти компании играют ключевую роль на рынках кинопроката. Указанные страны – лидеры, входящие в мировые двадцатки по главным показателям отрасли: производству фильмов, доходам от кинопроката и посещениям на душу населения [Белова Е.Д., 2018б], латиноамериканские страны отличаются ещё и высокими темпами развития киноиндустрии и в противовес американскому влиянию организуют внутреннюю кооперацию [Белова Е.Д., 2022].

Один из видов кооперации с местными компаниями – создание совместных предприятий. В Аргентине таких два: «Уолт Дисней компани Латинская Америка» (*The Walt Disney Company Latin America*) – одно из международных подразделений «Уолт Дисней», имеющее штаб-квартиру в городе Пилар в окрестностях Буэнос-Айреса, и «Уорнер броз. (Юг), инк.» (*Warner Bros. (South), Inc.*), созданная в 2001 г. для представления интересов кинокомпании в Латинской Америке (изначально в Бразилии). Заметна на рынках многих стран компания «Юниверсал интернешнл пикчерс» – совместное предприятие «Парамаунт пикчерс корпорейшн» и «Юниверсал студиос», которое занимается распространением фильмов, произведённых данными компаниями, за пределами США и Канады, со штаб-квартирой в Лондоне. Эта компания – крупнейший дистрибьютор в Дании и Норвегии (24%), занимает второе место на кинорынке Франции и Турции (27%).

ГЕОГРАФИЯ САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ФИЛЬМОВ В МИРЕ

Популярность продукции киноиндустрии – важный показатель отрасли креативной экономики, что отличает её от многих традиционных отраслей. Именно популярность продукции определяет как прямой, так и косвенный доход отрасли: крупнейшие кинокомпании начинают маркетинговую работу на рынках стран по формированию интереса к новой кинокартине как минимум за год до её выхода. Мировой успех отдельных фильмов не только приносит прибыль

компании за счёт проката, продажи дисков и тематических товаров, но и транслирует образы в эстетическом, социальном, историческом и географическом измерении. То, какие фильмы пользуются наибольшей популярностью в разных странах мира, может определять господствующие ценности в обществе [Белова Е.Д., 2021].

Рассмотрим самые популярные фильмы в мире в трёх измерениях: в среднем за период всего времени наблюдений с 2002 по 2019 г., за 2019 год по миру (по кассовым сборам) и за 2019 год по России (по количеству посещений). Несмотря на то что данные по фильмам за 2020–2021 гг. частично уже есть, мы считаем более продуктивным рассмотреть данные за 2019 г., так как 2020 г. слишком сильно выделяется, и мы пока что не можем утверждать, отражает это уникальность или новую тенденцию (на кинопрокат пандемия повлияла по-разному в разных странах, что определялось, в частности, количеством времени, когда кинотеатры были официально открыты).

На протяжении большей части рассматриваемого периода все (или почти все) 20 самых популярных в мире фильмов были сняты в США или совместно с США. Это говорит о высоком охвате голливудскими фильмами мирового кинопроката, интерес аудитории к таким фильмам и успешную стратегию кооперации американских компаний с компаниями как стран, имеющих с ними высокую культурную и лингвистическую совместимость (Великобритания, Австралия, Новая Зеландия), так и новых, быстро развивающихся рынков (Китай), и подчёркивает лидирующее положение США на мировом рынке киноиндустрии.



Кадр из фильма «Король говорит» (2010) [7].

Тенденция последних лет – появление новых игроков на этом рынке. Мы видим Китай сначала среди стран, создающих наиболее популярные фильмы в совместно с США, а затем (с 2016 г.) и как индивидуального производителя. США компенсируют рост Китая, во-первых, активным сотрудничеством с этой страной в области киноиндустрии (с 2013 г. реализуют совместное производство на уровне одного-четырёх фильмов в год) и, во-вторых, поиском новых стран для сотрудничества: так, с 2014 г. становятся заметными на мировой арене их совместные проекты с Японией. С 2016 г. начинается постепенное сокращение средней доли самых популярных фильмов в мире, произведённых с участием США. В 2019 г. это невиданное ранее на мировом рынке сокращение до 80%: в этот год четыре картины были произведены в Китае.

История самых популярных в мире фильмов – часть истории культурной. Например, появление в начале 2000-х Новой Зеландии среди стран, которые произвели самые популярные в мире фильмы (семь фильмов с 2002 по 2006 г.), свидетельствует об успешной кооперации с ней США, что привело к появлению снятых совместно культовых трилогий «Властелин Колец», а затем – «Хоббит» (и повлияло на развитие Новой Зеландии не только с кинематографической стороны, но и с туристической [Белова Е.Д., 2018a]). История сотрудничества США и Великобритании в ещё большей степени связана с самыми популярными кинообразами XXI века: это серии фильмов про Джеймса Бонда, «Хроники Нарнии» (изначально снимавшиеся совместно с Новой Зеландией), про Гарри Поттера или отдельные выдающиеся работы – «Аватар», «Король говорит» и др. Если в случае сотрудничества со странами, близкими в культурном плане (в широком смысле – представителями «западной» культуры) идеи, которые авторы вносят в сюжет, в большинстве случаев не вызывают противоречий, то когда сотрудничество США происходит со странами Востока, особенно обладающими такой самобытной культурой, как Япония или Китай, интересно проследить, как это проявляется на результатах такого сотрудничества – фильмах, становящихся самыми популярными в мире. Рассмотрим кинокартины, снятые совместно США с Китаем, и проанализируем, приносит ли это изменение в структуре мирового производства кино изменение на уровне смыслов.

ФИЛЬМЫ США – ЯПОНИЯ

Две трети фильмов, снятых совместно США и Японией и вошедших в двадцатку самых популярных в мире в начале XXI века, не отходят от типичных конструкций построения сюжета и визуальной составляющей американских кинокартин [Berliner T., 2017]. В первую очередь, это мультипли-

кационные ленты: «Зверопой» (2016), «Тайная жизнь домашних животных-2» (2019) и «Как приручить дракона-3» (2019). По названию последнего фильма можно подумать, что перед нами развернётся история с местным национальным колоритом. Но оказывается, что колорит совсем не американский и не японский, а североевропейский, сюжет разворачивается вокруг истории про викингов. Фильм «Форсаж: Хоббс и Шоу» (2019) – продолжение известной франшизы, тоже снят в типичной голливудской манере. Однако два американско-японских фильма всё-таки связаны с японской культурной спецификой. Первый из них – «Покемон. Детектив Пикачу» (2019). Фильм снят по франшизе от «Нинтендо» (*Nintendo*) (японская компания-производитель видеоигр); по сюжету в повседневную действительность большого города (Райм-сити – гибрид Лондона и Токио) вписаны покемоны – популярные персонажи видеоигры, ставшие неотъемлемой частью современной культуры Японии. Второй – «Годзилла» (2014) – фильм про доисторического монстра, популярного японского персонажа комиксов, чья «жизнь» насчитывает несколько десятилетий и о котором было снято несколько десятков местных фильмов (выпуск данной кинокартины ознаменовал шестидесятилетие франшизы – первый японский фильм про монстра был снят в 1954 году).

ФИЛЬМЫ США – КИТАЙ

Ещё в 2010-х годах крупнейшие кинокомпании США начали сотрудничество с кинокомпаниями Китая, чья киноиндустрия росла колоссальными темпами [Белова, 2018б: 62]. Большая часть совместных фильмов США и Китая во многом обладают считываемой для китайского населения спецификой. Из такого сотрудничества рождаются анимационные фильмы, например, «Кунг-фу Панда-3» (2016), действие которого происходит в населённом животными Древнем Китае, где панды, как и в современности, тоже исчезающий вид. Как пишет российский кинокритик Антон Долин: «Китайский пласт этой в целом универсальной сказки отражён в пристальном внимании к ландшафту и архитектуре выдуманного мира, к одежде и пище главных героев, ну и в приглашении знаменитостей с китайскими корнями. Впрочем, главное богатство сериала, объединяющее в дружном мимими Запад и Восток, ясное дело, не они, а сам панда. Теперь – многочисленные панды» [1]. Так, один фильм одновременно приносит студии большие сборы в прокате и становится способом транслировать китайские символы и образы легко считываемым путём.



Кадр из фильма «Кунг-фу Панда 3» (2016) [2].

Важная особенность в деле сотрудничества с Китаем в области кино – для попадания фильма в китайский прокат он должен быть одобрен на государственном уровне, а также учитывать и в сюжете, и в маркетинге местные культурные особенности. Рассмотрим успешный и неуспешный пример действий американских кинокомпаний в данном контексте. Два фильма – «Трансформеры: Эпоха истребления» (2014, «Парамоунт пикчерс корпорейшн») и «Мулан» (2020, «Уолт Дисней пикчерс») – с одинаковым бюджетом (около 200 млн долл.) собрали в прокате соответственно 1 млрд долл. и 70 млн долл. Такие различия в степени кассового успеха, на наш взгляд, напрямую связаны с ориентацией (и её отсутствием) на местные культурные особенности. Для того чтобы «угодить» местному правительству и зрителю, в «Трансформерах» заняты китайские актёры, тут имеет место скрытая реклама китайских товаров, на кадрах мы видим узнаваемые китайские локации в «современном ракурсе». Премьера состоялась в Гонконге, фильм торжественно закрывал Шанхайский кинофестиваль, а в качестве «агитационной» работы главные актёры записали для местных студентов (референтная группа фильма – девушки и юноши моложе 25 лет) видеообращения с пожеланием успехов в сдаче экзаменов (фильм выходил в период окончания учебного года) [Lukinbeal, 2019].

Несмотря на то что фильм «Мулан» был «обречён» на популярность: помимо маркетинговых возможностей одной из крупнейших американских кинокомпаний, его отличал сюжет истории, классической одновременно и для

Голливуда (это киноверсия популярного анимационного фильма «Мулан», снятого «Уолт Дисней пикчерс» в 1998 г.), и для Китая (основа истории – местная легенда), политический скандал свёл на нет все ожидания. Одним из мест для съёмок был выбран Синьцзян-Уйгурский автономный район, в титрах кинокомпания поблагодарила восемь местных ведомств, некоторые из которых, по мнению правозащитников, контролируют «центры перевоспитания», где содержатся тысячи уйгуров, «Если вы смотрите "Мулан" <...> вы также соучастник массового лишения свободы мусульман-уйгуров» [3]. История получила мировую огласку, которую не погасило даже официальное опровержение МИД Китая, после чего китайские дистрибьюторы прекратили показ фильма. Описанная ситуация происходила в период пандемии 2020 г., что до минимума сократило шансы фильма на успех. Цифровой релиз (премьера фильма в онлайн-кинотеатре компании «Уолт Дисней Пикчерс») не смог исправить ситуацию.

САМЫЕ КАССОВЫЕ ФИЛЬМЫ: 2019 год

На примере анализа самых популярных в мире фильмов за 2019 г. мы видим влияние американских кинокомпаний. По табл. 3 можно проследить, что 8 из 20 фильмов сняты компанией «Уолт Дисней пикчерс», 3 – «Юниверсал студиос», по 2 – «Уорнер броз. эЭнтертеймент, инк.» и «Сони пикчерс энтертеймент, инк.», причём это происходит и в тех случаях, когда фильм снят не только США, но и другими странами совместно с США, то есть 15 из 20 самых популярных фильмов сняты американскими главными кинокомпаниями. И только китайские кинокартины, которых в этот год стало рекордно много среди самых кассовых, произведены другими кинокомпаниями. Впервые в истории у крупнейших американских компаний появляются конкуренты такого масштаба, даже с учётом того, что они находятся под контролем государства.

Таблица 3

Самые популярные в мире фильмы. 2019 г.

	Фильм	Страна производства (компания)	Компания-производитель фильма	Мировые кассовые сборы	Жанр фильма (по Кинопоиску)
1	«Мстители: Финал»	США	«Walt Disney Pictures»	2798	фантастика, боевик, приключения
2	«Король Лев»	США/Великобритания	«Walt Disney Pictures»	1657	мультфильм, приключения, семейный

3	«Холодное сердце 2»	США	«Walt Disney Pictures»	1246	мультфильм, приключения, семейный
4	«Человек-паук: вдали от дома»	США	«Sony Pictures Entertainment, Inc.»	1132	фантастика, боевик, приключения
5	«Капитан Марвел»	США	«Walt Disney Pictures»	1130	фантастика, боевик, приключения
6	«История игрушек 4»	США	«Walt Disney Pictures»	1074	мультфильм, приключения, семейный
7	«Джокер»	США	«Warner Bros. Entertainment, Inc.»	1066	драма, криминал, триллер
8	«Алладин»	США	«Walt Disney Pictures»	1051	боевик, приключения, семейный
9	«Звёздные войны: Скайуокер. Восход»	США	«Walt Disney Pictures»	787	фантастика, боевик, приключения
10	«Форсаж: Хоббс и Шоу»	США/Япония	«Universal Studios»	761	боевик, триллер, приключения
11	«Нэчжа»	Китай	«Chengdu Co-co Cartoon»	728	мультфильм, фэнтези, боевик
12	«Блуждающая Земля»	Китай	«China Film Group Corporation (CFGC)»	689	фантастика, боевик, драма
13	«Как приручить дракона 3»	США/Япония	«Universal Studios»	522	боевик, приключения, семейный
14	«Джуманджи: Новый уровень»	США	«Sony Pictures Entertainment, Inc.»	513	фэнтези, боевик, приключения

15	«Малефисента : Владычица тьмы»	США/Великобритания / Канада	«Walt Disney Pictures»	491	фэнтези, приключения, семейный
16	«Оно 2»	США/Канада	«Warner Bros. Entertainment, Inc.»	473	ужасы, фэнтези, драма
17	«Тайная жизнь домашних животных 2»	США/ Франция/ Япония	«Universal Studios»	434	комедия, приключения, семейный
18	«Покемон. Детектив Пикачу»	США/ Япония	«Warner Bros. Entertainment, Inc.»	433	фантастика, приключения, семейный
19	«Я и моя родина»	Китай	«Bona Film Group», «Alibaba Pictures»	415	драма, история
20	«Китайский лётчик»	Китай	«Bona Film Group», «Alibaba Pictures Group»	405	биография, боевик, триллер

Составлено по данным [6, 2020].

Распределение по жанрам оказывается показательным (и остаётся средним на протяжении остальных лет наблюдений). Этот набор жанров напрямую связан с особенностями функционирования киноиндустрии как культурной и креативной индустрии [Хезмондалш Д., 2018]. Главная характеристика самых популярных фильмов – больше четверти из них составляют анимационные кинокартины. Связано это, в первую очередь, с тем, что фильмы, на которые можно сходить всей семьёй, выгодны для кинопроката и априори пользуются повышенной популярностью. Больше половины фильмов – продолжение предыдущих («Холодное сердце-2», «Как приручить дракона-3», «Человек-паук...» и др.). В данном случае ставка делается на проверенные кинообразы, которые ранее уже доказали свою популярность. Д. Хезмондалш определяет такой формат развития отрасли как ответ на одну из основных проблем культурных индустрий – наличие высокого риска при составлении репертуара (так как никто не может предугадать вкус аудитории, провалы компенсируются хитами, а уже проверенные хиты превращают в серии фильмов (или франшизы), чтобы точно получить финансовую выгоду) [Хезмондалш Д., 2018]. В своей книге «Битва за прокат...» американский журналист Бен Фритц пишет о том, что страх перед провалом

новинок приводит к снижению оригинальности производимых в Голливуде кинокартин, а также к доминированию студий над режиссёрами [Фритц Б., 2011]. В последние годы самой популярной серией фильмов стала крупнейшая франшиза, созданная по комиксам компании «Марвел» (*Marvel*). Только в 2019 г. три из двадцати самых кассовых фильмов относятся к этой франшизе: «Мстители: Финал», «Человек-паук: вдали от дома» и «Капитан Марвел». Всего по франшизе снято 29 фильмов, которые суммарно собрали более 27 млрд долл. [5].



Кадр из фильма «Мстители: Финал» (2019) [2].

Набор популярных жанров среди 20 фильмов – боевики и приключения (13 из 20), а также фантастика. Один из факторов такого набора – появление новых технологий в кино (3D, экранов с высоким разрешением и др.), использующихся чаще в боевиках и фантастических лентах, чем в драматических (и побуждающих людей идти смотреть фильм в кинотеатр). Другой фактор – метод форматирования, который Хезмондалш определяет как ещё один способ борьбы культурных индустрий с высоким уровнем риска. Жанровые определения, например, «приключения», работают как этикетки (по аналогии с брендами), «сообщая аудитории, какого рода удовольствие она может получить от продукта» [Хезмондалш Д., 2018, с.43]. Создание на основе хитов серий фильмов, «семейные предложения» и визуальные эффекты для увеличения числа посетителей кинотеатров, жанровое форматирование – всё это мы определяем как «голливудский стандарт» в создании и продвижении кинокартин. Так как именно голливудские (или крупнейшие американские) кинокомпании действуют с индустриальной точки зрения как компании культурных и креативных отраслей. Хотя, конечно, отдельные авторские проекты (например, «Король говорит» режиссёра Тома Хупера) иногда тоже оказываются среди самых кассовых, но для большинства случаев работают эти правила.



Кадр из фильма «Холодное сердце-2» (2019) [2].

В 2019 г. в двадцатку самых популярных фильмов мира попало четыре китайских работы. Уникально это явление тем, что кинокартины сняты не в копродукции с США, а Китаем самостоятельно. По таблице мы видим, что речь идёт, в первую очередь, о росте посещений кинотеатров в Китае (так как почти 100% проката собрано в китайских кинотеатрах). Ниже приведём анализ кинокартин, которые, на наш взгляд, попадают в формат «голливудского стандарта» в исполнении Китая.

Ярким примером картины, снятой в Китае с «голливудским стандартом», стал самый кассовый неанглоязычный анимационный фильм в мире – «Нэчжа» (2019), хотя повествует он о классической китайской истории (по мотивам китайского романа «Превращение в богов»). В романе Нэчжа родился во времена династии Шан (около 1600 до н.э. – 1050 до н.э.) и был известен тем, что сражался с Королем Драконов. В кинокартине сделан особый акцент на культурном ландшафте, он подчёркнуто местный: от горных массивов (интересно, что похожие горы мы видим и в «Аватаре», и в «Кунг-фу Панде»; Китай обладает большим разнообразием пейзажей, но часто выбор режиссёров останавливается именно на горах) и рисовых полей до традиционно китайских строений и видов времяпрепровождения (например, главный герой любит «игру в ласточку» – перебрасывание ногами предмета, похожего на волан для бадминтона [4]). Тем не менее, визуальные эффекты и особенности шуток отсылают нас к американским «стандартам» развлекательного кино. Кроме того, «Нэчжа» стал частью серии анимационных фильмов (в 2021 и 2022 г. вышли вторая и третья части истории). Другой пример – «Блуждающая Земля» (2019) – первый высокобюджетный китайский блокбастер в жанре космической фантастики, снятый по повести китайского писателя. Визуальный ряд кинокартины неотличим от западных аналогов.



Кадр из фильма «Нэчжа» (2019) [7].

САМЫЕ КАССОВЫЕ ФИЛЬМЫ В РОССИИ: 2019 год

Отдельно проанализируем двадцатку самых популярных фильмов в 2019 г. в России. Автору показалось интересным добавить такой обзор для сравнения среднемировых показателей с показателями конкретной страны.

Сравнение оказывается впечатляющим: на примере отдельной страны существует практически тот же «стандартный набор» самых популярных фильмов, что иллюстрирует, как влияние крупнейших американских кинокомпаний распространяется на отечественный кинопрокат. За исключением трёх российских фильмов из 20, в производстве каждого из остальных 17 фильмов принимали участие главные компании (полностью или совместно с другими странами). И 13 из них те же, что и в общемировом перечне популярных (например, «Мстители: Финал», «Холодное сердце 2» и др.). Российский кинопрокат представлен картинами «Т-34» и «Полицейский с Рублёвки. Новогодний беспредел» в двух частях. Как правило, именно на такие жанры (военные и комедийно-приключенческие) делают ставку российские продюсеры, когда планируют создание популярной кинокартины (подтверждение этому, например, серия из семи комедийных фильмов «Ёлки», вышедших с 2010 по 2018 гг., и отличавшихся высокими посещениями в кинотеатрах [6 (2011-2019)]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Голливуд не случайно стал именем нарицательным для всей американской киноиндустрии: как было показано выше, именно составляющие его кинокомпании-гиганты определяли и продолжают определять важнейший кинотеатральный контент – самые кассовые фильмы в мире.

За рассмотренный период шестёрка кинокомпаний-лидеров из США показывает стабильно высокое присутствие на местном и иностранном рынке. По кассовым сборам в отдельные годы оно достигает в США 85%, а в среднем с 1995 по 2022 г. составляет 79%. Таким образом, от 10 до 25% всех выпущенных крупнейшими кинокомпаниями США фильмов получают около 80% всех кассовых сборов. Кроме того, понимая важность сферы кинопроката для получения доходов в отрасли, лидеры приходят на рынки развитых (или развивающихся высокими темпами) стран в области киноиндустрии, где контролируют до 78% кинопроката.

Анализ самых кассовых фильмов выявил механизмы культурных индустрий, по которым они были созданы крупнейшими американскими кинокомпаниями (до 2020 г. они занимают в доле производителей самых популярных фильмов около 90-100%). Возможные провалы компенсируются хитами путём построения репертуара (создание серий фильмов: например, франшизы анимационных фильмов – «История игрушек», «Холодное сердце» и крупнейшая франшиза, созданная по комиксам компании «Марвел»), снижение рисков происходит за счёт жанрового форматирования (например, в 2019 г. 13 из 20 фильмов относятся к «приключениям»), акцент сделан на зрелищность.

В противовес сложившейся системе популярности, на рынок самых кассовых фильмов на рубеже 2020-х годов выходят кинокартины производства Китая. К этому привело одновременное влияние двух трендов: ускоренное развитие местной киноиндустрии и снижение темпов её роста в развитых странах из-за длительного закрытия там кинотеатров во время пандемии. Анализ содержания самых популярных китайских фильмов показал, что часть их копирует «голливудский стандарт» обретения популярности.

Ответ на вопрос, заданный названием статьи, в начале работы над материалом казался автору отрицательным. Так как популярность китайских фильмов обеспечивается почти на 100% национальным кинопрокатом. Тем не менее, хотя их сюжеты часто ориентируются на голливудские стандарты с повествовательной и с визуальной точки зрения, часть продукции отличает то, что она нацелена на определённый вид репрезентации местной культуры и истории. Изначально аудитория этих фильмов ограничена местным прокатом, но само попадание в число самых кассовых (за счёт огромного местного рынка) делает их заметными для остального мира, что создаёт им вторичную популярность и расширяет спектр влияния. Полагаю, что, несмотря на указанный эффект пандемии, который ещё не может быть учтён в полной мере, такого игрока можно назвать альтернативой Голливуду. Особенно, учитывая, что рынки развивающихся стран (Африки и Азии) ещё не насыщены (у них есть большой потенциал для увеличения кинопросмотров их жителями), поэтому можно ожидать продолжения перемен в сфере самых кассовых в мире фильмов.

ИСТОЧНИКИ

1. Долин А. Кунг-фу Панда-3: умножение чёрно-белых. *Афиша*. 28.01.2016. Available at: <https://daily.afisha.ru/cinema/396-kung-fu-panda-3-umnozhenie-chno-belyh> (accessed 7.09.2022).
2. Кинопоиск. Available at: <https://www.kinopoisk.ru> (accessed 28.08.2022).
3. Миклашевская А. У правозащитников появились претензии к фильму «Мулан». *Коммерсант*. 08.09.2020. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4483687> (accessed 5.06.2022).
4. Традиционные игры и развлечения древнего Китая. *Международное радио Китая*. 10.11.2017. Available at: http://russian.cri.cn/arder/sports/351/20171110/50131_2.html (accessed 7.09.2022).
5. Box Office Mojo by IMDb pro. Available at: <https://www.boxofficemojo.com> (accessed 7.09.2022).
6. Focus. World Film Market Trends. European Audiovisual Observatory. *Marché du Film*. 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020. Available at: <https://www.obs.coe.int/en/web/observatoire> (accessed 1.07.2022).
7. IMDb. Available at: <https://www.imdb.com> (accessed 1.07.2022).
8. Market Share for Each Distributor 1995-2022. *The Numbers*. Available at: <https://www.the-numbers.com/market/distributors> (accessed 5.09.2022).
9. The UNESCO Institute of Statistics. Available at: <https://uis.unesco.org> (accessed 5.10.2022).
10. Williams G. The Story of Hollywoodland *Beachwood Canyon Neighborhood Association*. Available at: <https://web.archive.org/web/20140323064859/http://www.beachwoodcanyon.org:80/HISTORY.htm> (accessed 28.08.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А. Война за независимость. Рождение американской кинопромышленности. *Сеанс*. 2015. № 53/54. 1.03.2015.
- Артамонова У.З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. №2. С. 110-122.
- Белова Е.Д. География мировой киноиндустрии как части креативной экономики и фактора развития других отраслей (на примере кинематографического туризма): автореферат дисс. канд. геогр. наук. М.: 2021. 24 с.
- Белова Е.Д. Кинематографический туризм в России. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2018. №3. С. 96-99.
- Белова Е.Д. Киноиндустрия стран Иберо-Америки: особенности региональной интеграции. *Латинская Америка*. 2022. №2. С. 79-91.
- Белова Е.Д. Территориальные различия в уровне развития киноиндустрии стран мира. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2018. №1. С. 57-65.

Ермаков Д.Н., Казенков О.Ю. Американско-китайские отношения в условиях глобализации. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022. №8. С. 102-124. DOI 10.31857/S2686673022080089

Жабский М.И. Восхождение Голливуда к вершине конкурентоспособности в свете социологического дискурса Д. Прокопа. *Вестник ВГИК*. 2022. Т. 14. №1 (51). С. 76-86

Жабский М.И., Тарасов К.А. Развлекательное насилие в кинодосуге учащейся молодежи. *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27. №4. С. 76-85.

Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75-89.

Фритц Б. Битва за прокат. Как легендарные франшизы убивают оригинальность в Голливуде. М.: Эксмо. 2011. 360 с.

Халилов В.М. «Ярость белых мужчин»: «Джокер» Тодда Филлипса и культурный цайтгайт (дух времени). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2020; 50(8): 97-114. DOI: 10.31857/S268667300010631-4

Хезмондаш Д. Культурные индустрии. Высшая Школа Экономики, М.: 2018. 455 с.

Yin H., Sun Y. Analysis of China's Film Industry in 2020. *Journal of Chinese Film Studies*, vol. 1, no. 2, 2021, pp. 295-328.

REFERENCES

Andreev A. Voina za nezavisimost'. Rozhdenie amerikanskoi kinopromyshlennosti. *Seans*. 2015. № 53/54. 1.03.2015.

Artamonova U.Z. Amerikanski kinematograf kak instrument publichnoi diplomatii SShA. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. 2020. №2. S. 110-122.

Belova E.D. Geografiia mirovoi kinoindustrii kak chasti kreativnoi ekonomiki i faktora razvitiia drugikh otraslei (na primere kinematograficheskogo turizma): avtoreferat diss. kand. geogr. nauk. Moscow, 2021. 24 s.

Belova E.D. Kinematograficheskii turizm v Rossii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiia*. 2018. №3. S. 96-99.

Belova E.D. Kinoindustriia stran Ibero-Ameriki: osobennosti regional'noi integratsii. *Latinskaia Amerika*. 2022. №2. S. 79-91.

Belova E.D. Territorial'nye razlichii v urovne razvitiia kinoindustrii stran mira. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiia*. 2018. №1. S. 57-65.

Berliner T. Hollywood aesthetic: Pleasure in American Cinema. Oxford University Press. 2017. 320 p.

Box Office Mojo by IMDb pro. Available at: <https://www.boxofficemojo.com> (accessed 7.09.2022).

Ermakov D.N., Kazenkov O.Iu. Amerikano-kitaiskie otnosheniia v usloviakh globalizatsii. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2022. №8. S. 102-124.

Fritts B. Битва за прокат. Как легендарные франшизы убивают оригинальность в Голливуде. Moscow, Eksmo. 2011. 360 с.

Khalilov V.M. "White Male Rage": Todd Phillips' Joker and the Cultural Zeitgeist. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2020. No.8. S. 97-114.

Khezmondalsh D. Kul'turnye industrii. Vysshaia Shkola Ekonomiki, Moscow, 2018. 455 s.

Lukinbeal C. The Chinification of Hollywood: chinese consumption and the self-censorship of U.S. films through a case study of Transformers Age of Extinction. *Erdkunde*. 2019. Vol. 73. No. 2. Pp. 97-110.

Market Share for Each Distributor 1995-2022. *The Numbers*. Available at: <https://www.the-numbers.com/market/distributors> (accessed 5.09.2022).

McDonald P. Hollywood Stardom. Wiley-Blackwell. 2012. 352 p.

Scott I. American Politics in Hollywood Film. Edinburgh University Press. 2011. 264 p.

Williams G. The Story of Hollywoodland. *Beachwood Canyon Neighborhood Association*. Available at: <https://web.archive.org/web/20140323064859/http://www.beachwoodcanyon.org:80/HISTORY.htm> (accessed 28.08.2022).

Yin H., Sun Y. Analysis of China's Film Industry in 2020. *Journal of Chinese Film Studies*, vol. 1, no. 2, 2021, pp. 295-328.

Zamiatina N. Iu. Zona osvoeniia (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1998. № 5. P. 75-89.

Zhabskii M.I. Voskhozhdenie Gollivuda k vershine konkurentosposobnosti v svete sotsiologicheskogo diskursa D. Prokopa. *Vestnik VGIK*. 2022. T. 14. №1 (51). P. 76-86.

Zhabskii M.I., Tarasov K.A. Razvlekatel'noe nasilie v kinodosuge uchashcheisia molodezhi. *Vysshiee obrazovanie v Rossii*. 2018. T. 27. No4. P. 76-85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛОВА Екатерина Дмитриевна, кандидат географических наук, старший преподаватель Школы философии и культурологии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.

Ekaterina D. BELOVA, Cand. Sci. (Geography). Senior Lecturer, School of Philosophy and Cultural Studies. HSE University. 21/4 str.1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 16.11.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 30.11.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 2.12.2022.

УДК 327+94(71).06

DOI: 10.31857/S2686673023020086

EDN: PAZFSC

Конференция «80 лет российско-канадских дипломатических отношений, 1942–2022»

Ю.Г. Акимов

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7–9.

Researcher ID: K-3377-2015 Scopus AuthorID: 57188987396 РИНЦ ID: 256205

ORCID 0000-0002-2989-8868 e-mail: y.akimov@spbu.ru

К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7–9.

Researcher ID: M-6859-2016 Scopus AuthorID: 56401887900 РИНЦ ID: 730215

ORCID 0000-0001-5833-6808 e-mail: k.minkova@spbu.ru

Резюме: В сообщении приводится информация о международной научной конференции «80 лет российско-канадских дипломатических отношений», состоявшейся в Санкт-Петербургском государственном университете в рамках Первого Санкт-Петербургского конгресса исследователей международных отношений, проходившего 10–12 ноября 2022 г. Отмечается, что данная конференция была единственным мероприятием, посвящённым юбилейной дате, в России и в Канаде. Показано, что в конференции приняло участие значительное число канадоведов со всей России. Представленные ими доклады, посвящённые различным аспектам канадской истории, политики, культуры, социальной сферы, были выполнены на чрезвычайно высоком уровне.

Ключевые слова: Россия, Канада, российско-канадские отношения, международная научная конференция

Для цитирования: Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Конференция «80 лет российско-канадских дипломатических отношений». *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53(2):122–126. DOI: 10.31857/S2686673023020086 EDN: PAZFSC

Conference "80 years of Russia–Canada Relations, 1942–2022"

Yury G. Akimov

Saint-Petersburg State University,

7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Researcher ID: K-3377-2015 Scopus AuthorID: 57188987396 РИНЦ ID: 256205

ORCID: 0000-0002-2989-8868 e-mail: y.akimov@spbu.ru

Kristina V. Minkova

Saint-Petersburg State University,

7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Researcher ID: M-6859-2016 Scopus AuthorID: 56401887900 РИНЦ ID: 730215

ORCID 0000-0001-5833-6808 e-mail: k.minkova@spbu.ru

Abstract: The article provides information about the international scientific conference dedicated to the 80-th anniversary of the establishment of Russian-Canadian diplomatic relations which was held at St. Petersburg State University as part of the First Saint-Petersburg Congress on International Studies “Global and Regional Challenges in the Changing World”, held on November 10–12, 2022. It is noted that that this conference was the only public event dedicated to the anniversary date both in Russia and in Canada. It is shown that a significant number of Canadian scholars from all over Russia took part in the conference. Their presentations, devoted to various aspects of Canadian history, politics, culture, and the social sphere, showed an extremely high level of academic knowledge.

Keywords: Russia, Canada, Russia-Canada Relations, International Conference

For citation: Akimov Y.G., Minkova K.V. Conference “80 years of Russia-Canada Relations, 1942-2022”. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(2):122-126.

DOI: 10.31857/S2686673023020086 EDN: PAZFSC

10–12 ноября 2022 г. в Санкт-Петербургском государственном университете проходил Первый Санкт-Петербургский конгресс исследователей международных отношений – представительный форум, собравший на одной площадке дипломатов и учёных из России и нескольких десятков зарубежных государств. В рамках конгресса – как отдельное мероприятие – была проведена научная конференция, посвящённая 80-летию установления дипломатических отношений между Канадой и СССР (1942–2022). В чём заключалась миссия данной конференции? Какие вопросы поднимались в докладах её участников? Каковы её основные итоги? – на эти вопросы мы постараемся ответить в настоящей статье.

Конференция «80 лет российско-канадских дипломатических отношений» стала третьим по счёту крупным канадоведческим мероприятием, проведённым Центром канадских исследований СПбГУ, который был создан в феврале 2020 г. Первой была проведена 6–7 апреля 2021 г. международная научно-практическая конференция «Сотрудничество России и Канады в Арктике на федеральном и региональном уровнях: инфраструктура, экономические возможности и благополучие северян»; потом, 30 сентября – 1 октября 2021 г., прошла международная конференция VIII Канадские чтения [Акимов Ю.Г., Минкова К.В. (ред.) 2021a; Акимов Ю.Г., Минкова К.В. (ред.) 2021b.]. Третья конференция собрала специалистов из университетов и научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Волгограда, Тамбова, Саратова, Архангельска.

В приветствии, которое поступило в адрес организаторов и участников конференции от Посольства Российской Федерации в Канаде, было подчёркнуто, что в нынешней непростой ситуации она стала единственным публичным мероприятием, посвящённым данному юбилею. Советник-посланник Посольства В.А. Проскуряков выразил надежду, что нынешнее состояние «заморозки» отношений между Москвой и Оттавой носит временный характер и обязательно закончится оттепелью. Важность конференции, по словам Проскурякова, состоит в возможности нахождения потенциальных опорных точек для выстраивания новых отношений между нашими странами.

Президент Российского общества изучения Канады Т.Р. Кузьмина в своём приветственном слове акцентировала внимание на важности продолжения изу-

чения Канады в новой политической ситуации. Директор Центра канадских исследований СПбГУ Ю.Г. Акимов подчеркнул, что работу Центра, в том числе и по организации научных мероприятий, поддерживает руководство Санкт-Петербургского университета, Посольство Российской Федерации в Оттаве и Департамент Северной Америки Министерства иностранных дел РФ.

Первое пленарное заседание конференции (модератор Ю.Г. Акимов) было посвящено реалиям сегодняшнего дня. Его открыл доклад А.Л. Демчука (МГУ/ИСКРАН, Москва), посвящённый мегатенденциям современного мирового развития. Н.С. Вяхирева (РСМД, Москва) в своём выступлении осветила трудности взаимодействия России и Канады в Арктике на современном этапе. Она подчеркнула, что сотрудничество двух стран находится практически на нуле, и каких-либо перемен стоит ожидать только после завершения председательства России в Арктическом совете. Т.Р. Кузьмина (ИСКРАН, Москва) подробно рассказала о деятельности Международного совета по канадским исследованиям (International Council for Canadian Studies / Conseil international d'études canadiennes, ICCS / AREC) членом которого является Российское общество изучения Канады (РОИК). М.В. Солянова (ИМЭМО РАН, Москва) остановилась на роли США в современной внешней политике Канады. Она отметила, что при сохранении общего курса на альянс с южным соседом Канада, тем не менее, способна и предпринимает независимые шаги на международной арене. И.А. Соков (ВолГУ, Волгоград) посвятил свой доклад современной квебекской инициативе «Нового зелёного курса» Канады.

На втором пленарном заседании (модератор А.Н. Учаев) обсуждались актуальные проблемы истории российско-канадских отношений и внешней политики Канады. А.И. Кубышкин (СПбГУ, Санкт-Петербург) рассказал о парадоксальной ситуации, сложившейся с предвзятой переоценкой наследия Эгертона Райерсона – одного из создателей системы образования в Канаде. Некогда уважаемый учёный в последние годы подвергается резкой критике, приводящей к весьма драматическим общенациональным последствиям напоподобие сноса памятников, установленных в его честь. Н.Ю. Жуковская (ТГУ, Тамбов) в своём докладе осветила важный и очень интересный эпизод дипломатической истории, связанный с избранием Канады в Совет Лиги Наций в 1927 г. А.Н. Учаев (СГТУ, Саратов) рассмотрел специфику отношений призывников и добровольцев в канадских вооружённых силах в годы Второй мировой войны. К.В. Минкова (СПбГУ, Санкт-Петербург) на основе анализа дебатов, проходивших в канадском парламенте в августе 1944 г., реконструировала видение послевоенного мироустройства, складывавшееся в то время у канадских политиков. И.А. Аггеева (ИВИ РАН, Москва) остановилась на «миссии мира» Пьера Элиота Трюдо, существенно укрепившей международный авторитет Канады и ставшей одной из наиболее ярких страниц канадской внешней политики новейшего времени. Ю.Г. Акимов (СПбГУ) сфокусировал своё внимание на советско-канадских и российско-канадских отношениях на уровне субъектов федераций, отметив наличие положительного опыта последней трети XX века и указав на перспективы его использования в дальнейшем.

Заседание первой секции конференции (модератор Е.В. Исаева) было посвящено проблемам языка, культуры, научного и образовательного сотрудничества. К.С. Романов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) проанализировал закон о светскости государства, принятый в провинции Квебек в 2019 г., и его роль в развитии франко-квебекского национализма. Л.Р. Зурабова (МГПУ, Москва) рассмотрела представления об идентичности и языковом строительстве в контексте политической философии Уильяма Кимлики – одного из наиболее известных современных канадских политических философов. Е.В. Исаева (РГГУ, Москва) рассказала об уникальном опыте деятельности учебно-научного центра «Москва–Квебек», где преподаётся широкий круг дисциплин, посвящённых языку, истории, культуре, географии, политике, экономике Квебека и шире – Французской Америки – и где осуществляются не имеющие аналогов научные проекты. А.И. Ломакина (РГГУ / ИГ РАН, Москва) на основе серии авторских интервью осветила особенности миграционной карьеры канадских студентов в России. Т.В. Анисимова (СПбГУПТД, Санкт-Петербург) посвятила своё выступление особенностям канадского дизайнера и его места в системе высшего образования Канады.

Работа второй секции конференции (модератор В.Г. Холоднов) была сконцентрирована вокруг вопросов внутренней политики Канады. В совместном докладе М.А. Никитенковой (ИСКРАН, Москва) и М.А. Тихомировой (СПбГПМУ, Санкт-Петербург) был поднят важный вопрос о государственном участии в построении цифровой инфраструктуры в канадском здравоохранении. В.Г. Холоднов (АСО, Казань) и Ф.М. Нуриахметова (КГЭУ, Казань) осветили важный и весьма дискуссионный вопрос, связанный с ролью федерализма в формировании канадской идентичности.

В работе секции также приняли участие аспиранты и магистранты СПбГУ и других ведущих вузов России. А.Д. Медведев (ВолГУ, Волгоград) рассказал об особенностях развития политической культуры Квебека во второй половине XX века. А.И. Масленникова (САФУ, Архангельск) сосредоточила своё внимание на роли северного фактора в национальной политике Канады. В.В. Тимофеев (СПбГУ, Санкт-Петербург), доклад которого вызвал значительное оживление в зале, поднял сложную проблему взаимовлияния технологического прогресса в сфере вооружения и перспектив канадского миротворчества. В.Н. Китов (СПбГУ, Санкт-Петербург) рассмотрел роль экономических санкций во внешнеполитическом курсе Канады в XXI веке.

В целом следует констатировать, что конференция прошла на высоком научном уровне и была положительно оценена всеми участниками и слушателями. Среди докладчиков было отрадно видеть новые имена, свидетельствующие о росте интереса к Канаде как к объекту изучения. Этот успех позволяет надеяться на успешное развитие российского канадоведения в предстоящие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. (ред.) 2021а. Восьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском университете: материалы конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября – 1 октября 2021 г. СПб.: Скифия-принт, 298 с.

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. 2021b. Восьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 12. С. 115–118. DOI: 10.31857/S268667300017547-1

REFERENCES

Akimov Y.G., Minkova K.V. (red.). 2021a. Vos'mye kanadskie chteniia v Sankt-Peterburgskom universitete: materialy konferentsii, Sankt-Peterburg, 30 sentiabrja – 1 oktiabria 2021 g. SPb.: Skifiia-print, 298 p.

Akimov Y.G., Minkova K.V. 2021b. Eighth Canadian Studies Conference at St. Petersburg State University. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No.12. P. 115–118. DOI: 10.31857/S268667300017547-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АКИМОВ Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры американских исследований, директор Центра канадских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, Санкт-Петербург

МИНКОВА Кристина Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований, заместитель директора Центра канадских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, Санкт-Петербург.

Yury G. AKIMOV, Dr. of Science (History), Full Professor at the Department of American Studies, and Director of the Center of Canadian Studies, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation

Kristina V. MINKOVA, Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of American Studies, and Deputy Director of the Center of Canadian Studies, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 07.12.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 14.12.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 15.12.2022.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.